

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования.

Humanitates

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Том 10. № 2 (38)

2024

Vol. 10. No. 2 (38)

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Humanities Research.

Humanitates

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

И. М. Чубаров, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

*Г. И. Баязитова, Тюмень, Россия
В. М. Костомаров, Тюмень, Россия
Вяч. С. Кулешов, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Кузнецова, Тюмень, Россия
А. А. Медведев, Тюмень, Россия
Е. В. Михалькова, Тюмень, Россия
Е. В. Новокрестьянских, Тюмень, Россия
Н. С. Чижев, Тюмень, Россия*

Ответственный секретарь

И. Н. Пупышева, Тюмень, Россия

Редакционный совет

*А. А. Арустамова, Пермь, Россия
Н. Н. Белозёрова, Тюмень, Россия
Т. В. Викторова, Страсбург, Франция
Д. Франческа Вирдис, Кальяри, Италия
Т. Вюниш, Пассау, Германия
С. Гартон, Астон, Великобритания
Н. В. Дрожжащих, Тюмень, Россия
А. Г. Еманов, Тюмень, Россия
О. В. Зырянов, Екатеринбург, Россия
Р. Кинг, Сан-Диего, США
С. А. Комаров, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Лабунец, Тюмень, Россия
П. Марийо, Тулуза, Франция
А. К. Нефёдкин, Белгород, Россия
Н. П. Парфентьев, Челябинск, Россия
С. С. Пашин, Тюмень, Россия
М. Саббатини, Пиза, Италия
Т. Н. Хомутова, Челябинск, Россия
Э. Хиановска-Ключевска, Краков, Польша
Р. Чая, Торунь, Польша
Е. Н. Эртнер, Тюмень, Россия*

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, б
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-humanitates@utmn.ru
Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.elibrary.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
По подписке Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief

I. M. Chubarov, Tyumen, Russia

Editorial board

G. I. Bayazitova, Tyumen, Russia
V. M. Kostomarov, Tyumen, Russia
Vyach. S. Kuleshov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Kuznetsova, Tyumen, Russia
A. A. Medvedev, Tyumen, Russia
E. V. Mikhalkova, Tyumen, Russia
E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia
N. S. Chizhov, Tyumen, Russia

Executive secretary

I. N. Pupyshcheva, Tyumen, Russia

Editorial council

A. A. Arustamova, Perm, Russia
N. N. Belozeroва, Tyumen, Russia
T. V. Victorova, Strasbourg, France
D. F. Virdis, Cagliari, Italy
T. Wunsch, Passau, Germany
S. Garton, Aston, UK
N. V. Drozhashchikh, Tyumen, Russia
A. G. Yemanov, Tyumen, Russia
O. V. Zyryanov, Yekaterinburg, Russia
R. King, San Diego, USA
S. A. Komarov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Labunets, Tyumen, Russia
P. Marillaud, Toulouse, France
A. K. Nefedkin, Belgorod, Russia
N. P. Parfentiev, Chelyabinsk, Russia
S. S. Pashin, Tyumen, Russia
M. Sabbatini, Pisa, Italy
T. N. Khomutova, Chelyabinsk, Russia
E. Chrzanowska-Kluczevska, Krakow, Poland
R. Czaja, Toruń, Poland
E. N. Ertner, Tyumen, Russia

ISSN 2411-197X (Print)

ISSN 2500-0896 (Online)

Founded by

University of Tyumen

Published, edited and printed by

UTMN-Press
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

For article submission

vestnik-humanitates@utmn.ru
No publication charges

The journal is distributed

Accessed at <http://www.elibrary.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
Subscription to Russian Post catalogue (No. IIA252)

Содержание

Языкознание

- 6 Исторические изменения периферийных типов субстантивного склонения, отразившиеся в древнерусском хронографе «Летописец Еллинский и Римский»
Донина Л. Н.
- 17 К вопросу о функционировании горнозаводской лексики в пермских памятниках XVIII в.
Чугаев Н. В.
- 31 Переходные явления при адвербиализации имен существительных
Чжоу Хайянь
- 40 Зоометафоры множества: субстантивная и адвербиальная семантика
Исаченко О. М.

Литературоведение

- 57 Формирование «московского текста» в ленинградской второй культуре
Марков А. В.
- 71 Локус лестницы в творчестве А. П. Чехова 1890–1900-х гг.: от духовного к непристойному
Рассказова К. С.

История

- 85 Мервские ханы (по материалам XIX в.)
Атдаев С. Д.
- 100 К проблеме сохранения временных революционных памятников Петрограда: по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга
Макарова Е. О.

Contents

Linguistics

- 6 Historical changes in the peripheral types of substantive declension, reflected in the Old Russian chronograph *The Hellenic and Roman Chronicle*
Donina, L. N.
- 17 On the mining vocabulary functioning in Perm 18th c. written records
Chugaev, N. V.
- 31 Transitional phenomena in the adverbialization of nouns
Haiyan, Zhou
- 40 Zoometaphors of multiple: substantive and adverbial semantics
Isachenko, O. M.

Literature studies

- 57 Formation of “Moscow text” in Leningrad’s second culture
Markov, A. V.
- 71 Ladder locus in Chekhov’s work of 1890s–1900s: from the spiritual to the obscene
Rasskazova, K. S.

History

- 85 Merv khans (using the materials of the 19th c.)
Atdayev, S. J.
- 100 Towards the problem of preserving temporary revolutionary monuments of Petrograd: the case of the Central State Archive of St. Petersburg
Makarova, E. O.

Исторические изменения периферийных типов субстантивного склонения, отразившиеся в древнерусском хронографе «Летописец Еллинский и Римский»

Людмила Николаевна Дони́на^{1, 2}✉

¹ Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: ldonina@mail.ru✉

Аннотация. На материале крупнейшего древнерусского хронографа XV в. — «Летописца Еллинского и Римского» второй редакции — представлены грамматические формы периферийных типов субстантивного склонения. Тематическое разнообразие и обширность текста обеспечивают лексическое богатство материала, что важно при изучении периферийных языковых явлений. Так, в памятнике зафиксированы во всех падежно-числовых формах практически все слова, относившиеся к склонению на *-es. Жанровые особенности позволяют наблюдать лексемы в разнообразных по содержанию и структуре контекстах, что дает возможность отметить начала стилистической дифференциации грамматических форм, сопровождающей иногда их исторические трансформации, и семантическую поддержку грамматическим и фонетическим причинам изменений. Например, анализ тематической группы названий детенышей подтвердил, что разрушению типа склонения с древней основой на *-et способствовала малочисленность лексем, сложившаяся отчасти за счет словообразовательной вариативности выражения значения 'невзрослость'. Хронограф является компилятивным текстом, составленным из фрагментов источников X–XV вв., часто сохраняющих морфологические формы, поэтому выявлены одновременные грамматические варианты. До распределения существительных по продуктивным типам склонения произошло противопоставление числовых подпарадигм, одним из механизмов которого было сохранение двух видов основы.

Ключевые слова: древнерусский язык, морфологические изменения, грамматическая категория, имя существительное, вариативность, хронограф, «Летописец Еллинский и Римский», XV век

Благодарности: финансирование участия в VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» осуществлено Санкт-Петербургским государственным университетом по результатам выполнения НИР в 2023 г.

Цитирование: Дони́на Л. Н. 2024. Исторические изменения периферийных типов субстантивного склонения, отразившиеся в древнерусском хронографе «Летописец Еллинский и Римский» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. Том 10. № 2 (38). С. 6–16. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-6-16>

Поступила 30.10.2023; одобрена 25.03.2024; принята 13.05.2024

Historical changes in the peripheral types of substantive declension, reflected in the Old Russian chronograph *The Hellenic and Roman Chronicle*

Lyudmila N. Donina^{1, 2}✉

¹ Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Corresponding author: ldonina@mail.ru ✉

Abstract. In this article, we present grammatical forms of peripheral types of substantive declension, observed on the material of the largest Old Russian chronograph of the 15th c. — *The Hellenic and Roman Chronicle* of the 2nd recension. Thematic diversity and vastness of the text provide a lexical wealth of material: approx. 4,500 nouns in 35,000 uses. This seems particularly significant when studying peripheral declension types. Thus, in the text, almost all the words belonging to the declension in *-es are marked, and in all case-numerical forms. The genre specificity of *The Hellenic and Roman Chronicle* presents such lexemes in the contexts diverse in content and structure. This highlights the beginnings of a stylistic differentiation of grammatical forms that sometimes accompanies their historical changes, as well as semantic support for grammatical and phonetic reasons for the disappearance of the old declension types. For example, the analysis of the thematic group of the names of the cubs recorded in *The Hellenic and Roman Chronicle* has confirmed that the destruction of the declension type with the ancient base in *-et was promoted by the small number of the lexemes included in it, formed also by the word-formation variability of the meaning ‘non-adulthood.’ The text is a compilation of large and small fragments from a variety

of sources dating 10th–15th c. They retain in most cases the morphological forms of the texts used, so the language of the *Chronicle* reveals different grammatical variants at different times. A study of nouns on the material of *The Hellenic and Roman Chronicle* helps, in particular, in stating that before the distribution of nouns according to productive types of declension, there was an opposition of singular and plural forms in them. One such mechanism of opposition, particularly for the ancient consonantal declension, was the long retention of the two types of base.

Keywords: Old Russian, morphological alterations, grammatical category, noun, variability, chronograph, *Hellenic and Roman Chronicle*, 15th century

Acknowledgements: funding for participation in the VII International Scientific Symposium *Russian Grammar: Constants, Contexts, Perspectives* is provided by St. Petersburg State University based on the results of research work in 2023.

Citation: Donina, L. N. (2024). Historical changes in the peripheral types of substantive declension, reflected in the Old Russian chronograph *The Hellenic and Roman Chronicle*. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 6–16. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-6-16>

Received Oct. 30, 2023; Reviewed Mar. 25, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

В начале XV в. на Руси была создана вторая редакция «Летописца Еллинского и Римского» (ЕЛ-2). В области морфологии имени существительного — это период интенсивного развития грамматических категорий, формирования парадигм и становления новой системы склонения, и материалы этого обширнейшего хронографического свода представляют значительный интерес. Особенно важны данные о периферийных частях именного склонения, которые наиболее богаты вариантами, но обычно находят в памятниках весьма ограниченное отражение. Целью работы является описание, классификация, анализ путей изменений отдельных слов и групп слов, относящихся к исчезающим из языка типам склонений, но еще сохраняющих исходные формы в «Летописце Еллинском и Римском», уточнение представлений о механизмах формирования современной системы субстантивного склонения.

Методы и обзор литературы

«Летописец Еллинский и Римский» второй редакции был обнаружен А. Поповым и со времени описания в монографии «Обзор хронографов русской редакции» [Попов, 1866] не выходил из поля зрения исследователей. История его создания и бытования, состав и источники изучались величайшими филологами [Сперанский, 1889; Истрин, 1893, 1898, 1903, 1912а, б, 1920–1930, 1994; Шахматов, 1900; Вилинский, 1903; Истомин, 1904; Розанов, 1904]. Интерес к «Летописцу» сохранялся и во второй половине XX в. [Дихачёв, 1948; Клосс, 1972; Мещерский, 1978] и особенно усилился после ряда

исследований О. В. Творогова [1975, 2001 и др.] и публикации им текста памятника [Бобров, 2004; Мещерская, Пиотровская, 2004; Водолазкин, 2008].

Однако изучение языка памятника только начинается [Колесов, 2004; Донина, 2015 и др.]. При изучении субстантивного склонения мы опираемся на основополагающие принципы, выработанные в данной области лингвистики [Шульга, 2003; Колесов, 2005], однако специфика памятника диктует использование особых подходов к его исследованию. Крупнейший русский хронограф представляет читателю мировую историю, а потому он обширен (461 л. в Чудовском списке, неполном). Объем материала и широта тематики дают определенные преимущества при изучении морфологических явлений, особенно тех, которые обычно ограниченно представлены. Например, в «Летописце» 18 существительных с древней основой на *-es употреблены в формах всех падежей единственного, двойственного, множественного числа, и это уникально.

Однако обширность текста одновременно является фактором, который затрудняет исследование, а наблюдения, верные для одной его части, могут не подтвердиться в другой, что требует множественных перепроверок и сопоставлений с учетом источника вхождения словоформы в «Летописец» в рамках методов лингвистического источниковедения. Публикация текста [Летописец..., 1999] не предназначена для лингвистического исследования, поскольку основана на реконструкции, в ней несколько раз меняется рукопись-основа, разночтения подводятся выборочно, по преимуществу это лексические разночтения, поэтому методика выявления морфологических особенностей включает сверку по спискам рукописи. При описании исторических изменений на материале хронографа должна учитываться такая жанровая его особенность, как компилятивность, влекущая за собой стилистическую и онтологическую неоднородность, включение в изложение частей русских памятников и фрагментов переводов, сделанных в разных школах и в разное время. Анфиладный текст показывает всю возможную грамматическую вариативность для каждого явления, которая выступает как особый предмет исследования. Варьирующиеся формы всего древнерусского периода требуют корректного описания, связанного с установлением и учетом времени создания источника конкретной словоформы, включенной в анализируемый контекст «Летописца». Поиск источника морфологической формы среди редакций и списков кажется работой, которая не может завершиться, хотя существуют комментарии О. В. Творогова [Летописец..., 2001], постоянно вносятся уточнения в определение источников (С. А. Давыдова, А. Е. Жуков, И. В. Тамаркина, М. А. Шибав, Т. Вилкул и др.), а иногда опровергаются выводы О. В. Творогова относительно источника определенных фрагментов [Анисимова, 2021]. Статистические и иные обобщения в такой ситуации требуют особой осторожности. «Летописец Еллинский и Римский» второй редакции был авторитетным и популярным чтением, повлиявшим на позднейшую историческую литературу, сохранилось более десятка его списков, поэтому осмысление лингвистических наблюдений невозможно без изучения рукописного бытования памятника; к сожалению, вопрос о времени создания архетипа и составления второй редакции остается не до конца решенным, как и вопрос о месте

написания (предположительно — Новгород XV в.). Таким образом, изучение «Летописца Еллинского и Римского» как лингвистического источника позволяет ввести в научный оборот уникальные данные, но требует разработки и применения усложненных процедур анализа, учитывающих множество разновекторных влияний на его язык, объективно затрудняющих построение какой-либо непротиворечивой теории на основе этих фактов.

Результаты и обсуждение

Периферийные типы склонения (с древними консонантными основами и основами на *-й, *-й̆) объединены в древнерусском языке следующими чертами: ограниченное количество относимых к каждому из них слов, фрагментарная сохранность системы праславянских флексий, основа, заканчивающаяся формантом (-ес, -ят, -ен и др.) наряду с основой без этого форманта («наращения» [Марков, 1974; Доконова, Кондрашов, Копосов, 1984, с. 9], «суффикса» [Тот, 1976]), и, при взгляде из современности, их разрушение и переход слов из них в продуктивные типы склонения.

Историческая (праславянская) принадлежность лексемы к склонению с определенной основой не является диагностическим признаком для рассматриваемого периода. Так, слово *дѣло*, не входившее в консонантный словоизменительный класс этимологически, по своим морфологическим характеристикам сходно с 18 существительными, исконно относившимися к склонению на *-es: в ЕЛ-2 в местном падеже единственного числа, в именительном, винительном, дательном, творительном падежах множественного числа лексема *дѣло* фиксируется с окончаниями как парадигмы на *-ѡ, так и парадигмы консонантного типа, и в тех же формах (кроме именительного падежа) варьируются основы с -ес и без -ес (подробнее см. [Донина, 2007]). *Дѣло* вошло в памятник во всех падежных формах единственного (76 употреблений) и множественного числа (75 употреблений), его отнесение к словоизменительному типу, восходящему к консонантному склонению, является обоснованным. По тем же признакам не включаем в рассмотрение лексемы, предположительно относившиеся к консонантному словоизменительному классу, но не демонстрирующие в исследуемом памятнике соответствующих показателей (*лице*).

Анализируя существительные этих типов словоизменения, необходимо, как правило, учитывать сразу два признака: характер основы и характер флексии, а также комбинацию этих показателей в конкретной словоформе, поскольку в древнерусском языке флексия уже не детерминируется формой основы, перестает быть нерасторжимо связанной с основой определенного типа. Так, независимо от «старого» или «нового» окончания, для наращенного -ес характерно сохранение в единственном числе в 16% словоформ, во мн. — в 59,7%, чем усиливается противопоставление «подпарадигм» единственного и множественного числа. Проявляется зависимость от значения слова, например, *небо* как «форма» 'видимое небо' и *небо* как «содержание» — 'обитель Бога и небесных сил' — имеют различающуюся частотность употребления падежных форм.

Обращает на себя внимание значительное несоответствие количества слов в типе склонения на фоне других склонений и частотности их употребления в исследуемом тексте, показанное в таблице 1.

Таблица 1. Количественное распределение нарицательных существительных по типам склонения и их употребительность в «Летописце Еллинском и Римском» второй редакции

Table 1. Quantitative distribution of common nouns by declension and their use in *The Hellenic and Roman Chronicle*, 2nd edition

Древняя основа	Количество слов в ЕЛ-2	%	Число употреблений в ЕЛ-2	%
*-ā	350	8,09	6 355	17,86
*-jā	300	6,94	2 951	8,29
*-ō	1 193	27,59	7 036	19,77
*-jō	1 501	34,71	3 381	9,50
*-ī	222	5,13	4 682	13,16
*-ū	15	0,35	1 587	4,46
*-ū	7	0,16	594	1,67
*-es	18	0,42	1 640	4,61
*-n	13	0,30	1 699	4,78
*-r	3	0,07	401	1,13
*-ent	15	0,35	330	0,93
другое	687	15,89	4 925	13,84
Всего:	4 322	100,00	35 577	100,00

Слова, восходящие к словоизменительному типу на *-es, составляют меньше половины процента в лексическом составе памятника, а по числу употреблений только в 2 раза меньше, чем слова, склоняющиеся по мягким разновидностям типов склонения на *-ō (а их в памятнике более полутора тысяч) или *-ā. Среди слов, генетически восходящих к типам склонения, изменение которых, приведшее к потере продуктивности, началось еще в праславянском языке [Шахматов, 1957, с. 108], имеются и редкие слова (*грано, ложесно*), и такие, которые могут быть отнесены по материалам памятника к наиболее частотным (*небо* — 181 раз, *тѣло* — 294, *слово/Слово* — 395, *сынѣ* — 872, *домѣ* — 247, *врѣмя* — 190). Повторяемость таких «слов-якорей» обусловлена лексическим значением и функциональной важностью, в разных грамматических формах закреплена в устойчивых формулах-синтагмах, употребительных и поныне, например, для наименования диалектической целостности сотворенных вселенной (*небо и земля*) и человека (*душа и тело*): *небо ново и земля нова* [Летописец..., 1999, с. 51], *не видѣти бо бѣше ни неба, ни земли от многы крѣви* [Летописец..., 1999, с. 114], *ни небеси, ни земли, нѣ толико есть мгла и мракѣ* [Летописец..., 1999, с. 70], *заклинаю вы створимъ небо и землю* [Летописец..., 1999, с. 257], *похваливъ Бога небу и земли* [Летописец..., 1999, с. 292], *творить чюдеса и знаменія на небеси и на земли* [Летописец..., 1999, с. 60], *душею и тѣлом спасенъ буду* [Летописец..., 1999, с. 281], *боите же ся паче могущаго душею и тѣлом погубити въ дѣбре огненьи* [Летописец..., 1999, с. 29], *тѣломъ и душею и духомъ* [Летописец..., 1999, с. 40].

Привлечение к рассмотрению всех когда-либо относимых к склонению на *-ī слов всё равно не выводит их количество за пределы полутора десятков, при этом процент

их употребления ненамного меньше, чем у совокупности сотен слов продуктивных типов склонения. При соединении слов типов на *-*ǫ* и на *-*ь* некоторые окончания были переосмыслены как принадлежащие ведущему типу склонения (1 по академической традиции), в частности в позициях, в которых можно было за счет этого избавиться от внутрипарадигменной омонимии окончаний. Мощная энергия существования этих слов в морфологической системе не могла исчезнуть без следа. Повторяемость, если понимать ее как свидетельство значимости репрезентируемого концепта для языкового коллектива, дает шанс оставшимся в словоизменительном типе словам сохранять остатки своего склонения на многие столетия. Лексемы из непродуктивных типов склонения переходили в подходящие по роду и по начальной форме склонения одновременно, постепенно, слово за словом. В нужный момент они «делились» своими особенностями с «принимающим» продуктивным словоизменительным типом: наличие двух основ подкрепляет тенденцию максимального противопоставления по категории числа, их «старое» окончание помогает снять падежную омонимию, вариативность основ и флексий используется для решения стилистических и семантических задач.

Сокращению количества лексем в традиционных типах склонения способствовали не только грамматические явления. Так, анализ тематической группы названий детской подтвердил, что разрушению типа склонения с древней основой на *-*et* способствовала как семантическая ограниченность, так и словообразовательная вариативность выражения значения 'незрелость' (менее 1% от всех употреблений, самая малочисленная группа среди всех словоизменительных типов).

Заключение

Компилятивный характер последнего, крупнейшего, итогового для древнерусской литературы хронографического памятника дает возможность увидеть воочию столкновение, взаимодействие, сосуществование в одном тексте, в одном языковом сознании древнерусского писца (и читателя) разновременных морфологических стихий. Особенно заметно это в периферийных частях системы, где разрушение типов склонения, начавшееся еще в праславянскую эпоху, не «мешает» самому длительному сохранению остатков старых форм. В интерпретации процесса исчезновения периферийных типов склонения следует учитывать, что процесс состоит не только в утрате одних явлений и возникновении других, но и в переосмыслении имеющегося, получении нового значения, выполнении актуальных для носителей языка в конкретный исторический момент задач [Доколова и др., 1984]. В данном случае все наличествующие «остатки» древних склонений используются для противопоставления числовых подпарадигм, новообразования (типа *-енок/-ята*, в памятнике не встречается) только усиливают это размежевание. В «Летописце Еллинском и Римском» отражается этап максимальной вариативности, парадигмы неустойчивы, еще не потеряли свою значимость формулы, используются все накопленные в ходе исторического развития морфологической системы варианты. В этом взаимодействии разнонаправленных явлений и происходит становление великорусского языка, в том числе его морфологической системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Анисимова Т. В. 2021. Индивидуальные источники Тихонравовского и Рогожского хронографов в Еллинском летописце 2-й редакции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. № 67. С. 61–82.
- Бобров А. Г. 2004. К вопросу о времени и месте создания Летописца Еллинского и Римского второй редакции // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 55. СПб. С. 82–90.
- Виалинскій С. Г. 1903. Сказаніе о Софіи Цареградской въ Еллинскомъ лѣтописцѣ и въ хронографѣ // Известия Отделения русского языка и словесности. Тома VIII-го книжка 3-я. СПб. С. 1–43.
- Водолазкин Е. Г. 2008. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеиноного повествования XI–XV вв.). СПб.: Пушкинский дом. 488 с.
- Доколова О. М., Кондрашов Н. А., Копосов Л. Ф. 1984. Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология: учебное пособие. М.: МОПИ. 79 с.
- Донина Л. Н. 2007. Синхронизация разновременных морфологических вариантов в языке «Летописца Еллинского и Римского» (XV век) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда: Книжное наследие. С. 698–705.
- Донина Л. Н. 2015. «Парциальные основы» имен существительных в «Летописце Еллинском и Римском» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. С. 60–69.
- Истомин К. К. 1904. Некоторые данные о протографе Еллинского летописца // Журнал Министерства народного просвещения. № 7. С. 3–16.
- Истрин В. М. 1893. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М. 739 с.
- Истрин В. М. 1898. Хронографы в русской литературе. Вступит. лекция в Имп. Новороссийском ун-те 16 сентября 1897 г. СПб.: Тип. Имп. АН. 22 с.
- Истрин В. М. 1903. Один только перевод Псевдокаллисфена, а древнеболгарская энциклопедия X века — мнимая // Византийский временник. Том 10. Вып. 1–2. СПб. С. 1–31.
- Истрин В. М. 1912а. К вопросу о взаимоотношениях Еллинских летописцев и Архивного (Иудейского) хронографа // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб.: Тип. Имп. АН. Том 16. Кн. 4. С. 125–142.
- Истрин В. М. 1913 (1912б). Особый видъ Еллинскаго Лѣтописца изъ собранія Тихонравова // Известия Отделения русского языка и словесности. Тома XVII кн. 3. СПб.: Тип. Имп. АН. С. 1–30.
- Истрин В. М. 1920–1930. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг.–Л. Том 1–3.
- Истрин В. М. 1994. Хроника Иоанна Малаалы в славянском переводе: [Репринтное изд.]. М. 480 с.
- Клосс Б. М. 1972. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 27. Л. С. 370–379.
- Колесов В. В. 2004. Заметки о языке Летописца Еллинского и Римского второй редакции (К вопросу о месте и времени составления) // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 55. СПб.: Дм. Буланин. С. 91–97.

- Колесов В. В. 2005. История русского языка. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Академия. 672 с.
- Летописец Еллинский и Римский. 1999. Том 1. Текст / осн. список подгот. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой. СПб.: Дм. Буланин. 513 с.
- Летописец Еллинский и Римский. 2001. Том 2. Комментарий и исследование О. В. Творогова. СПб.: Дм. Буланин. 271 с.
- Лихачев Д. С. 1948. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Том VI. М.–Л.: Изд-во АН СССР. С. 100–110.
- Марков В. М. 1974. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа. 143 с.
- Мещерская Е. Н., Пиотровская Е. К. 2004. К вопросу о времени создания архетипа текста Летописца Еллинского и Римского // Византия и Запад: тез. докл. XVII Всерос. науч. сессии византистов. М. С. 126–128.
- Мещерский Н. А. 1978. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л.: Изд-во ЛГУ. 112 с.
- Попов А. Н. 1866. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 1. М.: Тип. Лазаревского инст. 287 с.
- Розанов С. П. 1904. Заметки по вопросу о русских хронографах // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Январь. СПб.: Сенатская тип. С. 92–137.
- (Сперанский М.) 1889. Хронографы Московского Чудова монастыря // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М.: Университетская тип. Раздел 1. С. 1–72.
- Творогов О. В. 1975. Древнерусские хронографы. Л.: Наука. 320 с.
- Творогов О. В. 2001. Летописец Еллинский и Римский: текстологические проблемы // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 52. СПб.: Дм. Буланин. С. 47–78.
- Тот И. Х. 1976. Консонантные основы склонения существительных в древнерусских рукописях XI–XII вв. // История русского языка. Л. Вып. 1. Древнерусский период. С. 55–65.
- Шахматов А. А. 1900. Древнеболгарская энциклопедия X века // Византийский временник. Том VII. Вып. 1–2. СПб. С. 1–36.
- Шахматов А. А. 2023. Историческая морфология русского языка. М.: Юрайт. 395 с. <https://urait.ru/bcode/514015> (дата обращения: 10.07.2023).
- Шульга М. В. 2003. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М.: МГУЛ. 302 с.

References

- Anisimova, T. V. (2021). Individual Sources of Tikhonravov's and Rogozhsky Chronographs in the Hellenic Chronicle of the 2nd recension. *Bulletin of the Orthodox Svyato-Tikhonov Humanitarian University. 3: Philology*, (67), 61–82. [In Russian]
- Bobrov, A. G. (2004). To the question about the time and place of creation of the Chronicler of Hellenic and Roman second recension. In *Proceedings of the Department of Old Russian Literature* (Vol. 55, pp. 82–90). [In Russian]
- Vilinskiy, S. G. (1903). Narrative of Sophia of Tsaregrad in the Hellenic Chronicle and in the Chronograph. *Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences* (Vol. 8, Book 3, pp. 1–43). [In Russian]

- Vodolazkin, E. G. (2008). *World History in the Literature of Ancient Russia (On the Material of Chronographic and Paley Narrative of the 11–15th c.)*. Pushkin House. [In Russian]
- Dokolova, O. M., Kandrashov, N. A., & Koposov, L. F. (1984). *Historical Grammar of the Russian language. Historical Morphology*. MOPI. [In Russian]
- Donina, L. N. (2007). Synchronisation of multi-temporal morphological variants in the language of Hellenic and Roman Chronicle (15th c.). In *Russian Culture of the New Century: Problems of Study, Preservation and Utilisation of Historical and Cultural Heritage* (pp. 698–705). Book Heritage. [In Russian]
- Donina, L. N. (2015). ‘The partial stems’ of nouns in Hellenic and Roman Chronicle. *Bulletin of SPbSU, Ser. 9, Philology. Oriental Studies. Journalism*, 3, 60–69. [In Russian]
- Istomin, K. K. (1904). Some data on the protograph of the Hellenic Chronicle. *Journal of the Ministry of Public Education*, 7, 3–16. [In Russian]
- Istrin, V. M. (1893). *Alexandria of Russian Chronographs: Research and Text*. [In Russian]
- Istrin, V. M. (1898). *Chronographs in Russian literature. Introductory lecture at the Imperial Novorossiysk Univ. on September 16, 1897*. Tip. Imp. of the Academy of Sciences. [In Russian]
- Istrin, V. M. (1903). One only translation of Pseudokallisphenes, and the ancient Bulgarian encyclopaedia of the 10th c. is imaginary. *Byzantine Temporary*, 10(1–2), 1–31. [In Russian]
- Istrin, V. M. (1912a). To the question about the relationship between the Hellenic chroniclers and the Archival (Judaic) Chronograph. In *IORYAS* (Vol. 16, book 4, pp. 125–142). Tip. Imp. of the Academy of Sciences. [In Russian]
- Istrin, V. M. (1912b/1913). A Special View of the Hellenic Chronicle from the collection of Tikhonravov. *IORYAS* (Vol. 17, book 3, pp. 1–30). Tip. Imp. of the Academy of Sciences. [In Russian]
- Istrin, V. M. (1920–1930). *Books of Time and Image of George Mnikh: The Chronicle of George Amartol in Ancient Slavic-Russian Translation. Text, Research and Dictionary. Vols. 1–3*. [In Russian]
- Istrin, V. M. (1994). *The Chronicle of John Malala in Slavonic Translation* (reprint). [In Russian]
- Kloss, B. M. (1972). On the Origin of the Hellenic Chronicle of the Second Kind. In *Proceedings of the Department of Old Russian Literature* (Vol. 27, pp. 370–379). [In Russian]
- Kolesov, V. V. (2004). Notes on the Language of the Chronicle of the Hellenic and Roman Second Edition (to the Question of the Place and Time of Composition). In *Proceedings of the Department of Old Russian Literature* (Vol. 55, pp. 91–97). Dm. Bulanin. [In Russian]
- Kolesov, V. V. (2005). *History of Russian Language*. Philology SPSU; Academy. [In Russian]
- Tvorogov, O. V., & Davydova, S. A. (Eds.). (1999). *The Hellenic and Roman Chronicle. Vol. 1. Text*. Dm. Bulanin Publ. [In Russian]
- Tvorogov, O. V. (Ed.). (2001). *The Hellenic and Roman Chronicle. Vol. 2*. Dm. Bulanin Publ. [In Russian]
- Likhachev, D. S. (1948). The Hellenic chronicle of the second kind and government circles of Moscow at the end of the 15th c. In *Proceedings of the Department of Old Russian Literature* (Vol. 6, pp. 100–110). Izd. of the Academy of Sciences of the USSR. [In Russian]
- Markov, V. M. (1974). *Historical Grammar of the Russian Language. Noun Declension*. HSE. [In Russian]
- Meshcherskaya, E. N., & Piotrovskaya, E. K. (2004). On the question of the time of creation of the archetype of the text of *The Hellenic and Roman Chronicle*. In *Byzantium and the West. Proceedings of the 17th All-Russian Scientific Session of Byzantinists* (pp. 126–128). [In Russian]

- Meshchersky, N. A. (1978). *Sources and Composition of the Ancient Slavic-Russian Translated Writing of the 9–15th c.* LSU. [In Russian]
- Popov, A. N. (1866). *Review of Chronographs of the Russian Edition. Vol. 1.* Tip. Lazarevsky inst. [In Russian]
- Rozanov, S. П. (1904, Jan.). Notes on the question of Russian chronographs. *Journal of the Ministry of Public Education*, 92–137. [In Russian]
- (Speransky, M.) (1889). Chronographs of the Moscow Chudov Monastery. In *Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities* (Vol. 3, Section 1, pp. 1–72). Universitetskaya tip. [In Russian]
- Tvorogov, O. B. (1975). *Ancient Russian Chronographs.* Nauka. [In Russian]
- Tvorogov, O. V. (2001). *The Hellenic and Roman Chronicle: textological problems.* In *Proceedings of the Department of Old Russian Literature* (Vol. 52, pp. 47–78). Dm. Bulanin. [In Russian]
- Toh, I. Kh. (1976). Consonant bases of noun declension in Old Russian manuscripts of the 11–12th c. In *History of the Russian Language. Vol. 1. The Old Russian period* (pp. 55–65). [In Russian]
- Shakhmatov, A. A. (1900). Ancient Bulgarian Encyclopaedia of the 10th c. *Byzantine Temporary*, 7(1–2), 1–36. [In Russian]
- Shakhmatov, A. A. (2023). *Historical Morphology of the Russian Language.* Yurait Publishers. Retrieved July 10, 2023, from <https://urait.ru/bcode/514015> [In Russian]
- Shulga, M. V. (2003). *Development of Morphological System of Names in the Russian Language.* MGUL. [In Russian]

Информация об авторе

Людмила Николаевна Донина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st005397@spbu.ru, ldonina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2789-9346>,
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=814680

Information about the author

Lyudmila N. Donina, Cand. Sci. (Philol.), Senior Research Associate, Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Its Teaching Methods, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
st005397@spbu.ru, ldonina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2789-9346>,
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=814680

К вопросу о функционировании горнозаводской лексики в пермских памятниках XVIII в.

Николай Валентинович Чугаев

Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ, Пермь, Россия
Контакт для переписки: aegolios@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале пермских памятников письменности середины и конца XVIII в. прослеживается изменение лексического состава пермских деловых документов, рассматривается явление параллельного употребления заимствованных и исконных терминов в памятниках, описывается ранее не зафиксированная в исторических словарях лексика. Анализируются экстралингвистические причины появления дублетных наименований, а также процесс частичного вытеснения заимствованных слов исконными аналогами. Анализируется степень морфологической и словообразовательной освоенности немецких заимствований-терминов в рамках горнозаводской лексики. Актуальность исследования состоит в возможности уточнить картину функционирования и соотношения исконной и заимствованной лексики горнозаводской отрасли в середине XVIII в., а в сопоставлении с пыскорскими памятниками рубежа XVIII–XIX вв. — отследить динамику употребления соответствующих пластов лексики. Новизна исследования состоит во введении в научный оборот ранее не исследованного памятника письменности — «Стола приходного... 1741 году». В статье использована традиционная для лингвистического источниковедения методология. Основными результатами исследования являются установление типов параллельного наименования (заимствованный термин / исконный термин), введение в научный оборот новых лексем, новые подтверждения снижения в течение XVIII в. темпов заимствования и смены части заимствованной лексики исконными наименованиями.

Ключевые слова: горнозаводская лексика, памятники деловой письменности XVIII в., лингвистическое источниковедение, заимствование

Цитирование: Чугаев Н. В. 2024. К вопросу о функционировании горнозаводской лексики в пермских памятниках XVIII в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 17–30. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-17-30>

Поступила 10.10.2023; одобрена 09.03.2024; принята 13.05.2024

On the mining vocabulary functioning in Perm 18th c. written records

Nikolay V. Chugaev✉

Perm Military Institute of National Guard Troops, Perm, Russia

Corresponding author: aegolios@yandex.ru✉

Abstract. Based on the Perm written monuments from the mid- and late 18th c., this article traces the dynamics of changes in the lexical composition of Perm business documents, studies the phenomenon of parallel use of borrowed and original terms in monuments, and describes the previously unrecorded vocabulary. The author analyzes extralinguistic reasons for the appearance of doublet names, as well as the process of partial displacement of borrowed words by their original analogues. Special attention is paid to the degree of morphological and word-formation development of German borrowing terms within the framework of mining vocabulary. The article attempts to clarify the picture of the functioning and the correlation between the original and borrowed mining industry vocabulary. In comparison with the 18th–19th c. Pyskor written records, the author tracks the usage dynamics of the corresponding layers of vocabulary using a previously unexplored written record, *Stolp prikhodnoy... 1741 goda* [Column of the Incoming ... 1741] and traditional methods of linguistic source studies. The results include establishing parallel names types (borrowed/native term); introducing new lexemes into scientific circulation; new evidence of decreased rate of borrowing and changing some of the borrowed vocabulary with native names in the 18th c.

Keywords: mining vocabulary, 18th c. business written records, linguistic source studies, borrowing

Citation: Chugaev, N. V. (2024). On the mining vocabulary functioning in Perm 18th c. written records. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 17–30. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-17-30>

Received Oct. 10, 2023; Reviewed Mar. 9, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

В настоящей статье на материале пермских памятников письменности середины и конца XVIII в. прослеживается изменение лексического состава пермских деловых документов, рассматривается явление параллельного употребления заимствованных и исконных терминов в памятниках, описывается ранее не зафиксированная в исторических словарях лексика.

Цель исследования — описать некоторые особенности лексической системы пермских деловых памятников в динамике на отрезке с середины XVIII в. до начала XIX в., проанализировать экстралингвистические причины появления дублетных наименований в терминологии горнозаводского производства, а также степень грамматической адаптации немецких заимствований.

Актуальность исследования состоит в возможности уточнить картину функционирования и соотношения исконной и заимствованной лексики горнозаводской отрасли, а в сопоставлении с пискорскими памятниками рубежа XVIII–XIX вв. — отследить динамику употребления соответствующих пластов лексики. Новизна исследования определяется введением в научный оборот нового материала, полученного путем анализа ранее не исследованного памятника письменности — «Столпа приходного... 1741 года» [Столп, 2016], а также обнаружением новых лексических данных, не зафиксированных в исторических словарях.

Методы

В исследовании используется традиционная методология школы лингвистического источниковедения, заложенная С. И. Котковым. Центральными понятиями этой лингвистической школы являются определения содержательности и информационности лингвистического источника. В статье используются сравнительный и сопоставительный методы, метод анализа разночтений.

Обзор литературы

Горнозаводская лексика имеет богатую историю изучения. Она исследовалась в работах Ю. И. Чайкиной [1956], Н. А. Щегловой [1964], Е. К. Саматовой [1992], Е. М. Головановой [1996, 2016], О. В. Борхвальдт [1998], Т. М. Юдиной [2009, 2014а, б, 2015], Л. М. Пантелеевой [2018], Н. А. Ставшиной [2016]. Эта лексика достаточно подробно описана в плане инвентаря, системных связей, словообразовательного потенциала. Отдельно исследовался вопрос о немецких заимствованиях в исследуемой лексической группе. Этим вопросом занимались Е. М. Голованова [2011], Ю. М. Сищук [2016], О. В. Протопопова и А. Н. Мотырева [2015].

В названных работах сформулированы некоторые важные общие соображения, касающиеся развития терминологии горного дела.

Е. М. Голованова обосновывает подход к уральской горнозаводской лексике как к отдельному объекту исследования. В числе главных источников ее изучения она называет памятники деловой письменности XVIII в. и научные описания заводов, сделанные в тот же период инженерами-практиками [Голованова, 1996, с. 172]. Кроме того, Е. И. Голованова отмечает в качестве особенности петровской эпохи параллельность употребления немецких и русских терминов: *маркшейдер / горный межевицк* и проч. [Голованова, 2011, с. 62]. При этом автор отмечает, что прием дублирования носит просветительский характер, т. е. помогает освоить иноязычную терминологию специалистам соответствующей области. Однако следует отметить, что употребление таких

параллельных наименований свойственно изданиям, носящим справочный и обучающий характер, в то время как в деловых документах, как правило, содержится только одно наименование из двух параллельных.

Т. М. Юдина отмечает, что основная масса однословных терминов и составных наименований формируется в конце XVII — первой половине XVIII в. [Юдина, 2014а, с. 157]. Кроме того, тот же автор выделяет параллельные способы номинации горных профессий типа «*мастер, который у плавки руды — плавильный мастер — плавильщик — плавильного дела мастер*» [Юдина, 2009, с. 125], «*укладник — укладный мастер — укладного дела мастер*» [Юдина, 2014б, с. 85].

О. В. Протопопова и А. Н. Мотырева отмечают, что основными факторами немецких заимствований было привлечение к работе в России немецких специалистов и использование немецкой научно-технической литературы, а также фиксируют в качестве заимствованных слова *штейгер, кайла/кайло, шихта, шахта, проба* [Протопопова, Мотырева, 2015, с. 19–20].

Помимо общих соображений, высказанных в указанных выше работах, рассмотрим частные выводы тех же авторов о функционировании горнозаводской лексики.

Т. И. Юдина фиксирует названия кузнечных мехов, отмечая, что с XVIII в. основная форма множественного числа — *меха*; в ее иллюстративном материале также фигурирует характерное сочетание *пара мехов*: «при каждом доменном горну по паре мехов деревянных» [Юдина, 2015, с. 118]. Следует заметить, что конструктивная особенность мехов — использование именно пары мехов [Геннин, 1937, с. 641]. Тот же автор устанавливает принадлежность к специфически горнозаводской лексике слов *анбар, кузница* в значении ‘цех, мастерская завода’ [Юдина, 2009, с. 125], а также выявляет лексемы *рудознатец, рудокопных дел мастер, плавильного дела мастер* [Юдина, 2014б, с. 88–89].

Е. И. Голованова описывает образование исконных горнозаводских терминов с корнями *печ-, вар-, -сыр-, -сад-* в результате метафорического переноса [Голованова, 2016, с. 23–24], фиксирует лексемы *шмельцер, гармахер, шлак, берггаур, флюс (варнишной песок)* [Голованова, 2011, с. 62], а также ранние заимствования, к началу XVIII в. ощущавшиеся носителями русского языка как исконные: *известь, кадь, пушка, мастер, чугун, кирка, кайло, кирпич, бадья, караван, балаган, котёл, крица* [Голованова, 2011, с. 62]. Говоря об адаптации немецкоязычной лексики в русском языке, Е. И. Голованова отмечает словообразовательное освоение многих немецких терминов (*сортовое железо*) [Голованова, 2011, с. 63]. Тот же автор отмечает крайнюю продуктивность терминоэлементов *берг-* (*берггаур, берггешворен*), *-мейстер* (*гитенмейстер, шихтмейстер*), *гитен-* (*гитенфервальтер, гитенмейстер*), *обер-* (*обершмельцер*) и *унтер-/ундер-* (*ундершихтмейстер*), *гар-* (*гармахер*), *-офен* (*крумофен, шпейзофен*), а также широкое использование слова *штейгер* как в составе сложных слов, так и самостоятельно [Голованова, 2011, с. 64–66].

А. М. Пантелеева рассматривает систему номинации разного рода печей в терминологии рубежа XVIII и XIX вв. [Пантелеева, 2018, с. 143–144]. Следует отметить, что все эти названия образованы по схеме (*характеризующее прилагательное*) + *печь*; немецкоязычных наименований типа *бойлофен* или гибридных типа *бойл офен печь* в ее материале не зафиксировано.

Хотя инвентарь и принципы пополнения горнозаводской лексики хорошо известны, остается открытым вопрос о параллельном функционировании заимствованной и исконной лексики в памятниках письменности. Массовое заимствование горнозаводских терминов приходится на начало XVIII в., время петровских преобразований, когда множество иностранных специалистов было привлечено для работы на российских заводах. Этим объясняется отмеченная Е. И. Головановой характерная особенность пополнения горнозаводской лексики XVIII в. не из общего языка-источника, а непосредственно из существующей терминосистемы [Голованова, 2011, с. 64]. Следует, однако, понимать, что терминосистема не существует «в воздухе», у нее есть конкретные носители. Представляется, что по-разному будут владеть этой лексикой 1) высококвалифицированные специалисты, занятые на производстве; 2) административные служащие, не имеющие прямого отношения к производству; 3) неквалифицированные рабочие. Среди высококвалифицированных специалистов, привлекаемых к управлению российскими заводами, было множество немцев-билингвов, для которых использование немецких терминов даже при наличии соответствующих русских аналогов было предпочтительным. Представляется, что для носителей русского языка даже в среде высококвалифицированных специалистов, и тем более среди простых рабочих, более предпочтительными были русские названия.

Время активного формирования уральской горнозаводской терминосистемы — 20–30-е гг. XVIII в. Важный фактор формирования горнозаводской лексики на Урале состоит в том, что на уральские заводы привлекались специалисты, работавшие до этого на других предприятиях России, где уже были сформированы соответствующие лексические пласты как на основе нового производственного опыта Европы, так и на основе старых металлургических российских центров (Тульского, Каширского и проч.).

Так, Вильгельм де Геннин, который в 1713–1722 гг. управлял Олонецкими заводами, в 1722 г. был переведен на Уральские заводы со значительным количеством квалифицированных специалистов [Юдина, 2008, с. 43]. Во главе Уральских заводов он оставался вплоть до 1734 г. Как следует из книги «Описание уральских и сибирских заводов» [Геннин, 1937, с. 92], Геннин опирается на немецкий опыт организации производства, а следовательно, и на немецкую терминологию. Тем не менее работа в России естественным образом сформировала гибридную систему, в которой заимствованные термины параллельно сосуществуют с исконными (и заимствованными ранее). При передислокации металлургических производств на Урал Геннин и другие специалисты пользовались уже готовыми терминосистемами, которые при дальнейшем развитии металлургических производств видоизменялись.

Геннин, прибыв в 1722 г. на Урал, сменяет В. Н. Татищева, в начале 1721 г. организовавшего орган управления заводами под названием Сибирское высшее горное начальство. После назначения Геннина, с 1723 г. высший орган сибирских и уральских заводов получает название Сибирский обер-бергamt [История Урала..., 1989, с. 296]. Вслед за этим уже существовавшие под названием горных начальств органы, подведомственные обербергамту, получают название бергамтов (например, Казанское горное начальство). Таким образом, складывается трехчленная система подчинения

горнозаводских ведомств: заводская контора — горное начальство (бергамт) — Сибирский обер-бергамт [История Урала ..., 1989, с. 296]. Однако, вернувшись на Урал в 1935 г., В. Н. Татищев вновь меняет названия, и Сибирский обер-бергамт получает наименование Главного сибирских заводов правления [Новиков, 2009, с. 152].

Таким образом, характер употребления горнозаводских терминов в памятниках зависел в том числе от того, кто находился во главе процесса управления уральскими заводами.

Результаты и обсуждение

Автором настоящей статьи исследованы и введены в научный оборот материалы пермского памятника середины XVIII в. «Столп приходной Пыскорской денежной казны 1741 году» [Столп, 2016]. Эти материалы позволяют уточнить картину функционирования и соотношения исконной и заимствованной лексики горнозаводской отрасли, а в сопоставлении с пыскорскими памятниками рубежа XVIII–XIX вв. — отследить динамику употребления соответствующих пластов лексики.

В жанровом отношении «Столп приходной...» представляет собой сборник документов 1740–1741 гг.: доношений, докладных выписок, промеморий, указов о поступающих в заводскую контору деньгах. Обычным адресатом выступает «Пыскорская заводская кантора», адресантами — целовальники, надзиратели работ, вышестоящее начальство. На каждый входящий документ гитенфорвальтером Алексеем Калачовым накладывалась резолюция, после которой канцелярский служитель письменно отчитывается об исполнении резолюции. В конце «Столпа приходного...» располагается краткая опись с перечислением всех ее документов, кроме того, здесь же располагается краткая опись утраченного «Столпа расходного...» той же заводской конторы.

В «Столпе приходном...», отражающем состояние лексики на момент 1740 г., т. е. после реформы Татищева 1735 г., фиксируется несколько подгрупп горнозаводской лексики. Многие слова, встречающиеся в «Столпе приходном...», зафиксированы в исследованиях, приведенных выше, в тех же значениях.

Подавляющее большинство зафиксированных слов содержится в «Словаре русского языка XVIII в.» (до слова *подъячий*) [Словарь XVIII в.] и «Словаре золотого промысла Российской империи» О. В. Борхвальдт [Борхвальдт, 1998]. Исключение составляют некоторые многословные термины и слова *бойл офен печь, молотник, припасы* (в значении 'оборудование'), *снасти* (в значении 'инструменты'), *рашлак (?)*, *рудопоказатель*.

Первую группу составляют немецкие и русские названия горнозаводских профессий и должностей:

- 1) *берггаур, берггешворин, гармахер, гитенфорвальтер, гитенмейстер, кондуктор, оборимелцер, оборштеигер, имельцер, шихтмейстер, ундершихтмейцер;*
- 2) *заводской управитель, насытчик, кузнец, меховой мастер, молотник, плавильщик, плотинный подмастерье/плотинщик, пробирщик, рудоносчик, рудоразборщик, надзиратель работ, лодейные и каюшные плотники, плавильные, куренные и заводские служители, горные и заводские ученики, закомлетный работник, рудопромышленник, угольный мастер.*

Следует обратить внимание на то, что в текстах встречаются параллельные наименования одних и тех же людей, названных в разных документах по-разному.

Михаил Расов в разных документах называется *шмельцером* и *плавильщиком*. Первое наименование встречается в доношении (Столп, л. 114): «по порѹке пыско^рскихъ заводо^в со шме^церовъ михаила ра|сова евима хѹдорошкова». Второе — в краткой описи росходного столпа (Столп, л. 23): «опре^алѣние пыскорской заво^дцкой ка^торы овыдаче пла^ви^шику расовѹ жалова^ня | тре^х ру^блевѹ девяноста | шести копеекѹ».

Алексей Калачов в указе от 12 августа 1740 г. называется *заводским управителем*: «Isa-водско^м Управите|лю алеѣ^ѣю калачовѹ учини^т ото^м посемѹ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО | ВЕЛИЧЕСТВА Ука^зу августа 12 дня 1740 Годѹ|» (Столп, л. 35 об.). В указе от 15 ноября 1740 г. — *гитенфорвальтером*: «I Гитенѹ ѳорва^дтерѹ Калачеву учинить ото^м посе^м ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА | Ука^зу ноября 15 дня 1740 Году| (Столп, л. 36 об.). Автор обоих указов — Андрей Порошин.

Алексей Завьялов и Никита Каргин в целом ряде доношений называют себя *надзира-телями работ*, однако после сентября 1741 г. оба подписываются как *ундершихтмейстеры*. При этом в краткой описи «Росходного столпа» Завьялов начинает именоваться ундершихтмейстером с октября 1741 г., Каргин продолжает именоваться надзирателем работ вплоть до ноября 1741 г., далее его также начинают называть ундершихтмейстером.

Не зафиксировано в других источниках слово *молотник*, обозначающее помощника кузнеца: «которой су^рнинѹ | тотѹ су^дукѹ иокова^д одинѹ бе^змолотника | втри дни» [Столп, л. 105].

Следует сказать, что из анализа таблиц, приведенных в «Описании сибирских заводов...», следует, что термин *управитель* применялся к целому ряду горных должностей: *гитенфорвальтер*, *шихтмейстер*, *бергмейстер*, *берггешворен* или *надзиратель* — кроме того, как следует из текста, на одном заводе могло быть несколько управителей, например, гитенфорвальтер и шихтмейстер, бергмейстер и гитенфорвальтер и т. д.

Наконец, в смежных документах одно лицо может называться разными наименованиями: так, в исходном доношении Ларион Шилков называется *плотинным подмастерьем*, в резолюции Калачова также *плотинным подмастерьем*, но в отчете об исполнении резолюции Калачова используется краткое наименование *плотинщик*. Ниже приводится полный текст документа:

« III

(почерком Калачова)

№1290 Подано Декабря 31 дня 1741 Году|

(другим почерком)

в пыскорскую заво^дцкую ка^торѹ о^тцелова^нника | Якова Южанинова|

доношение|

ПоУка^зу блаженныя Івечно достойныя | памяти ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА | испермского горного нача^дства дека^бря 28 дня | 1738 Году ипоопре^алению пыскорской заво^дцко^й | ка^торы велено мнѹ **сполти^нного по^дмастерья** | Лариона Ши^лкова привыдача^х жалова^ня наннѹ|шней 741 Годѹ по^вшныи икамисарские денги | завключкою послѹ Ука^зу испермского

горного = | нача^ства о^тпуще^номъ июня о^т 8 получе^но^му того* | июня 19 чисе^ сего 741 Году семнатцати копеек | здѣши девяно^то пять четвертью копейки | всыскать которые днги снего ши^кова = | ивычтены идля запи^ки вприхо^ ооные (так в ркп. — Н. Ч.) ио^б^я|вляю присемь | Ипыскорская Заво^цкая Ка^тора овьше=|писа^но^м что соиз^волить 1741 Году дека^бря | 31 дня (третьим почерком) Ксему доношению целова^никъ | яковъ южаниновъ руку приложить |» [Столп, л. 111].

(почерком Калачова)

«записать вкнгу авзысканные **спло^тинного по^мастерья** Шилкова подушные | Денги девяносто пять четвертью = | копе^ки записать вприхо^ ипозаписке | вприхо^ издоимки выключить ашилкову | дать о^тпись исие сообщить кдокуме^нта^ апо^деломъ оставить ссего копию |

(четвертым почерком)

посе^му доношению **Уплоти^шика** Ши^кова днги | девяносто пять четвертью копейки при|^няты ивприхо^ дека^бря 31 дня на 73 I 74 стра|^ница^ записаны / |» [Столп, л. 111 об.].

Следует добавить, что в других аналогичных документах о плотинном подмастерье Шилкове — и в доношении, и в резолюции, и в отчете об ее исполнении — используется наименование *плотинный подмастерье*. Представляется, что краткое наименование *плотинщик* использовалось наряду с полным, но его стилистический статус был более неформальным.

Представляет интерес и графико-орфографическое варьирование терминов: термин *берггеишворен* имеет вид *берггеишворин*; *оберштейгер* — *оборштейгер*; *шмельцер*, *обершмельцер* — *шмелцер*, *оборшмелцер* (но — *оберберггамт* через е); *шихтмейстер* — *шихт^меистер* и *шехмистер*; *гитенфорвальтер* — *гитен^форвалтер* и *гитенворвалтер*; *кондуптор* — *кондуктор* и *кандуктор*. Части *ундерб*, *оборь*, *гитен* зачастую пишутся в отдельное слово. Указанные факты свидетельствуют о неполной адаптации немецкой терминологии в горнозаводской среде в указанный период.

К названной подгруппе примыкают не входящие в состав собственно горнозаводской лексики встречающиеся в документах общие названия канцелярских должностей: *подьячие* (общий термин для мелкого чиновничества): *подканцелярист*, *копеист*, *протоколист*, *секретарь*.

Кроме того, не могут быть отнесены к специфически горнозаводской лексике встречающиеся в памятниках термины *россыльщик*, *целовальник*, *сотник*, *солдат*, *партикулярный заводчик*. Интерес представляет лексема *рудопоказатель*, обозначающая не профессию (типа *рудокопщик*, *рудонщик*), а юридический статус человека, объявившего о нахождении месторождения меди (и в силу этого несущего ответственность за наличие на месторождении металла). Оформленные специфическим для профессий суффиксом *-щик/-чик* слова *расходчик* (*росхотчик*) и *выборщик* также обозначают не профессии. Слово *расходчик* обозначает лицо, расходующее казенные припасы: «принять справясь || покоторымъ года^ оная доимка инака|^ко^м рос^хотчика^ числилась» [Столп, л. 60 об.–61], *выборщики* — лица, материально ответственные за назначение кого-либо на выборную должность: «всыскать днгъ восмна^цать рублевъ | восемдсятъ восемь споловиною копейки Івто | число всыскано

заубегомъ ево Баендина свы|баршиковъ ево» [Столп, л. 12]. В «Столпе» зафиксировано также слово *домовой* явно в позиции названия должности, однако пока не представляется возможным установить более точно, какая должность имеется в виду: «о^тпущены на вно^т | Заво^а домовому Миха^лу Воронину плавильныя меха = | одна пара» [Столп, л. 15]. Возможно, слово образовано от *дом / дам / дама* 'дамба' [Словарь XVIII в.], хотя само слово *дом* в этом значении в памятнике не встречается.

Вторую подгруппу составляют названия учреждений: *бергамт, генералбергдиректориум, обербергамт, Пермское горное начальство, Пыскорская заводская кантора, Соли Камской канцелярия воеводского правления, канцелярия главного правления заводов / главного заводов правления / главного правления Сибирских и Казанских заводов*.

Следует отметить, что полное название ведомства — *главное правление Сибирских и Казанских заводов* — в документах встречается только два раза в начале текстов указов, причем следующие в этих документах упоминания горнозаводского органа пишутся в сокращении: *канцелярия главного правления заводов*. В большинстве же текстов «Столпа» указывается только сокращенное название.

При упоминании бывшего названия того или иного ведомства или должности добавляется слово *бывший* (или конструкция *бывший в... / на... / при...*): «забывшаго припыскорских заводахъ | целовалника въ 725 году Мокея Баендина» [Столп, л. 12]; «Убывшаго сотника Тере^атъя Пету|хова днги оди^а рубль пятдеся^т копеекъ приняты» [Столп, л. 12 об.]; «вук^асе ея Императорского величества | исбывшаго Сибирского оберъберг^амта» [Столп, л. 15]; «по Указомъ блаженныя ивечнодостоинныя памяти | ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА изъбывшаго Сиби^р|ского оберъ бергъ амта» [Столп, л. 62].

Слово *генералбергдиректориум* встречается один раз, его употребление в тексте свидетельствует о недостаточной грамматической освоенности его в речи пишущего: «всыскашь | касенные долгы Ибоде по указу Г^дд^рственнаго | генераль бергъ директори^и умъ » [Столп, л. 34 об.].

Третью подгруппу составляют различные термины производства: *анбар, боил офен печь, бур, варнишний песок, весы, горновой камень, гребок, добыча, железные снасти, железо, заработные дни, зжение, инструмент, искованный, кайло, кирка, короб, коробовое число (мера расчета с рабочими), лопатка, лоцильный камень, медные руды, медный завод, медный рудник, меха, молот, мякотные кожи, наддача (прибавка к жалованью), напарей, новоманерные/староманерные печи, переработа, печи, плавильные меха, плавка, припасы, руда, рудное место, рудный признак, сало-сырец, слюда, смола, снасти, соляные промыслы, сорт, уголь, угольные дрова, угольный мастер, чекан, черная медь, чистая медь, шахты, шлак*.

Особый интерес представляют слова *богатства, снасти* и *припасы*, приобретающие в составе горнозаводского узуса специальные значения. В число *инструмента* входят *кайла, молоты, лопатки*, но те же орудия ниже в том же документе называются *припасы* [Столп, л. 62]. В другом тексте встречается упоминание *мехов* и *протчих железных припасов*. *Железными снастями* называются *кайла*. *Богатствами* в тексте называются *полезные ископаемые*: «попробе те ево р^уды чрезъ проби|ршика Пермякова ничего меди | Другаго бога|тства неоказали» [Столп, л. 85 об.].

Сомнение вызывает слово *рашлак*, встретившееся в копии документа на л. 54 об. «Стола» в следующем контексте: «вполучени (так в ркп) сего Укаса впермское нача^аство репо^бтъ | посла^а Маия 23^а дня по^а № 572 а о^тп^тскъ взя^т по^аукасъ в^неупотре^блени^а рашлаку Ишлаку | ω^тновоМанерной бои^а о^ве^н печи влавк^т (так в ркп) наста^ароМанерные печи». Слово выписано довольно четко, но учитывая, что в следующей строке допущена описка (*влавку* вместо *вплавку*), можно предполагать, что писец исказил какое-то слово (возможно, *роштейн*) по подобию следующего слова *шлаку*. В имеющихся источниках термина *рашлак* не найдено.

О неосвоенности немецкой терминологии свидетельствует и употребление выражения *боил офен печь* в следующем контексте: «взя^т по^аукасъ в^неупотре^блени^а рашлаку Ишлаку | ω^тновоМанерной бои^а о^ве^н печи влавк^т наста^ароМанерные печи^ж» [Стола, л. 54 об.]. Как видно из примера, термин *бойлофен* ‘кипятильная печь’ непонятен для пишущего без русского термина *печь*, в свете чего существительное *офен* несет функцию характеризующего признака, фактически превращаясь в несклоняемое прилагательное.

Любопытные данные дает сравнение системы названий профессий и должностей с материалами Пыскорского завода конца XVIII — начала XIX в., опубликованными Л. М. Пантелеевой [Пыскорский завод, 2016].

В данной книге отсутствуют лексемы *бергамт*, *берггаур*, *боил офен печь*, *генералберг-директорум*, *гитенмейстер*, *гитенфорвальтер* (но встречается *обергиттенфервальтер*), *молотник*, *новоманерный* и *староманерный*, *оборшмелцер* и *шмельцер* (при наличии *плавильный мастер* и *плавильщик*), *гармахер* (при наличии *гармахерский мастер*), однако встречаются слова *оберштейгер*, *штейгер*, *закомлетный работник*, *засыщик*, *плотинный подмастерье*, *берггешворен*, *рудоразборщик*, *ундершихтмейстер*.

Обращает на себя внимание, что сохранились те названия, которые закреплены в системе горных чинов, названия же рабочих профессий (*берггаур*, *фарлауфер*, *гармахер*) в основном ушли в прошлое. Немецкий корень *гармахер* сохранился в названии оборудования — *гармахерский горн*. Можно предположить, что именно поэтому сохранилось и название *гармахерский мастер*. При этом русская система названий профессий за почти столетие не изменилась: *засыщик*, *плотинщик*, *рудоразборщик* и проч. Интерес представляет новообразование *подштейгер*, свидетельствующее об адаптации заимствованной лексики в русском языке.

Всё сказанное не только подтверждает тезис Е. И. Головановой о снижении во второй трети XVIII в. темпов заимствования [Голованова, 2011, с. 61], но и позволяет говорить о выходе из обихода части немецкой лексики. Экстралингвистическая основа этого процесса очевидна: ко времени рубежа XVIII и XIX вв. в результате развития отечественной промышленности было подготовлено достаточное количество отечественных специалистов, для которых употребление исконных аналогов было более предпочтительным. Так, в 1776 г. при Берг-коллегии было открыто Горное училище, готовившее горных инженеров для уральских заводов [Сицук, 2016, с. 505]. Сравнивая штатные списки середины и конца XVIII в., можно обнаружить в последних гораздо меньше иностранцев.

Заключение

Можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, в горнозаводских документах середины XVIII в. фиксируется параллельное употребление немецких и исконно русских названий профессий: *заводской управитель / гитенфорвальтер, надзиратель работ / унтершихтмейстер, плавильщик/шмельцер*. Представляется, что варьирование в данном случае проистекает из гибридности самой терминосистемы, предполагающей различные наименования одной должности. С другой стороны, термины *плотинный подмастерье* и *плотинщик* употребляются параллельно. В данном случае, как представляется, дублетное употребление продиктовано стремлением к речевому сжатию.

Во-вторых, испытав значительный приток немецких заимствований в первой половине XVIII в., горнозаводская терминология уже к концу XVIII в. утратила значительную их часть, прежде всего связанную с названиями профессий, в связи с заменой немецких специалистов на российских. При этом можно наблюдать к концу XVIII в. стабилизацию орфографического облика германизмов, словообразовательную активность (подштейгер) по сравнению с периодом середины века, что указывает на то, что немецкая терминосистема адаптируется в горнозаводском узусе. Если же говорить об исконной горнозаводской лексике конца XVIII — начала XIX в., она в целом остается достаточно стабильной по отношению к состоянию середины XVIII в.

В-третьих, при работе с письменными памятниками середины XVIII в. был выявлен ряд единиц, отсутствующих в других источниках, в том числе в исторических словарях русского языка: *боил-офен-печь, домовой, молотник, рашлак*.

Список источников

- Борхвальдт О. В. 1998. Словарь золотого промысла Российской империи. М.: Русский путь. 237 с.
- Геннин В. де. 1937. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735 / предисл. акад. М. А. Павлова. М.: История заводов. 656 с.
- Голованова Е. И. 1996. Проблема становления уральской горнозаводской терминологии в XVIII — начале XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. Том 2. № 1. С. 171–174.
- Голованова Е. И. 2016. Семантическое терминопобразование и модели образной номинации в уральской горнозаводской терминологии XVIII–XIX веков // Научный диалог. № 5 (53). С. 22–33.
- Голованова Е. И. 2011. Немецкие заимствования в горнозаводской терминологии Урала (XVIII в.) // Гуманитарный вектор. № 4 (28). С. 61–66.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. 1989 / отв. ред. А. А. Преображенский; АН СССР, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. М.: Наука. 604 с.
- Новиков И. А. 2009. Об управлении горнозаводской промышленностью Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Том 3. № 4. С. 150–156.

- Пантелеева А. М. 2018. Система названий промышленных печей на пермских заводах в медеплавильной терминологии конца XVIII — XIX в. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* № 9–1 (87). С. 139–146.
- Протопопова О. В., Мотырева А. Н. 2015. Лексические заимствования из немецкого языка в русский язык (на примере терминов горного дела) // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики.* № 1. С. 18–23.
- Пыскорский медеплавильный завод: памятники деловой письменности конца XVIII — начала XIX века: монография. 2016 / сост. А. М. Пантелеева; предисл. Л. А. Белова. Усолье: Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых». 242 с.
- Саматова Е. К. 1992. Специальная лексика горнозаводского производства Среднего Урала XVIII века (на материале челобитных «мастеровых и работных людей»): автореф. дис. ... к. филол. н. М. 24 с.
- Сищук Ю. М. 2016. Заимствования из немецкого языка в русской горно-геологической терминологии // *Записки Горного института.* Том 219. С. 504–507.
- Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–2019. Вып. 7–22.
- Ставшина Н. А. 1985. Лексика соляного дела Русского Севера: на материале деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XV–XVII вв.: дис. ... к. филол. н. Вологда. 211 с.
- Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году. 2016 / сост. Н. В. Чугаев. Пермь. 298 с.
- Чайкина Ю. И. 1956. Некоторые наблюдения над горной производственной терминологией русского языка XIX — начала XX в. // *Ученые записки Таганрогского педагогического института.* Вып. 1. С. 29–37.
- Щеглова Н. А. 1964. Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв. (по материалам памятников письменности Тульского края): дис. ... к. филол. н. М. 411 с.
- Юдина Т. М. 2008. Из истории горнозаводского производства в Олонцком крае // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* № 1. С. 40–44.
- Юдина Т. М. 2009. Горнозаводская лексика начала XVIII века в номинативной деривационной системе языка // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* № 1. С. 123–131.
- Юдина Т. М. 2014а. О способах номинации некоторых терминов кузнечного дела (на материале горнозаводской деловой письменности начала XVIII века) // *Вестник Костромского государственного университета.* Том 20. № 4. С. 155–159.
- Юдина Т. М. 2014б. О явлении параллельного словообразования в горнозаводской терминологии начала XVIII века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* № 2. С. 84–91.
- Юдина Т. М. 2015. Микросистема названий кузнечных мехов в горнозаводской терминологии XVIII в. // *Вестник Вятского государственного университета.* № 3. С. 117–120.

References

- Borkhvaldt, O. V. (1998). *Dictionary of the Gold Industry of the Russian Empire*. Russkij put. [In Russian]
- de Gennin, G. W. (1937). *Description of Ural and Siberian Factories. 1735* (M. A. Pavlov, Foreword). *Istoriya zavodov*. [In Russian]
- Golovanova, E. I. (1996). The problem of the Ural mining terminology formation in the 18th–early 19th c. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(1), 171–174. [In Russian]
- Golovanova, E. I. (2016). Semantic term formation and models of figurative nomination in the Ural mining terminology of the 18th–19th c. *Nauchnyj dialog*, (5), 22–33. [In Russian]
- Golovanova, E. I. (2011). German borrowings in mining terminology of the Urals (18th c.). *Gumanitarnyj vector*, (4), 61–66. [In Russian]
- Preobrazhensky, A. A. (Ed.). (1989). *The History of the Urals from Ancient Times to 1861*. USSR Academy of Sciences, Ural department, Institute of History and Archeology; Nauka. [In Russian]
- Novikov, I. A. (2009). On the management of the mining industry in Eastern Siberia in the 18th–early 19th c. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(4), 150–156. [In Russian]
- Panteleeva, L. M. (2018). The system of industrial furnaces names at Perm factories in copper-smelting terminology of the late 18th–19th c. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, (9–1), 139–146. [In Russian]
- Protopopova, O. V., & Motyeva, L. N. (2015). Lexical borrowings from German into Russian (the case of mining terms). *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, (1), 18–23. [In Russian]
- Panteleeva, L. M. (Ed.). (2016). *Pyskor Copper-Smelting Plant: Business Written Documents of the late 18th–early 19th c.* (L. A. Belova, Foreword). Palaty Stroganovykh. [In Russian]
- Samatova, E. K. (1992). *Special Vocabulary of Mining Production of the Middle Urals of the 18th c. (based on the material of petitioning "artisans and workmen")* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian]
- Sishchuk, Yu. M. (2016). Borrowings from the German language in Russian mining and geological terminology. *Zapiski Gornogo instituta*, 219, 504–507. [In Russian]
- Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1984–1991). *Dictionary of the 18th c. Russian Language*. Vols. 1–6; (1992–2019). Vols. 7–22. Nauka. [In Russian]
- Stavshina, N. A. (1985). *The Vocabulary of the Salt Business of the Russian North: based on the material of the business writing of the Spaso-Prilutsky Monastery of the 15th–17th c* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian]
- Chugaev, N. V. (Ed.). (2016). *Column of the Incoming Money Treasury of the Pyskor Factory Office of 1741*. [In Russian]
- Chaikina, Yu. I. (1956). Some observations on the mining production terminology of the Russian language of the 19th–early 20th c. *Uchenye zapiski Taganrogskogo pedagogicheskogo instituta*, (1), 29–37. [In Russian]
- Shcheglova, N. A. (1964). *Terminological Vocabulary of Weapons and Iron-Making Production of the 17th–18th c. (the case of the written documents of the Tula Region)*. [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian]

- Yudina, T. M. (2008). From the history of mining production in the Olonets Region. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki Series: Humanities and Social Sciences*, (1), 40–44. [In Russian]
- Yudina, T. M. (2009). Mining vocabulary of the early 18th c. in the nominative derivational system of the language. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki Series: Humanities and Social Sciences*, (1), 123–131. [In Russian]
- Yudina, T. M. (2014a). On the ways of nominating some terms of blacksmithing (the case of mining business writing of the early the 18th c.). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 20(4), 155–159. [In Russian]
- Yudina, T. M. (2014b). On the phenomenon of parallel word formation in mining terminology of the early 18th c. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, (2), 84–91. [In Russian]
- Yudina, T. M. (2015). Microsystem of names of bellows in mining terminology of the 18th c. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 117–120. [In Russian]

Информация об авторе

Николай Валентинович Чугаев, кандидат филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ, Пермь, Россия
aegolios@yandex.ru

Information about the author

Nikolai V. Chugaev, Cand. Sci. (Philol.), Professor, Humanities and Social Science Department, Perm Military Institute of National Guard Troops, Perm, Russia
aegolios@yandex.ru

Переходные явления при адвербиализации имен существительных

Чжоу Хайянь

Пекинский университет, Пекин, Китай
Контакт для переписки: hyzh906@pku.edu.cn

Аннотация. В системе русских наречий важную часть составляют наречия, мотивированные падежными и предложно-падежными формами имен существительных, которые можно разделить на три типа в зависимости от планов выражения и содержания. В первый тип входят наречия, мотивированные беспредложными падежными формами существительных типа *весной*. Второй тип включает в себя наречия, которые по мотивированности происходят от предложно-падежных форм существительных, такие как *наверху*. Третий тип — это наречия, образованные из сочетаний разных падежных форм одного и того же существительного, например *изо дня в день*. Все вышеперечисленные типы носят ступенчатый характер в процессе адвербиализации. Актуальность данной статьи состоит в анализе переходных явлений при адвербиализации имен существительных в русском языке. Исследование показывает, что адвербиализация имен существительных тесно связана с лексикализацией, но степень и способы лексикализации словоформ имен существительных разные. Шкала переходности наглядно представляет процесс отделения от имени существительного и приближения к наречию. Кроме того, в процессе лексикализации наблюдается и процесс грамматикализации, который находит отражение в морфологическом, семантическом и синтаксическом аспектах.

Ключевые слова: наречие, существительное, предлог, адвербиализация, лексикализация, грамматикализация, шкала переходности

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке NSSFС (грант № 18BYU233).

Цитирование: Чжоу Хайянь. 2024. Переходные явления при адвербиализации имен существительных // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 31–39. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-31-39>

Поступила 25.10.2023; одобрена 28.02.2024; принята 13.05.2024

Transitional phenomena in the adverbialization of nouns

Zhou Haiyan

Peking University, Beijing, China

Corresponding author: hyzh906@pku.edu.cn

Abstract. An important part of the system of Russian adverbs constitutes adverbs motivated by non-prepositional and prepositional case forms of nouns, which can be divided into three types regarding the planes of expression and content. The first type includes adverbs motivated by non-prepositional forms of nouns, e. g., *весной*. The second type comprises adverbs motivated by prepositional case forms of nouns, such as *наверху*. The third type is adverbs formed from combinations of different case forms of the same noun, such as *изо дня в день*. All these types have a stepwise character in the process of adverbialization. The study shows that adverbialization of nouns is closely related to lexicalization, but the degree and ways of lexicalisation for noun word forms are different. The transitivity scale clearly represents the process of separation from the noun and approaching the adverbialization. In addition, in the process of lexicalisation, there is also a process of grammaticalization, which is reflected in morphological, semantic, and syntactic aspects.

Keywords: adverb, noun, preposition, adverbialization, lexicalization, grammaticalization, transitivity

Acknowledgements: the research was supported by the National Social Science Fund of China (grant No. 18BY233).

Citation: Haiyan, Zhou. (2024). Transitional phenomena in the adverbialization of nouns. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 31–39. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-31-39>

Received Oct. 25, 2023; Reviewed Feb. 28, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

Наречие — это особая и активная часть речи в русском языке. Оно является связующим звеном между знаменательными и служебными словами, и в нем воплощается переход и трансформация между частями речи, в том числе и адвербиализация, под которой понимается переход в наречие словоформ, принадлежащих к другим частям речи [Красильникова, 1997, с. 15]. Благодаря адвербиализации русская наречная система пополняется за счет других частей речи, таких как имя существительное, прилагательное, числительное. Проблемы адвербиализации были описаны в трех академических

грамматиках [Виноградов и др., 1953, с. 620–625; Шведова, 1970, с. 294–301, 1980, с. 400–406], а также в работах В. В. Виноградова [1947, с. 353–362], Л. Л. Буланина [1976, с. 183–187], В. М. Маркова [2001, с. 145–149], В. В. Бабайцевой [2000, с. 318–331], И. В. Высоцкой [2006, с. 155–177], В. В. Шигурова, Д. В. Панфиловой, Т. А. Шигуровой [Шигуров, Панфилова, 2023, с. 65–69; Шигуров, Шигурова, 2023, с. 81–85], Ван Цзы [2018] и ряда других. С точки зрения этимологии, немотивированные наречия немногочисленны (например: *вчера, после, как, иначе, почти* и т. д.), тогда как производные наречия разнообразны.

В структурном плане наречия, мотивированные падежными и предложно-падежными формами имен существительных, многочисленны. Академическая Грамматика современного русского литературного языка [1970, с. 294–301] и Академическая Русская грамматика [1980, с. 400–406] со стороны словообразования разделяют наречия, мотивированные существительными, на суффиксальные типа *вечером, летом* и префиксально-суффиксальные типа *вдаль, поистине*. Первый тип чаще связан с творительным падежом существительных, второй тип образован на основе предложно-падежных форм существительных. Буланин обращает большее внимание на наречия от предложно-падежных форм существительных: он сначала делит наречия на слова слитного написания и раздельного написания, потом подразделяет каждую из этих двух групп на три разряда, основываясь на отношениях между наречием «предлог + существительное в косвенном падеже» и существительным-источником [Буланин, 1976, с. 183–187]. Исследователь Д. В. Сичинава [2011] классифицирует наречия, мотивированные существительными, на четыре типа: образования от предложно-падежных сочетаний типа *завтра*, образования от определительных именных групп типа *сегодня, тотчас*, образования от формы творительного падежа существительных типа *ночью, кругом* и образования от прочих именных форм типа *дома, долгой*.

Результаты и обсуждение

В зависимости от планов выражения и содержания мы в данной работе предлагаем разделить мотивированные существительными наречия на три типа, присоединяясь к классификации в Академической Грамматике русского языка [Виноградов и др., 1953, с. 620–624], где наречная система понимается в широком смысле. Первый тип — это наречия, мотивированные беспредложными падежными формами существительных, например, *весной, днем, рядом, домой, сегодня* и др.; второй тип — это наречия, мотивированные предложно-падежными формами существительных, например, *вверх, сбоку, подряд, к стати* и др.; третий тип — это наречия, образованные из сочетаний разных падежных форм одного и того же существительного, такие как *точка в точку, изо дня в день, время от времени* и т. д. Нужно отметить, что все вышеперечисленные типы находятся на разных стадиях процесса адвербиализации.

Наречия первого типа можно разделить на две группы по признаку отсутствия/наличия функциональных омонимов, под которыми понимаются одинаково звучащие этимологически родственные слова, относящиеся к разным частям речи [Бабайцева, 2005, с. 351]. К первой группе относятся наречия, не имеющие функциональных омонимов,

они по количеству немногочисленны и в современном русском языке употребляются только в значении наречий. В этимологическом аспекте они или образованы от утратившихся падежных форм существительных, например, *вчера* (из родительного падежа), *домой* (из дательного падежа), или являются застывшей формой сочетаний с указательными местоимениями, например, *сегодня* (родительный падеж сочетания), *сейчас* (винительный падеж сочетания) [Виноградов и др., 1953, с. 620–621; Сичинава, 2011].

Вторая группа наречий в основном образована из форм существительных в творительном падеже, таких как *утром*, *весной*, *летом*, *бегом*, *даром*, *верхом*. Как сказано в Академической грамматике русского языка [1953, с. 620]: «творительный падеж имен существительных способен к переходу в наречие, так как ему свойственны качественно-обстоятельные оттенки значений, указывающие на время, место, способ или образ действия». Частеречная принадлежность этой группы наречий определяется часто на основе конкретных контекстов. Сравните примеры из Национального корпуса русского языка:

- 1) «Если *весной* мало дождей, посевы и молодые сеянцы требуют полива»¹ (наречие).
- 2) «Недаром придворные поэты сочиняли стихи в честь солнца, которое наслаждается вечной *весной*»² (имя существительное в творительном падеже).

Эти две словоформы «весной», являясь функциональными омонимами, образуют омокомплекс. Их морфологические признаки, лексические значения и синтаксические функции различны. В морфологическом плане первая словоформа «весной» не имеет парадигмы словоизменения, т. к. «падеж как дополнение связан со всем склонением, а наречие из падежа — для обыкновенного сознания вне этой связи» [Потебня, 1958, с. 474]. И это морфологическое изменение ведет к утрате семантической и синтаксической самостоятельности слова. Слово «весной» в значении наречия обладает большей лексической отвлеченностью, обозначая время года, и не может сочетаться с качественным прилагательным; всё это говорит о том, что оно исполняет функцию лишь обстоятельства времени в предложении.

Наречия второго типа образованы из предложно-падежных форм имен существительных, которые можно делить на слова слитного написания типа *вдруг*, *вниз* и слова раздельного написания, такие как *до упаду*, *на днях*. В зависимости от планов выражения и содержания мы можем разделить наречия второго типа «предлог + существительное в косвенном падеже» на четыре группы.

Первая группа — это наречия слитного написания, которые завершили свой диахронический переход и превратились в наречия в полном смысле слова, например, *дотла*, *исподлобья*, *набекрень* и т. д. Эта группа наречий ближе к непроизводным по результату и степени адвербиализации.

Вторая группа — мотивированные наречия слитного написания, например, *наконец*, *изнутри*, *вмиг*, *донизу*, *отроду*, *посредине* и т. д. Они образуются с помощью предлога и существительного в косвенном падеже посредством агглютинации. Под агглютинацией мы понимаем процесс, когда «два или несколько слов, первоначально раздельные,

¹ С. А. Курганская. Акони́ты // «Первое сентября», 2003.

² Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985).

но часто встречающиеся внутри предложения в одной синтагме, сливаются в полностью или почти полностью неанализируемую единицу» [Соссюр, 1999, с. 176]. Наречия данной группы завершили диахронический процесс лексикализации, обладая фонологической и морфологической целостностью, они входят в систему наречий как самостоятельные слова и выполняют обстоятельственную функцию наречий в предложениях, вот примеры из Национального корпуса русского языка: «Эмоции, после просмотра этого фильма, навеянные шпионской тематикой, по сути, были так же по шпионски сдержанны, но разрывали сознание и чувства *изнутри!*»¹; «Она как будто *миг* стала другим человеком»².

Третья группа — это мотивированные наречия раздельного написания, например, *в розницу, за глаза, под стать, на дом, без ума, до отказа* и т. д. Эти слова раздельноформлены на уровне выражения, но они также воспроизводимы, уже хранятся в памяти как единое целое и могут быть извлечены непосредственно из памяти, когда это необходимо для вербальной коммуникации. Такие слова так же могут выполнять функцию наречий в предложениях, как и первые две группы, например: «Вы покупаете нашу продукцию оптом, а продаете *в розницу*»³; «Зал был набит *до отказа*, десятки людей толпились в проходах и на прилегающих галереях»⁴.

К четвертой группе относятся такие слова, как *до (последней) нитки, на каждом шагу, со всего размаху*. Их часто не включают в систему наречий в связи с тем, что в такие конструкции могут вставляться прилагательные или местоимения, выступающие в роли квалификаторов, а наличие квалификатора часто является важным маркером, позволяющим отличить косвенную форму существительного от наречия. Однако важно отметить, что, хотя в этих конструкциях допускается вставка прилагательных и местоимений, эта вставка не произвольная, а «фразеологически связанная» [Буланин, 1976, с. 186], т. е. образуется устойчивое сочетание, и вся структура исполняет функцию обстоятельства, например: «Таким образом, в Ватикане туристы буквально *на каждом шагу* могут встретить какой-нибудь исторический памятник»⁵.

Наречия третьего типа образованы из сочетаний разных падежных форм имен существительных, например, *точка в точку, тютелька в тютельку, в конце концов, время от времени* и т. д. Среди подобного рода наречий бывают сочетания и с предлогами типа *изо дня в день*, и без предлога типа *честь честью* [Виноградов и др., 1953, с. 625]. Иногда образование такого типа наречий называют фразеологической адвербиализацией, в результате чего наблюдается «потеря формальной и семантической самостоятельности компонентов исходного словосочетания и приобретение словосочетанием единого неделимого значения» [Пальцева, 2015, с. 436]. Вся структура становится зафиксированной на семантическом и синтаксическом уровнях. Наречия данного типа также

¹ Форум: 17 мгновений весны (2005–2010).

² Ольга Онойко. Некромантисса (2014).

³ Фёдор Ошевнев. Билет на тот свет // «Ковчег», 2015.

⁴ Рустем Фаяхов. То ли больных стало больше, то ли все выздоровели // «Газета», 2003.06.30.

⁵ В Ватикане уничтожают памятники // «Знание — сила», 2003.

принадлежат к широкой адвербиальной системе имен существительных, поскольку могут выполнять адвербиальную функцию в предложении, например: «Точка в точку в том месте, где было указано, стояла кофейного цвета машина, но на колесах, и человек тряпкой вытирал кузов»¹.

Следует отметить, что среди наречий, мотивированных именами существительными, наблюдается множество переходных случаев, это явление в основном связано с наречиями, образованными от форм существительных в творительном падеже типа *вечером* и от предложно-падежных форм существительных раздельного написания типа *на редкость*, вне контекста и анализа «нельзя четко определить границу между наречием и адвербиальным употреблением падежной формы имени существительного» [Журавлёв, 2012, с. 51].

Итак, адвербиализация имен существительных по сути представляет собой процесс и результат лексикализации, под которой понимается «превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (напр., во фразеологизм)» [Лопатин, 1998, с. 258]. Но степень адвербиализации имен существительных зависит от степени их лексикализации. Эта особенность адвербиализации форм имен существительных хорошо выявляется по показателям шкалы переходности, где крайние точки **А** и **Б** представляют собой типичные явления, обладающие полным набором дифференциальных признаков, а звенья **Аб**, **АБ** и **аБ** обозначают переходные ступени, характеризующиеся синкретизмом свойств. [Бабайцева, 2000, с. 15, 22, 27].

Таким образом, свободное сочетание прилагательного и существительного (без предлога и с предлогом) занимает звено **А** (типовые образцы: *вечная весна* и *в красивой комнате*), где грамматическое и лексическое значение имени существительного полностью проявлены. На звене **Аб** расположены наречия типа *на каждом шагу* и *изо дня в день*, которые по форме мало отличаются от языковых единиц на звене **А**, но в них ярко наблюдается семантическая идиоматичность, они употребляются в качестве эквивалента наречных слов. Звено **АБ** включает в себя наречия раздельного написания типа *на глаз*, где «раздельное написание, сохраняющееся в ряде случаев в силу орфографической традиции, не всегда может служить основанием для отнесения таких форм к классу имен существительных» [Виноградов и др., 1953, с. 631]. Звено **аБ** могут занимать два вида наречий. Во-первых, это наречие слитного написания типа *вмиг*, которое отличается цельноформленностью в планах орфографическом и семантическом; во-вторых, это наречия, мотивированные именами существительными в творительном падеже, типа *весной*. По степени лексикализации оба типа наречий уже входят в наречную систему, но способы их лексикализации разные. Лексикализация словоформ типа *вмиг* осуществляется путем изоляции падежной формы при слиянии с предлогом, а лексикализация словоформ типа *весной* происходит путем изоляции беспредложной формы от системы склонения [Чарыев, Бардина, 2022, с. 156]. На звене **Б** размещаются наречия типа *набекрень* и *долой*, которые уже прошли путь лексикализации и превратились в полноценные наречия.

¹ М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937).

Вот типовые образцы на звеньях шкалы переходности:

А: в красивой комнате // вечная весна

Аб: на каждом шагу // изо дня в день

АБ: на глаз

аБ: вмиг // весной

Б: набекрень // долой

С диахронической точки зрения, эти пять звеньев $A \rightarrow Ab \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B$ хорошо отражают, что «степень близости именной формы к наречию определяется степенью ее изоляции, характером ее обособления от живой системы падежей и функций соответствующего имени существительного» [Виноградов, 1947, с. 381]. И в этом процессе лексикализации наблюдается процесс грамматикализации, которая выражается следующим образом:

- 1) с морфологической точки зрения, существительное постепенно отделяется от изменяемой парадигмы, сохраняя лишь одну форму в наречии; окончания лексической парадигмы существительного превращаются в суффиксы; предлог превращается из отдельного лексического слова в префикс морфологической системы;
- 2) в семантическом аспекте имя существительное приобретает абстрактный характер, в то время как предлог постепенно теряет свое собственное значение;
- 3) в синтаксическом плане бывшие падежные и предложно-падежные формы существительных исполняют в предложениях функцию обстоятельства в значении наречий. Беспредложные формы существительных и предложно-падежные формы (предлог + существительное) становятся одной языковой единицей, приобретая морфологические и семантические признаки и синтаксические функции наречия.

Заключение

Таким образом, адвербиализация имен существительных осуществляется именно путем лексикализации, сопровождающейся грамматикализацией. Эта особенность наглядно проявляется с помощью шкалы переходности. С диахронической точки зрения шкала переходности воспроизводит процесс отделения от имени существительного и приближения к наречию, в ходе которого наблюдается «изменение дифференциальных признаков исходного класса и приобретение признаков производного класса» [Шигуров, Панфилова, 2023, с. 65]. В синхроническом плане языковые единицы вышеупомянутых пяти звеньев $A - Ab - AB - aB - B$ выполняют свои функции в языке совместно, шкала переходности помогает определить частеречную принадлежность и лексико-грамматические признаки переходных случаев образованных в результате адвербиализация имен существительных.

Список источников

- Бабайцева В. В. 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа. 640 с.
- Бабайцева В. В. 2005. Избранное. 1955–2005: сборник научных и научно-методических статей. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ. 520 с.
- Буланин А. А. 1976. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение. 207 с.

- Ван Цзы. 2018. Исследование русских наречий в аспекте лексикализации: происхождение и развитие отыменных наречий в русском языке: дис. ... магистра филол. наук. Пекин. (王梓, 2018, 词汇化视角下的俄语副词研究: 名源副词的产生与发展。)
- Виноградов В. В. 1947. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз. 785 с.
- Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.). 1953. Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР. Том 1. Фонетика и грамматика. 720 с.
- Высоцкая И. В. 2006. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ. 303 с.
- Журавлёв А. Ф. 2012. Категория числа у русского наречия // Вопросы языкознания. № 5. С. 38–56.
- Красильникова Е. В. 1997. Адвербиализация // Русский язык: энциклопедия. М: Большая Российская энциклопедия: Дрофа. С. 15–16.
- Лопатин В. В. 1998. Лексикализация // Большой энциклопедический словарь. М: Большая Российская энциклопедия. С. 258.
- Марков В. М. 2001. Избранные работы по русскому языку. Казань: Дас. 274 с.
- Пальцева В. А. 2015. Адвербиализация как один из источников пополнения класса наречий: процессы адвербиализации в чешском языке // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: мат. XX–XXI Междунар. конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». Вып. 6. С. 433–438.
- Потебня А. А. 1958. Из записок по русской грамматике. Том 1–2. М: Учпедгиз.
- Сичинава Д. В. 2011. Наречие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Соссюр Ф. де. 1999. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 432 с.
- Чарьев А., Бардина Т. К. 2022. Переход предложно-именных сочетаний в наречие // Русский язык в поликультурном пространстве Прикаспия: проблемы изучения и преподавания: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань. С. 153–156.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1970. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука. 768 с.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). 1980. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.
- Шигуров В. В., Панфилова Д. В. 2023. Словоформа «утром» сквозь призму ступенчатой грамматической адвербиализации // Научное обозрение. Педагогические науки. № 2. С. 65–69.
- Шигуров В. В., Шигурова Т. А. 2023. Ядерная субстантивная словоформа «даром» в отношении к адвербиализации // Гуманитарные исследования в новых религиях: мат. VII Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь. С. 81–85.

References

- Babaytseva, V. V. (2000). *Transitivity Phenomena in the Grammar of the Russian Language*. Drofa. [In Russian]
- Babaytseva, V. V. (2005). *Selected Works. 1955–2005: collection of research papers*. Izdatelstvo SGU. [In Russian]
- Bulanin, L. L. (1976). *Complicated Questions of Morphology*. Prosveshchenie. [In Russian]

- Van Tszy. (2018). The study of Russian adverbs in the aspect of lexicalization: the origin and development of adverbs in the Russian language [Master dissertation]. (王梓, 2018, 词汇化视角下的俄语副词研究: 名源副词的产生与发展。) [In Chinese]
- Vinogradov, V. V. (1947). *Russian Language. Grammatical Doctrine of the Word*. Uchpedgiz. [In Russian]
- Vinogradov, V. V., Istrina, E. S., & Barkhudarov, S. G. (Eds.). 1953. *Grammar of the Russian Language. Vol. 1. Phonetics and Grammar*. Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. [In Russian]
- Vysotskaya, I. V. (2006). *Syncretism in the System of Parts of Speech of the Contemporary Russian Language*. MPGU. [In Russian]
- Zhuravlev, A. F. (2012). The category of number in the Russian adverb. *Voprosy yazykoznaniiya*, (5), 38–56. [In Russian]
- Krasilnikova, E. V. (1997). Adverbialization. In *Russian Language: Encyclopedia*. Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya: Drofa. [In Russian]
- Lopatin, V. V. (1998). Lexicalization. In *Large Encyclopedic Dictionary*. Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. [In Russian]
- Markov, V. M. (2001). *Selected Works on the Russian Language*. Das. [In Russian]
- Paltseva, V. A. (2015). Adverbialization as one of the sources of adverbial class replenishment: processes of adverbialization in Czech. In *Proceedings of the 20th–21st International Student and Early Career Researchers Conference “Lomonosov”: Relevant Philological Problems: The View of the New Generation, “Philology” Section* (Vol. 6, pp. 433–438). [In Russian]
- Potebnya, A. A. (1958). *From the Notes on the Russian Grammar* (Vols. 1–2). Uchpedgiz. [In Russian]
- Sichinava, D. V. (2011). Adverb. In *Materials for the Corpus Project of Describing Russian Grammar*. <http://rusgram.ru> (manuscript) [In Russian]
- Saussure, F. De. 1999. *Course in General Linguistics*. Izdatelstvo Uralskogo Universiteta. [In Russian]
- Charyev, A., & Bardina, T. K. (2022). Transition of prepositional-noun combinations into an adverb. In *Proceedings of the All-Russian Research Conference. Russian Language in the Politics and Culture of the Caspian Sea Area* (pp. 153–156). [In Russian]
- Shvedova N. Yu. (Ed.). (1970). *Grammar of the Contemporary Russian Literary Language*. Nauka. [In Russian]
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russian Grammar* (Vol. 1). Nauka. [In Russian]
- Shigurov, V. V., & Panfilova, D. V. (2023). The word-form “morning” through the prism of staggered grammatical adverbialization. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*, (2), 65–69. [In Russian]
- Shigurov, V. V., & Shigurova, T. A. (2023). Nuclear substantive word-form “darom” in relation to adverbialization. In *Proceedings of the 7th International Research Conference. Humanities Research in the New Religions* (pp. 81–85). [In Russian]

Информация об авторе

Чжоу Хайянь, доктор филологических наук, Пекинский университет, Пекин, Китай
hyzh906@pku.edu.cn

Information about the author

Zhou Haiyan, Dr. Sci. in Philology, Peking University, Beijing, China
hyzh906@pku.edu.cn

Зоометафоры множества: субстантивная и адвербиальная семантика

Оксана Михайловна Исаченко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
Контакт для переписки: isachenkoo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию семантических, прагматических и деривационных характеристик зоонимов, обозначающих множества: *выводок, гурт, караван, косяк, отара, помёт, рой, свора, стадо, стая, табун* (11 лексем). В существующих толковых словарях их вторичные значения представлены непоследовательно и неполно. В частности, не отмечены реально функционирующие в современном русском языке адвербиальные употребления метафорических значений. Такие метафоры преимущественно обозначают движение и перемещение больших масс объектов, чаще всего людей. На основе материала толковых словарей и Национального корпуса русского языка предлагаются способы и формулы для корректирования и унификации лексикографического описания русских лексем со значением ‘множество животных’, а также введения специальных прагматических помет для дифференциации их употребления. Разноаспектный анализ единиц микрогруппы «Группы животных» наглядно демонстрирует сложное взаимодействие семантики и грамматики в процессах метафоризации и адвербиальной конверсии. Объем выборки, на основе которой проведено исследование, — 638 контекстов с метафорами множества, связанными с классом счетных слов в грамматическом аспекте и тематическим полем зоонимов — в лексическом аспекте.

Ключевые слова: метафора, когнитивная проекция, зоометафоры, образы множества, синтаксическая модель, конверсия, функциональная транспозиция, адвербиализация

Цитирование: Исаченко О. М. 2024. Зоометафоры множества: субстантивная и адвербиальная семантика // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 40–56. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-40-56>

Поступила 10.09.2023; одобрена 27.02.2024; принята 13.05.2024

Zoometaphors of multiple: substantive and adverbial semantics

Oksana M. Isachenko

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Corresponding author: isachenkoo@mail.ru

Abstract. The article describes semantic, pragmatic, and derivational characteristics of zoonyms denoting sets: *выводок, гурт, караван, косяк, отара, помёт, рой, свора, стадо, стая, табун* (11 lexemes). In the existing explanatory dictionaries, their secondary meanings are presented inconsistently and incompletely. In particular, adverbial uses of metaphorical meanings that actually function in the modern Russian language are not noted. Such metaphors mainly denote the movement and movement of large masses of objects, most often people. Based on the material of explanatory dictionaries and the Russian National Corpus, methods and formulas are proposed for correcting and unifying the lexicographic description of Russian lexemes with the meaning of ‘many animals,’ as well as introducing special pragmatic labels to differentiate their use. A multidimensional analysis of the units of the microgroup “Animal Groups” clearly demonstrates the process of complex interaction between semantics and grammar in the processes of metaphorization and adverbial conversion. The sample size includes 638 contexts with set metaphors associated with the class of counter words in the grammatical aspect and the thematic field of zoonyms in the lexical aspect.

Keywords: metaphor, cognitive projection, zoometaphors, set images, syntactic model, functional transposition, conversion, adverbialization

Citation: Isachenko, O. M. (2024). Zoometaphors of multiple: substantive and adverbial semantics. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 40–56. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-40-56>

Received Sep. 10, 2023; Reviewed Feb. 27, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

Постановка проблемы

К «зоонимам» в широких границах причисляются любые наименования животных: *карась, тигр, блоха* и т. д.; дериваты от названий животных: *львиный, свинина, собачка* и др.; а также лексемы, которые имеют связь с животным миром: *пастбище, степь, копыто, зверь* и т. д. [Миронюк, 1987, с. 6]. Иными словами, «зоонимы фиксируют реалии

животного мира» [Маслов, 2014, с. 3]¹. Мы придерживаемся именно этой логики, относя к зоонимической лексике названия совокупностей животных: *стая, стадо, табун, караван* и др., вопреки сложившейся в отечественной лингвистике традиции — считать зоонимами преимущественно названия животных (например, [Николаева, 2022]).

Если опираться на предложенную Н. В. Солнцева терминологическую дифференциацию внутри гиперонима «зооним», который может, с одной стороны, принимать «облик» зоосемизма, собственно называть животное (млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и т. д.), а с другой — зооморфизма, «переносного, метафорического варианта, проецируемого на человека, характеризующего и оценивающего его под разными углами зрения» [Солнцева, 2004, с. 12], то лексическую основу образов множества составляют зоосемизмы — названия групп животных (*табун, стадо*), птиц (*выводок*), рыб (*косяк*), насекомых (*рой*). В целом их языковая природа «зооморфная», хотя контексты доказывают, что объектами счета могут быть не только люди. В таблице 1 приведем зависимые грамматические единицы, выраженные сущ. и прил. (93 лексемы), для образа множества *выводок*.

Таблица 1. Объекты множества, обозначаемого метафорой *выводок*

Table 1. Objects of the set denoted by the metaphor *выводок*

Тип объекта	Объекты счета
Человек (65 единиц)	женщины, прелестницы, старухи, малыши, дети, детишки, ребятишки, ребята, сироты, слуги, потомки, медсестры, продолжатели, юноши и девушки, девицы, девчата, пары, адмиралы, филологички, внуки, барышни, следователи, воспитанники, певцы, врачи, студенты, ловкачи, туристы, бразильцы, пройдохи, мошенники, звезды, журналисты, собратья, приятели, кадеты, губернаторы, азиаты, участники... вампиры, хоббиты, марионетки литературный в., полицейский в., министерский в....
Артефакт (16 единиц)	колокольчики, бутылки, резцы и долота, брошюрки, строения, мячи, телефоны, устройства джипы, машины, корабли
Ментефакт (6 единиц)	занятия, термины, фильмы, музыкальные направления
Натурфакт (7 единиц)	грибы, сморчки, звезды, галактики, изумруды, мурашки

По этой причине термин «зоометафора», который определен Э. А. Кацитадзе [1985, с. 6], для образов множества, ассоциированных с животными, более корректен.

В современном понимании метафора — это когнитивное явление, или ментальный феномен, который охватывает языковые категории, а также реализуется в мышлении

¹ Отметим, что в самом исследовании, несмотря на декларацию широкого подхода к зоонимам, автор анализирует названия животных (свободные или в составе атрибутивных сочетаний, типа *цепной пес, фуражная корова*) и их дериваты (*озвереть, зверюга*).

и действию, т. к. посредством метафор люди категоризируют окружающий мир, структурируют и воспринимают его. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонса, «в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев», которые «представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром объектов и с социумом» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 157].

Для рассмотрения зоонимических метафор множества важным является знание человека о коллективной организации жизнедеятельности некоторых диких и домашних животных¹ — овец, коров, пчел, птиц, рыб и др. (когнитивная структура «источника»), которая в разных проявлениях аналогична человеческому сообществу (когнитивная структура «цели»), что отчасти объясняет высокий инвективный потенциал зоометафор [Маслов, 2014]. Процесс метафоризации сопровождается трансформацией: некоторые области цели структурируются по образцу источника, т. е. происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 157]. На примере зоометафор множества можно проследить специфику когнитивных проекций.

Животные выступают «эталоном множественности» прежде всего при метафорической экспансии в сферу «Человек», что, за редким исключением (*косяк* и *рой*), подтверждается количественными данными (абсолютными и относительными), представленными в таблице 2 (лексемы приведены в порядке убывания их количества в сфере-мишени «Человек»).

Таблица 2. Количественные данные использования зоометафор для «счета» людей

Table 2. Quantitative data on the use of zoometaphors to “count” people

Образ множества	Процент реализаций зооморфного значения	Отношение зооморфных контекстов к общему кол-ву
помёт	100	9/9
свора	93	136/144
стадо	83	66/80
табун	78	47/60
стая	72	76/105
выводок	70	65/93
отара	67	4/6
гурт	67	4/6
караван	65	28/43
косяк	55	18/33
рой	37	22/59

¹ Исследователи отмечают гендерное разделение, которое в большей степени характерно для названий домашних животных (на фоне сравнения с названиями диких животных) [Николаева, 2022, с. 8]. Вопрос гендерной корреляции внутри корпуса зоометафор ставится и в [Маслов, 2014, с. 9].

Метафорическая семантика таких единиц объясняет необходимость их включения в грамматическую категорию «Количество», выражающую внешние параметры объекта (его величину, число, объем, степень развития свойства и т. д. [Рос. энцикл. словарь, 2001, с. 706]). Счетные единицы могут быть точными или приблизительными, в зависимости от способа представления множества — как определенного или неопределенного. Образы множества в русском языке являются регулярным средством наименования неопределенно большого количества объектов (*армия, дождь, вагон, воз, гора, река, лес, море, туча, тьма, арсенал* и т. п.) [Лукьянова, 1986, с. 123]. Эти единицы относятся к «квантификаторам», наряду с другими грамматическими и лексическими единицами: местоимениями (*сколько, несколько*), наречиями (*много, мало, немножко*), отнумеративными прилагательными (*первый, сотый*), идиомами с количественным значением (*куры не клюют, дел непочатый край, воз и маленькая тележка*) и др. В терминах С. А. Крылова, изучающего способы квантификации, образы множества являются естественными «сегментаторами» дискретных субстанций, в отличие от искусственных вторичных сегментаторов континуальных субстанций (*вагон, мешок, капля*) [Крылов, 2005, с. 45].

Н. А. Лукьянова выделяет 12 семантических типов образов множества: образы стихий (*буря звуков, ураган эмоций, шквал чувств*); образы быстрой смены событий, впечатлений, чувств, предметов (*калейдоскоп впечатлений, фейерверк мыслей*); образы «горизонтального» множества (*море проблем, озеро клеветы, океан слов*); образы, восходящие к войсковым подразделениям (*армия ученых, легион приезжих*) и т. п. Отдельный тип формируют образы, ассоциированные с «миром» животных (*табун машин, стадо людей, косяк поклонников*) [Лукьянова, 1986, с. 127].

В отличие от других типов (в частности, названий стихий или водных объектов), в которых кванторное значение мотивируется семантической (метафорической) деривацией, у зоонимических образов сема 'много' является **ингерентной** («Ребята, как стая голодных форелей, накинулись на мячи» (А. Шалганов. Расписание на выходной)) и в процессе метафоризации «проецируется» на другой класс объектов (ср. *стая ребят накинулась*).

Метафоризация поддерживается синтагматическими средствами, что доказывает конструктивную обусловленность таких значений. Метафоры множества функционируют в составе пяти моделей словосочетаний, частотность реализаций которых исследована на материале картотеки художественных контекстов (286 единиц) [Исаченко, 2021], см. таблицу 3.

Таблица 3. Модели словосочетаний для реализации образов множества

Table 3. Models of phrases for implementing images of sets

(1) $\{N_{обр.} + N_2\}$ ворох бумаги 70%		(4) $\{Adj + N_{обр.}\}$ бумажная груда 5%	(5) $\{V + N_{обр.5}\}$ (Бумага) навалена грудами 9%
(2) $\{N_{обр.} + [N_2]\}$ кипа [бумаги] 15%	(3) $\{N_{обр.} из N_2\}$ *груда из бумаги 1%		

Метафоры множества воспроизводятся в составе генитивной модели (1) и ее вариантах (2, 3), что является условием для реализации конструктивно обусловленного значения количества или совокупности и у других существительных: *гора золота, гуца народа, галерея типов, море шампанского, реки слов, пропасть собак...* [Басилая, 1979, с. 7–9]¹. Менее характерна для них атрибутивная модель (4), а «адвербиальная» (5) в иерархии типов конструкций занимает второе место по количеству реализаций.

Результаты и обсуждение

Анализ языкового и речевого материала

Проанализируем актуальность процесса адвербиализации (при использовании образов множества в зависимой от глагола позиции — $\{V + N_{\text{обр.с}}\}$) и его лексикографической фиксации на материале зоометафор множества.

На первом этапе по материалам «Большого толкового словаря русского языка» [1998] (далее — БТС) была составлена таблица всех зафиксированных значений исследуемых лексем: первичных, вторичных и выделенных из них — для наглядности — количественных семем, которые в большинстве случаев отмечены в словаре как созначения (приводятся после «/»»), см. таблицу 4.

Таблица 4. Лексикографическое описание микрогруппы зоонимов «Множество животных»

Table 4. Lexicographic description of the microgroup of zoonyms “Many Animals”

Лексемы	Первичные значения	Вторичные значения	Количественные метафоры
выводок	детёныши одной самки	—	/ о детях одной матери (обычно многодетной)
гурт	крупное стадо домашних животных	—	—
караван	1) группа вьючных животных	—	2) группа судов; движущаяся вереница кого-, чего-л.
косяк ²	1) гурт кобыл с одним жеребцом	2) скопление движущейся рыбы в период икрометания; 3) стая птиц, летящих углом	—
отара	множество овец	—	—

¹ При сопоставлении таких единиц, включая зооморфные образы множества (*рой, свора, стадо, стая*), с аналогами в немецком, французском и английском языках автор выяснил, что «семантический механизм возникновения конструктивно обусловленного значения... универсален», несмотря на то, что в процессе перевода образ множества может варьироваться [Басилая, 1979, с. 14].

Окончание таблицы 4
Table 4 (end)

Лексемы	Первичные значения	Вторичные значения	Квантитативные метафоры
помёт	1) испражнения животного, птицы (используемые обычно как удобрение)	2) одновременный приплод некоторых животных	/ Разг.-сниж. О ком-л., имеющем с кем-л. общее происхождение, взгляды и т.п.
рой	1) семья пчел		2) множество кого-, чего-л.
свора	1) Охотн. ремень, шнур, на котором водят охотничьих собак	2) Охотн. пара или две пары собак	
стадо	1) группа животных одного вида	2) поголовье сельскохозяйственных животных	3) большая неорганизованная группа людей; толпа
стая	1) группа животных одного вида		/ большая группа людей; 2) масса, скопление, множество чего-л.
табун	1) стадо лошадей		2) большая группа, толпа людей; о большом скоплении каких-л. предметов

Для описания первичного значения (за исключением сущ. *свора* и *помёт*) в словаре используется: 1) метаслово *группа* ('группа животных одного вида'; 'группа выючных животных'), в единичных случаях — *множество* и *скопление*; 2) синонимические замены (*табун* — это *стадо*, *косяк*² — это *гурт*, *гурт* — это *стадо*); 3) биологические термины (*рой* — *семья пчел*); 4) формы множественного числа тематически близких существительных: *выводок* — *детеныши*.

В словаре зафиксированы результаты семантического развития исходных значений, т. е. переносные значения, которые есть у четырех из 11 лексем. Так, метонимические значения имеют *стадо* 'поголовье', *свора* 'пара или две пары собак', *помёт* 'приплод' (вероятно, на основе «смежности» двух физиологических процессов), метафорическое значение отмечено для *косяк*² — 'стая птиц, летящих углом' (по сходству формы).

Метафорическое значение 'множество кого-, чего-л.', независимо от факта и способа их словарной фиксации, развивается на основе прямых значений (*выводок*, *караван*, *стая*, *табун*, *рой*) или, реже, переносных (*помёт*, *стадо*), когда мы имеем дело с производностью второго порядка: 'поголовье' → 'большая группа'. Семантической трансформацией (в логике гиперболизации) сопровождается метафоризация лексемы *помёт*: количество детенышей у разных животных варьирует в широком диапазоне — от 2, что совсем немного, до 14 (например, у льва 2–4 детеныша, а у свиньи 8–14), для образа множества актуально представление о многочисленном потомстве — ближе к «правому» показателю.

Формирование образа множества может противоречить исходной квантитативной семантике. Так, лексема *свора* ‘пара или две пары собак’ (т. е. 2–4 существа) обозначает небольшое количество особей, но в процессе метафоризации объем «денотата» существенно расширяется, о чем свидетельствуют контексты: «Ведь вся эта *свора*, от лейтенантов до генералов, значима лишь на фоне солдат-срочников» [Л. Ланник. Эксперт (2014)]; «Гогочущая *свора* расселась на боковых лавках...» [М. Елизаров. Библиотекарь (2007)].

На втором этапе мы зафиксировали «лакуну» в словарном описании данных единиц. Переносное значение ‘множество’ отмечено в словаре только у 7 зоонимов, хотя в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ, источники примеров из корпуса даны в квадратных скобках) метафорические употребления, судя по контекстам, имеют и остальные лексемы: *гурт*, *косяк*, *отара*, *свора* («Солнце, заблудившееся в курчавой *отаре* облаков на востоке, наконец, прорвалось...» [Н. Драчинский. На лодке по реке Ли // «Огонек», 1959]); «...увидел на Колве целый *косяк* больших *лодок*» [А. Иванов. Сердце Пармы. 2000]; «Первый *косяк* самолетов начал заметно менять конфигурацию, растягиваться, перестраиваться в круг...» [Ю. Бондарев. Горячий снег. 1969] и др.). Следовательно, речевая практика использования зоометафор множества шире предписанных словарем значений, но строго соответствует универсальной когнитивной проекции «животное → человек». Этот вывод подтверждается наблюдениями за поведением зоометафор в спортивном медиадискурсе (в русском и английском), в котором распространена модель «команда — это стая» и — шире — концептуальная интеграция «животное → спортсмен» [Садыкова, Зарипов, 2022, с. 156].

Для фиксации квантитативного метафорического значения этих лексем в словаре преимущественно используются нейтральные (*группа* / *большая группа*, *скопление*, *множество*) и реже разговорные слова *толпа* и *масса*, а также синонимы (*караван* — это *вереница*). Такие «метаданные» буквально фиксируют сему ‘много’. В некоторых случаях она выявляется методом ступенчатой идентификации, например: *помёт* — ‘о ком-л., имеющем с кем-л. **общее**’, а значение прил. *общий* содержит кванторные показатели: *все*, *у всех*, *для всех*, *всеобщий* и т. п.

Особенностью описания метафор множества являются прагматические пометы, которые сопровождают некоторые дефиниции (например, *выводок* — по отношению к детям) или содержатся в них (например, *караван* — ‘группа судов’), тем самым ограничивают предметную сферу считаемых объектов, что не соотносится с узусом (ср.: ***выводок*** грибов, старух, бутылок, ***караван*** автомобилей, гор, человечества).

На третьем этапе, в процессе работы с НКРЯ, была выявлена следующая закономерность: зоометафоры множества практически в полном составе участвуют в лексико-грамматическом процессе адвербиализации (или синтаксической деривации). Они используются в функции наречия и в синтаксической роли обстоятельства образа действия, по сути, являются «потенциальными адвербами» [Калякина, 2007, с. 1]. В адвербиализации участвует одна падежная форма субстантивной парадигмы — Тв. п., в единственном или, реже, множественном числе. Это живой процесс, который подчиняется общей диахронной логике, т. к. «исторически наречия возникли

на основе транспозиции, т. е. в процессе развития языка использовались уже имевшиеся названия объектов, их свойств и отношений, переводимые в класс наречий посредством адвербиализации» [Калякина, 2007, с. 7]. Семантическая, структурная и функциональная близость имен и адвербиалов [Дегальцева, 2022, с. 28] объясняет традиционность такой конверсии (или, в другой терминологии, «транспозиции» [Калякина, 2007], «межкатегориальных транспозиций» [Шигуров, Шигурова, 2022, с. 92]). Адвербиализация форм Тв. п.¹ для описания образа действия стоит на втором месте по частотности реализаций [Калякина, 2007, с. 11], а в структуре функционально-грамматического поля «Наречия» такие адвербиалы попадают в «зону отдаленной периферии», которую «составляют слова других частей речи, в определенных условиях выполняющие обстоятельственные функции, сходные с наречными» [Патракина, 2013, с. 20].

Фактом словаря исследуемая грамматическая конверсия не является (впрочем, для синтаксических дериватов это общая проблема, см. [Урысон, 1996]): в БТС наречное значение фиксируется только для одной лексемы — *косяк*: «**Косяк**² — косяком, в зн. нареч. Разг. В большом количестве, массой. Гости пошли к.». Это употребление присуще разговорной речи и обозначает массовость актантов, которые, как правило, движутся — поэтому типична сочетаемость с формами глагола движения *идти*: «Сюда **косяком** шли писатели...» [А. Гиммерверт. Наследник Гиппократа. 2009]; «Вертолеты пошли косяком...» [В. Синицына. Муза и генерал. 2002]; «А сегодня в суды **косяком** пошли никогда не встречавшиеся в судебной практике гражданские иски к медицинским организациям» [Ю. Крывелева. Музыку заказывает пациент... // «Семейный доктор», 2002]; «... а потом вдруг письма в Томск пошли косяком» [В. Шаров. Воскрешение Лазаря. 1997-2002]; «...но случалось — удачи шли косяком» [А. Ласкин. Ангел, летящий на велосипеде. 2001]. В предложении «В общем, ходки к тебе сегодня **косяком**» [С. Шикера. Выбор природы. 2014] предикат отсутствует, вероятно, в целях преодоления плеоназма (*ходки идут*).

Другие зоометафоры множества в адвербиальной функции также связаны с описанием массового движения субъектов или перемещения объектов — сочетаемость с глаголами соответствующей семантики является регулярной, она последовательно выявляется в группах контекстов с анализируемыми единицами:

- *табуном* («...они веселым **табуном** бегут сдаваться [М. Баконина. Девять граммов пластита. 2000]; «Нешто в законе сказано, чтоб народ **табуном** ходил?» [А. Чехов. Унтер Пришибеев. 1885–1886]; «Народ **табуном** несется по улице, крик, вой, плач, дети визжат...» [Ф. Гладков. Повесть о детстве. 1948]; «Иностранцы к нам **табуном** валят...» [В. Аксенов. Остров Крым. 1977–1979]; «Мальчишки **табуном** следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости...» [Е. Велтистов. Электроник — мальчик из чемодана. 1964]);

¹ Л. П. Крысин считает их формами существительных и включает в ряд готовых гиперболизирующих средств синтаксической природы — «конструкции с творительным количественным» (*К нему фрукты вагонами везут, Я ему бумагу тоннами таскаю*) [Крысин, 1988, с. 108].

- **гуртом** («Студенты... решительно топя, **гуртом** поднимались на второй этаж снова» [В. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», 2004]; «... и мы всем **гуртом** уйдем в отставку...» [А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике. 1979]; «Изредка мы **гуртом** ездили к соседям...» [Д. Григорович. Литературные воспоминания. 1893]; «... собрались мастеровые **гуртом** и двинулись вместе со старостой к пану» [А. Крамер. О скитальцах и странниках. 2013]);
- **караваном** («Во взрослые гости они ходили **караваном** — всей семьей» [Г. Галахова. Легкий кораблик — капустный листок. 1975]; «... корабли идут **караваном**...» [Е. Водолазкин. Лавр. 2012]);
- **роем** («Он воздел свои руки и **роем** **снежинок**, букетом цветов полевых в окна ей бросил...» [А. Белый. Кубок метелей. 1907]; «Бездомные и любители чужой собственности **роем** возвращались с лона природы на старое пепелище» [И. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц. 1889]);
- **стадом** («... публика **стадом** подымается с мест и торопится к выходу...» [П. Гнедич. Книга жизни. 1918]; «... Мужики **стадом** кинулись в двери» [Н. Ларионов. Тишина. 1925]; «Втикай, робя! — И крестьяне **стадом** бросились к оврагу» [В. Шишков. Емельян Пугачев. 1939–1945]; «... все по вечерам ходят **стадом** в кино» [К. Чуковский. Дневник. 1954]; «... пугливые мысли вспорхнули уже со всей окружавшей ее роскоши и носились **стадом** в мрачной... будущности» [А. Вельтман. Приключения... 1848]);
- **стаей** («Мальчишки... **стаей** мчались к берегу» [В. Шишков. Угрюм-река. 1913–1932]; «Он-то отлично знал, почему... сотрудникам АСБ положено ходить **стаей**» [О. Дивов. Выбраковка. 1999]).

Для лексем *отара*, *выводок* и *помёт* в НКРЯ адвербиальных употреблений форм Тв. п. ед. ч. не выявлено, однако очевидно, что они возможны: *облака неслись отарой*, *дети выводком ходили за матерью*. Основанием для «прогнозируемых» реализаций в роли наречия является системная аналогия с другими единицами микрогруппы, а также с синонимичным сущ. *толпа* 'неорганизованное скопление людей', для которого грамматическая конверсия закреплена в словаре: ср.: *толпой*, в зн. нареч. Сообща, все вместе [БТС] — *бросаться, нахлынуть, брести, стоять, кричать... толпой*.

Как следует из примеров, конверсивы *гуртом*, *стадом*, *табуном*, *стаей*, *роем*, *караваном* описывают движение (*бежать, ходить, валить, нестись* и др.) большого количества актантов, которые перемещаются шагом/бегом (или на транспортном средстве), не спеша или стремительно, преимущественно в одном направлении. Тип описываемого движения обуславливает и выбор глагола (скорость и «трафик» дифференцируют глаголы *ходить, бегать, мчаться, нестись, налетать, нападать, кидаться*), и образной номинации. Так, перемещения в «формате» *табуном* чаще проецируются на стремительные перемещения (аналогия с *бегающим по открытому месту табуном*), которые передают глаголы *бежать, нестись, мчаться*. Другая скорость движения возможна, если наречие примыкает к глаголам *ходить, валить* 'разг. Идти, двигаться в большом количестве', *следовать*.

Наречная метафора *караваном* описывает специальную «конфигурацию» участников движения, что обусловлено прямым значением лексемы (*караван* — ‘движущаяся вереница’). Связь с образом верблюда объясняет прагматический запрет на сочетание с глаголами скоростного и/или разнонаправленного движения или перемещения («Коробки *выносили караваном*, кабинет пустел» [А. Терехов. Каменный мост. 1997–2008], но не *люди *разбегались караваном*). Не случайно объектами движения караваном становятся *облака, корабли, машины*, которые перемещаются с ограниченной скоростью в одну сторону (такие употребления, как: «В общем, мы *помчались караваном*, как какие-нибудь hell’s angels» [В. Аксенов. Тайственная страсть. 2007] — нетипичны).

Одной из модификаций мобильности является состояние покоя (*стоять, сидеть*) для множества подвижных объектов, которые временно не перемещаются: «... на пригорке, *стадом сбились* несколько десятков машин, ждут...» [Л. Бронтман. Дневники и письма. 1943–1946]; «Наши *битюги-тракторища стадом стоят* в МТС» [Г. Николаева. Битва в пути. 1959]; «А мы, *девочки и девушки, гуртом сидящие* на берегу, замерли...» [Н. Мордюкова. Казачка. 2005]; «*Выводками сидя* вокруг костерков, *девушки* обрезали свеклу...» [В. Астафьев. Обертон. 1995–1996].

Помимо интегрального свойства описывать способ и характер движения (и предусмотренной сочетаемости с «мобильными» глаголами), некоторые наречные зоометафоры имеют специфические характеристики. Так, *табуном* традиционно описывает «асимметричные» отношения полов, когда «точкой притяжения» массового внимания (ухажеров, обожателей, поклонников/поклонниц) и целенаправленного движения является особь/особа исключительной привлекательности для противоположного пола: «*Миллионерши* ходили за ним *табуном* и усиленно поили» [Д. Каралис. Автопортрет. 1999]; «... *девчонки* всегда за ним *табунами* ходили» [О. Рэйн. Ая шамана Арбузова. 2015]; «*Мужчины* за ей, конечно, как сибирские коты, так *табуном* и ходят» [С. Черный. Солдатские сказки. 1932] — ироничность контекста создается контекстуальным соседством *табуна* и *котов* (в представлении носителей языка, коты не стадные животные). Аналогично используется и конверсив *роем*: «За красивой и статной молодой женщиной... *роем* вились *поклонники*» [П. Сиркес. Труба исхода. 1990–1999]; «*Женщины* вокруг Майка вились *роями*» [А. Ковальчук. Майк Тайсон... // «Криминальный отдел», 2010]. «Магнитом» привлечения внимания может быть взрослый, к которому тянутся дети: «Но ведь ты человек самостоятельный, с юмором! *Ребята* за таким *табуном* ходить должны» (А. Шалганов. Расписание на выходной).

Для наречной метафоры *роем* традиционным является описание движения абстрактных сущностей (*слов, мыслей, воспоминаний*), что коррелирует с метафорическими употреблениями сущ. *рой* (оно практически не используется в сфере-источнике «Человек») и метафорическим глаголом *роиться* («*Вопросы роились* в голове» (Г. Яхина. Дети мои)). Объекты, вызывающие ассоциацию с роем, относятся к речемыслительной деятельности, продукты которой могут звучать (похвалы) или смутно слышаться и с трудом «визуализироваться»: «...мысли *роем кружились* в голове» [А. Ростовский. По законам волчьей стаи. 2000]; «от тех *похвал*, которые *роем излетают* из уст ваших и *роем носятся* вокруг...» [Н. Дурова. Год жизни в Петербурге...» 1838]; «И *воспоминания*

эти *порхают роем* в голове и сердце счастливица» [Н. Лесков. На ножах. 1870]. Метафорические глаголы *кружиться, порхать, летать* предполагают массу «легкомысленных» актантов, если принимать во внимание метафорическую проекцию *роя пчел*. Использование других конверсивов в этой семантической области возможно, но нетипично: «Тысяча несобранных вместе *мыслей табуном пронеслись* в моей голове» [А. Котюсов. Дело о помидорах // «Волга», 2012]; «...*бегают инженеры мыслью по кругу*... Бегают и по одному, а чаще *стаей*» [К. Феоктистов. Траектория жизни. 2000].

Наречие *гуртом* используется в контекстах с глаголами общей созидательной деятельности: «В песнях, к примеру, *все* теперь *гуртом* да коллективом *робим*, а в жизни каждый норовит отгородиться от другого глухим забором» [А. Приставкин. Вагончик мой дальний. 2005], а с помощью метафор *сворой* и *стаей* описывается агрессивный образ действия многих лиц: «Форсит ведь! *Сворой налетают надзиратели*» [А. Соболев. Колесуха. 1925]; «Вон, *инородцы — стаей нападают*» [Коллективный форум: Православие и «Русский марш», 2012], — что является прямой проекцией на свору/стаю собак, враждебную человеку и опасную для него.

Помимо прямой корреляции с «прототипом», возможно искажение метафорической «проекции». Если для стада животных свойственно неспешное перемещение с места на место в поисках прокорма, то в массовом действии *стадом* прослеживается импульсивная динамика, триггером которой может быть страх, интерес/любопытство, волнение/ажиотаж и т. п. Образ действий *стадом* характерен прежде всего для людей, которые подвержены *стадному инстинкту* (*мужики, крестьяне*). При метафоризации возможен перенос атрибута из сферы-источника в сферу-мишень: «*Льдины* стали мельче и прозрачней, *покорными стадами* неслись по реке — могучая зеленая вода уносила их в Каспий» (Г. Яхина. Дети мои) — использование исходных семантических связей, которые вступают в противоречие (*покорные — неслись*, хотя покорность ассоциируется с бездействием), актуализирует когнитивную проекцию, усиливает ее эффект.

Дополнительным средством масштабирования большого количества является форма мн. ч. Будучи счетными словами, эти единицы изменяются по числам: *выводки, табуны, стаи* и др. Но адвербиализация формы мн. ч. распространена в меньшей степени, если судить по контекстам из НКРЯ. Чаще других в функции наречия используются формы: 1) *косяками* («*Косяками* пойдут материалы о том, что крупный бизнес на 40–50% формирует бюджет...» [Е. Костюк. Сверхбедные против сверхбогатых // «Время МН», 2003]; «Да клиенты к вам *косяками* пойдут!» [Д. Косенко. Малиновый берет. 2015]); 2) *стадами* («... из тех тяжелых, странных колымаг, что *стадами* мигрируют в Россию...» [О. Славникова. 2017. 2017]; «От прежних хозяев... сохранился только ковер, по которому *стадами* скакали блохи» [И. Стогов. Буги-вуги-Вуок... 2012]; «... в лесах браконьеры ходят *стадами*...» [Н. Аржанов. И выше, и ближе, и дальше... // «Волга», 2011]); 3) *табунами* («По кладбищам людоеды *табунами* ходили...» (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза)); 4) *стаями* («Репетиторы *стаями* уже и у первоклассников...» [А. Привалов. О свершившемся факте // «Эксперт», 2015]; «— Почему вольняшки у тебя в поселке *стаями* шлындают...» (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза)). Формы мн. ч. дополнительно интенсифицируют семантику 'много', грамматически «масштабируют» обозначаемое множество предметов.

Процессу адвербиализации препятствуют согласованные определения к формам Тв. п., которые и «удерживают» их в исходном частеречном статусе. Такие употребления можно считать «гибридными»: «Правда, в последнее время **киношники** всем стадом кинулись ликвидировать „перегибы“» [Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003]; «... обратился Степан к яцким **стрельцам**, которые тупым и безвольным стадом стояли за воротами» [И. Наживин. Степан Разин. 1928]; «Борис ударит, актив и **чекисты** кинутся всей сворой...» [И. Солоневич. Россия в концлагере. 1935]; «Не дожидаясь весны, все они должны были **выехать** одним большим караваном в количестве более 30 человек ...» [А. Мозжухин. Смертная агония была долгой и мучительной // lenta.ru, 2019] и др. В приведенных контекстах очевидна двойная синтаксическая связь образов множества: с адъективом (*стадо тупое, безвольное; караван один большой*) и с глаголом (*ехали караваном, текли караваном, кинуться сворой*).

В случаях замещения атрибутива десемантизированными единицами (местоимением *весь* или функциональным синонимом *целый* '2. Весь, полный (о ёмкостях, площадях, сроках и т. п.)), по сравнению с полнозначными определениями («Их окружают **репортеры** жадной стаей, идут за ними, не отставая» [Е. Замятин. Подземелье Гунтона. 1931]; «А **студенты** в это время огромной стаей паслись на территории университета...» [В. Розов. Удивление перед жизнью. 1960–2000]), адвербиализация представляется фактически состоявшейся, «пустые» элементы контекста интенсифицируют идею целостности, единства, спаянности, слитности массы объектов, названных *стадом, стаей, роем* и пр.: «**Народ**, потеряв голову, **бросался** целым стадом то в одну, то в другую сторону...» [В. Шкловский. Зоо. Письма не о любви ... 1923]; «Иногда им удается целой сворой забить ногами ... человека...» [М. Кастет. Система рукопашного боя «Стальной волк». 2004]; «**Ехали** туда целым караваном и непременно с прислугой...» [А. Бенуа. Жизнь художника. 1955]; «**Явились** целым роем воспоминания» [П. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк. 1878]. Об усилительной роли прил. *целый, весь* (а также *сплошной, один*) пишет Л. П. Крысин, анализируя средства «разговорной» гиперболизации. В качестве аргумента приводит семантику структуры: «*весь X P* = 'имеет место действие P, направленное на X: говорящий хочет убедить слушающего, что действию P подвержен X в целом, и отрицательно оценивает P' (*Вы мне **весь** костюм испачкали; Сегодня **всю** ночь не спала...*)» [Крысин, 1988, с. 106]. Сочетание «*весь X*» транслирует усиленную отрицательную оценку происходящего.

Из сказанного следует, что атрибутирование адвербиалов местоимениями *весь* и *целый* обеспечивает монолитность образов множества, которые в грамматическом плане ближе к наречиям (на «шкале переходности» {A → Аб → АБ → аБ → Б} [Бабайцева, 2000, с. 132] это случай «аБ»).

Заключение

Результатом проведенного анализа семантики и грамматики метафорических образов множества является обнаружение лакун в лексикографическом описании единиц одной тематической группы. Для их устранения в дефинициях можно применять принцип

парадигматического единства, в соответствии с которым учитывать общий вектор семантического развития и грамматических трансформаций. Для всех лексем микрогруппы «Зоометафоры множества» с целью унификации их лексикографического описания целесообразно зафиксировать метафорическое значение 'множество кого-, чего-л.' и на его основе — лексико-грамматический вариант (*гуртом/гуртами, караваном/караванами* и т. д.) с пометой «в зн. нареч.» и общим адвербиальным значением 'Большой группой, скоплением кого-, чего-л.'. Дифференцирующими могут быть прагматические метапоказатели, например: *сворой* и *стаей* (только о людях), *отарой* (об облаках), а также специальные символы, маркирующие потенциальные значения (для лексем *выводок* и *помёт*). Например, словарную статью сущ. *рой* можно дополнить третьим лексико-семантическим вариантом:

РОЙ, роя; мн. рои, роёв; м. 1. Семья пчёл (или других подобных насекомых), образующих во главе с маткой обособленную группу. *Рой диких пчёл. Осинный рой.* 2. кого-чего или с *отр.* Множество кого-, чего-л. *Рой комаров, мошек, мух. Рой снежинок, пылинок. Рой красавиц. Детский рой. Рой воспоминаний. От костра взметнулся рой искр.* 3. **Роем**, в зн. нареч. *Разг.* Большой группой, скоплением кого-, чего-л. (чаще о мыслях, воспоминаниях). *Поклонники вьются роем.*

Заполнение лексикографических лакун можно осуществлять «серийно», учитывая семантическое единство лексической группы, элементы которой представляют совпадающие или близкие результаты деривационной истории, а также когнитивного отображения реальности через семантические и/или грамматические трансформации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бабайцева В. В. 2000. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа. 640 с.
- Басилая Н. А. 1979. Слова с конструктивно обусловленными значениями в учебнике русского языка // Языкознание. Тбилиси. С. 3–17.
- Большой толковый словарь русского языка. 1998 / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 1534 с.
- Дегальцева А. В. 2022. Деадвербиализация как нарушение нормы и лингвокреативный прием // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. науч. статей / отв. ред.: Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного фед. ун-та. С. 27–31.
- Исаченко О. М. 2021. Модели словосочетаний с «образами множества» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию. Владивосток: Изд-во ДВФУ. С. 157–164.
- Калякина О. Н. 2007. Процесс адвербиализации в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Кацитадзе Э. А. 1985. Метафоризация зоонимов в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси. 249 с.
- Крылов С. А. 2005. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М.: Индрик. С. 44–65.

- Крысин Л. П. 1988. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука. С. 95–111.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 1990. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. С. 387–415.
- Лукьянова Н. А. 1986. Лексико-семантическая группа «образы множества» // Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука. С. 123–138.
- Маслов А. С. 2014. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород. 252 с.
- Миронюк Л. Ф. 1987. Семантическая типология славянских зооморфических глаголов. Днепропетровск: Изд-во ДГУ. 80 с.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.04.2024).
- Николаева Н. Н. 2022. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары. 302 с.
- Патаракина Е. О. 2013. Процесс адвербиализации языковых единиц на периферии функционально-грамматических полей наречия и предлога в русском языке // Мир русского слова. № 3. С. 19–22.
- Российский энциклопедический словарь: РЭС: в 2 кн. 2001 / под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая Рос. энцикл.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Доница О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. № 2. С. 7–34.
- Садыкова А. Г., Зарипов А. Р. 2017. Зооморфная метафора в спортивном медиадискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (77). Ч. 1. С. 155–158.
- Солнцева Н. В. 2004. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск. 221 с.
- Урысон Е. В. 1996. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. № 4. С. 25–38.
- Шигуров В. В., Шигурова Т. А. 2022. Функциональная адвербиализация субстантивных словоформ типа «зимой» сквозь призму индексации // Филология: научные исследования. № 6. С. 92–102.

References

- Babaytseva, V. V. (2000). *Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language*. Drofa. [In Russian]
- Basilaya, N. A. (1979). Words with constructively determined meanings in the Russian language textbook. In *Linguistics* (pp. 3–17). [In Russian]
- Kuznetsov, S. A. (Ed.) (1998). *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Norint. [In Russian]

- Degaltseva, A. V. (2022). Deadverbialization as a violation of the norm and a linguistic creative technique. In E. S. Sheremetyeva, E. A. Starodumova, & A. A. Anisova (Eds.), *Russian Grammar in the Dialogue of Scientific Schools, Directions, Methods* (pp. 27–31). Far Eastern Federal University Publishing House. [In Russian]
- Isachenko, O. M. (2021). Models of word combinations with “images of set.” In *Russian Syntax: From Constructions to Functioning* (pp. 157–164). DVFU publishing house. [In Russian]
- Kalyakina, O. N. (2007). *The Process of Adverbialization in the Modern Russian Language* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Katsitadze, E. A. (1985). *Metaphorization of Zoonyms in the German Language* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian]
- Krylov, S. A. (2005). Quantity as a conceptual category. In *Logical Analysis of Language. Quantitative Aspect of Language* (pp. 44–65). Indrik. [In Russian]
- Krysin, L. P. (1988). Hyperbole in Russian colloquial speech. *Problems of Structural Linguistics*, (pp. 95–111). Nauka. [In Russian]
- Lakoff, J., & Johnson, M. (1990). Metaphors We Live By. In *Theory of Metaphor* (pp. 387–415). [In Russian]
- Lukyanova, N. A. (1986). Lexico-semantic group “Images of set.” *Expressive Vocabulary of Colloquial Use* (pp. 123–138). Nauka. [In Russian]
- Maslov, A. S. (2014). *Investive Zoometaphors in Modern Russian: An Experimental Study* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Mironyuk, L. F. (1987). *Semantic Typology of Slavic Zoomorphic Verbs*. DSU Publishing House. [In Russian]
- Russian National Corpus*. (n.d.). <https://ruscorpora.ru/> [In Russian]
- Nikolaeva, N. N. (2022). *Functioning of Zoonyms in Comparisons and Metaphors of Different System Languages (based on the material of Russian, Chuvash, English and German languages)* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Patarakina, E. O. (2013). The process of adverbialization of linguistic units on the periphery of the functional-grammatical fields of adverbs and prepositions in the Russian language. *World of Russian Word*, (3), 19–22. [In Russian]
- Prokhorova, A. M. (Ed.). (2001). *Russian Encyclopedic Dictionary*. [In Russian]
- Savchuk, S. O., Arkhangel'skiy, T., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., & Podryadchikova, M. V. (2024). Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7–34. [In Russian]
- Sadykova, A. G., & Zaripov, A. R. (2017). Zoomorphic metaphor in sports media discourse: based on the material of English-language and Russian-language media. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, (11-1), 155–158. [In Russian]
- Solntseva, N. V. (2004). *Comparative Analysis of Zoonyms of Russian, French and German Languages in the Ethnosemantic Aspect* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Uryson, E. V. (1996). Syntactic derivation and the “naive” picture of the world. *Questions of Linguistics*, (4), 25–38. [In Russian]
- Shigurov, V. V., & Shigurova T. A. (2022). Functional adverbialization of substantive word forms like “winter” through the prism of indexing, *Philology: Scientific Research*, (6), 92–102. [In Russian]

Информация об авторе

Оксана Михайловна Исаченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>

Information about the author

Oksana M. Isachenko, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>

Формирование «московского текста» в ленинградской второй культуре

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Контакт для переписки: markovius@gmail.com

Аннотация. Ленинградская «вторая культура» прежде всего создавала альтернативный образ культуры города, конструируя свою генеалогию как продолжение высших достижений русского модерна. Московский текст кажется маргинальным для этой культуры, несущественным для интерпретации перипетий XX в. Но внимательное изучение институтов второй культуры показывает, что в ней московский текст был сконструирован. Московское начало было понято как метафизика культуры, отличающаяся от мистико-экстатических программ деятелей независимого искусства Ленинграда, как перенастройка оптики, а не эксперимент с телесными и духовными принципами в искусстве. Вершиной этого понимания стала концепция московского романтического концептуализма Б. Гройса как варианта русского космизма. Но и до этого в журнале «37», центральном издании второй культуры, московское искусство конструировалось как одновременно мистически чуткое и мифологически насыщенное, состоящее из культурных образов разных эпох и уравнивающее творческое усилие и творческую топикку. На ряде примеров, таких как оценка творчества Ольги Седаковой и эдиции трудов Ю. Н. Тынянова, показано, как критика московского подхода к культуре как неомифологического, отчасти анахронистического и капризно-индивидуалистического, превращалась в признание заслуг московских независимых авторов, прежде всего точнее и разнообразнее специфицировавших режимы символического производства.

Ключевые слова: вторая культура, Самиздат, Кривулин, Седакова, религиозная философия, неомифологизм, московский текст

Цитирование: Марков А. В. 2024. Формирование «московского текста» в ленинградской второй культуре // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 57–70. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-57-70>

Поступила 29.02.2024; одобрена 27.03.2024; принята 13.05.2024

Formation of “Moscow text” in Leningrad’s second culture

Alexander V. Markov✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Corresponding author: markovius@gmail.com✉

Abstract. Leningrad’s “second culture” primarily created an alternative image of the city’s culture, constructing its genealogy as a continuation of the highest achievements of Russian Art Nouveau. The Moscow text seems marginal to this culture, not essential for interpreting the vicissitudes of the twentieth century. A close examination of the institutions of the second culture yet shows that in it, the Moscow text was fabricated. The Moscow origin was understood as a metaphysics of culture, different from the mystical-ecstatic programs of the figures of independent art in Leningrad, as a readjustment of optics rather than an experiment with corporeal and spiritual principles in art. The pinnacle of this understanding was B. Groys’s conception of Moscow romantic conceptualism as a variant of Russian cosmism. Even before that, though, in the 37 journal, the central publication of Second Culture, Moscow art was constructed as both mystically sensitive and mythologically saturated, consisting of cultural images from different epochs and equating artistic endeavor and artistic topicality. Using the evaluation of Olga Sedakova’s work and the editions of Yury Tynyanov’s heritage, this paper demonstrates how the critique of the Moscow concept of culture as neo-mythological, partly anachronistic, and capricious-individualistic was transformed into the recognition of the merits of Moscow independent authors who, above all, more accurately and more diversely specified the modes of symbolic production.

Keywords: second culture, Samizdat, Krivulin, Sedakova, religious philosophy, neo-mythologism, Moscow text

Citation: Markov, A. V. (2024). Formation of “Moscow text” in Leningrad’s second culture. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 57–70. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-57-70>

Received Feb. 29, 2024; Reviewed Mar. 27, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

Понятие «вторая литература» и «вторая культура» прочно вошло в отечественное литературоведение как обозначение одновременно круга и движения [Луцевич, 2010]. Само строение этого понятия означает притязание на выстраивание и фундаментальных

характеристик культуры, и ее актуальных проявлений. Это подразумевает институционализацию усилий: простое индивидуальное или коллективное творчество может расширять режимы восприятия оснований культуры и даже преобразовывать сами эти основания, но не может тогда поддерживать постоянную актуализацию культуры.

Независимое коллективное творчество, неформальное сотрудничество или общие принципы взаимодействия индивидов внутри альтернативных официальному культурных проектов наблюдалось в 1970-е и 1980-е гг. во многих городах — достаточно указать на рок-клубы, имевшие с начала 1980-х гг. полуофициальный статус. Но институционализация усилий, когда существуют некоторые институты, по которым можно выверять как фундаментальность, так и актуальность культурного творчества, состоялась в полной мере только в Ленинграде и в Москве.

В Москве независимый художник, поэт или музыкант был частью первой культуры, но не по основной специализации, например, как переводчик, детский художник, редактор (в том числе музыкальный), корректор или оформитель. Профсоюзы обеспечивали большинство нонконформистов работой и некоторым социальным статусом, чему способствовала и централизация научного производства в стране, которое и обслуживалось множеством производителей информации, от переводчиков и редакторов до сотрудников лабораторий. Поэтому в Москве люди, принципиально не связанные с таким производством, как Леонид Губанов или Венедикт Ерофеев, и воспринимались как счастливое или несчастное исключение. Это не значит, что в Москве не было других, не менее радикальных нонконформистов, но только то, что сам нонконформизм требовал резко индивидуализированной жизненной позиции, в некоторых случаях, например, христианских активистов (Александр Огородников, Виктор Аксютин), уже смыкавшейся с религиозно-общественным диссидентством.

Тогда как в Ленинграде самое общее основание сотрудничества независимых людей было другим. Официальное место работы особо не соотносилось с культурным производством, и хотя в «поколении дворников и сторожей» далеко не все были дворниками и сторожами, а были и преподаватели, и корректоры, это была деятельность не по производству, но по воспроизводству знания. Поэтому она оставляла ее участников скорее безучастными, тогда как производство знания и культуры создавалось иначе: в философских кружках, машинописных журналах, на квартирных хеппенингах и конференциях. Если в Москве такие нонконформистские кружки были частью магистрального производства знания, например структуралистского, тесно связанного с кибернетическими задачами страны, то в Ленинграде они существовали как центры производства другого знания, со своими критериями верификации.

К таким критериям верификации могло относиться, например, сопоставление с достижениями русского модерна — об этом свидетельствует премия Андрея Белого, которая должна была доказать, что независимая русская поэзия, проза и философия проходят проверку и оказываются не хуже достижений той эпохи. Замечательно, что среди лауреатов этой премии немало москвичей — т. е. ее учредители понимали достижения как конструирование независимой позиции, полностью зависящее от творческих и интеллектуальных задач каждого конкретного автора. Верификацию проходило не то, что сформировано

институтами, а что благодаря решению творческой или интеллектуальной задачи может показать, где именно можно совершенствовать имеющиеся институты — это в целом отвечает задаче любой литературной премии как механизма переакцентирования внимания ради усиления точек производства.

Также верификация могла идти через интроспекцию и пристальное наблюдение: удастся ли воспроизводить практики себя как определяющие и непротиворечивое изложение того, что сделано предшественниками, и непротиворечивое понимание того, что делается сейчас. Такая интроспекция могла включать в себя и коллективную мистификацию или эксперимент по созданию субличности — например, разработка поэтической маски Арно Царта, на которую претендовали Елена Шварц и Виктор Кривулин. Здесь задачей интроспекции и эксперимента над своей личностью, своеобразного паломничества по культурным и духовным мирам, было обоснование самой второй культуры как обладающей полноценным гностическим потенциалом, способностью производить неожиданные смыслы и расширять круг смыслов неожиданно для любого внешнего и внутреннего наблюдателя.

Но здесь мы и сталкиваемся с главной методологической проблемой. Получалось, что верификация такого паломничества обосновывает специфическую петербургскость второй культуры. Московская ее часть тогда оказывается просто некоторым числом достижений, заслуживающих всяческого внимания. Но в этой статье мы выясняем, что именно понималось под достижением, как именно оно работало, и как при этом вторая культура всё же специфицировала московский текст. Более того, эта спецификация вполне может быть актуализована и в наши дни, как специфический опыт интертекстуальных жанровых экспериментов как в поэзии, так и в других искусствах.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали первые три года функционирования журнала «37»¹. Предпочтение этому изданию для характеристики ленинградской «второй культуры» было отдано по нескольким причинам. Прежде всего, этот журнал должен был обосновывать не просто эстетическую программу, альтернативную господствующей, но определенную программу философских исследований, имеющих мировое измерение. Почти в каждом номере журнала выходили переводы философов XX в., благодаря Т. М. Горичевой главным философом для журнала стал Хайдеггер — его концепция языка была понята как обоснование нового институционального строительства. Можно было уже опираться не на институты суждения о культуре, которые все несли на себе печать советской критики и гуманитарной науки, но на язык как определенное действие, ставящее перед собой нас, заставляющее нас производить определенные институты быта

¹ Роспись оглавления журнала приведена на ресурсе «Самиздат.вики» (http://samizdat.wiki/Содержание_всех_номеров_%2237%22), полнотекстовые номера журнала (факсимиле машинописи и текстовый транскрипт) приведены в Коллекции Самиздата Университета Торонто (<https://samizdatcollections.library.utoronto.ca>). Эти источники и цитируются в работе с указанием номера и страницы журнала в круглых скобках.

и жизни. В таком случае уже введение специфических языков, таких как язык искусства, философии или теологии, обустроивало не обычный, а метафизический «быт», различные духовные практики или формы участия в культурных и мистических переживаниях, равно как и формы коллективной погруженности в создание религиозно-философских и прочих альтернатив господствующей мысли.

Далее, в этом журнале регулярно сотрудничал Б. Гройс, под псевдонимом И. Суицидов. Именно он обосновал понятие «московский романтический концептуализм» (№ 15, с. 51–56), поняв его как продолжение общих традиций русской религиозной философии. Русская идеалистическая мысль тогда только реконструировалась, и независимые кружки в Ленинграде и в Москве проводили тайные чтения соответствующих источников, с целью мысленно картографировать русский модерн как культурный и религиозный проект. Чтение Соловьёва, Бердяева или Франка могло иметь черты катехизации или же знакомства с ключевыми философскими направлениями XX в., такими как философия жизни и экзистенциализм. Но на самом деле это чтение прежде всего создавало некоторый канон русской мысли как устремленной к предельным вопросам, постоянно ставящей себя под сомнение, постоянно оспаривающей привычные паттерны включенности в культуру — а значит, этот канон требовал включать себя в культуру на совсем новых основаниях.

Гройс и изображает московский концептуализм как радикализацию художественного жеста, но с сохранением метафизических амбиций русского модерна, главная из которых, конечно, — это выяснение пределов опыта не только индивидуального, но и интерперсонального. Концептуализм московский, в отличие от мирового, выясняет не пределы искусства и его языка, но то, насколько интерперсональный опыт (в пределе — опыт всеобщего воскресения по Н. Ф. Фёдорову) способен дать достоверное знание, либо же требуется особый несказанный опыт, который только и обосновывает все отдельные жесты концептуалиста. Проект Гройса можно понять как инобытие русского космизма, переведенное в теоретическую плоскость: знание должно пониматься не просто как власть, а как превосходство всех существующих порядков; освоение космоса преодолевает и привычные представления, и привычные формы социальных взаимодействий, превращая их в частный опыт. Тогда концептуализм с его метакритикой социальных представлений оказывается тем метафизическим событием, по отношению к которому возможно достоверное искусствоведческое или культурологическое знание; если понять его в духе западного концептуализма, то он будет выглядеть как серия противоречивых проектов. По сути, Гройс тоже исходил из своеобразно понятой концепции языка М. Хайдеггера, языка как интерперсонального императива, но только, в ходе спора со структурализмом, понял язык как включающий в себя несказанное, некоторую особую интенциональность, принадлежащую уже не нашему познанию, но онтической структуре мира.

Наконец, в этом журнале стали не просто давать слово москвичам, но показывать московское искусство как самостоятельное, самобытное и заслуживающее всяческого внимания как необходимый этап самоопределения второй культуры. Так, Седакову привлек к участию в журнале, вероятно, сам редактор В. Кривулин по своему почину

[Д'Алессандро, 2020]. Этому способствовали, конечно, подробные обзоры художественной жизни, которые описывали, как выставляющийся в Ленинграде художник представляет не столько свою местную идентичность, сколько мировую, выступая как радикальный реформатор художественного языка. Художественная критика журнала, обзоры квартирных выставок отличаются именно этим пафосом: указать, как именно какой-то сдвиг по отношению к привычному пересобирает и весь художественный язык, и сами способы получения впечатлений об искусстве. Это искусство не просто поражает, но иначе, другими алгоритмами и другим способом действия, другой своей перформативностью, впечатляет. Эта реформа видна не на фоне локальных, но на фоне более широких явлений в искусстве, и поэтому может быть оценена и в Москве.

Наиболее ярким таким представлением московского творчества стала публикация в журнале книги Ольги Седаковой «Строгие мотивы» (№ 10) (историю этой публикации см.: [Д'Алессандро, 2020]). Вся книга была опубликована как передовой материал журнала, с редакционным предварением, в котором были обозначены расхождения между ленинградской и московской программами религиозной поэзии. При этом есть явное противоречие между такой аттестацией поэзии как несколько мифологизированной и сверхчувствительной и ее полным представлением в журнале как необходимой для прочтения и самоопределения ленинградской «второй культуры». Тем более что журнал предназначался для распространения в других городах, и секретари журнала, прежде всего Наталья Шарымова, изготавливали экземпляры для разных городов.

По нашему предположению, такое решение было связано с тем, что именно тогда во второй культуре активно решался вопрос, каким быть московскому тексту, что именно нужно понимать под московским творчеством. Кроме статьи Гройса, к этому относятся и на первый взгляд никак не связанные с темой Москвы выступления, такие как критика В. Кривулиным концепции издания Тынянова, подготовленного М. О. Чудаковой (№ 10). В этом выступлении различие между ленинградским и московским подходом к наследию формалистов обозначено со всей откровенностью. Ключи к способу представления московских авторов нужно искать именно здесь, поэтому мы соединяем внимание к закономерностям второй культуры и социологическую их реконструкцию, предложенную выше, с близким чтением текстов в основной части работы.

Теоретико-методологические предпосылки этого исследования могут быть сведены к следующему обзору. Кривулин позиционировал себя как метафизического читателя, а не автора [Гельфонд, 2013], и конечно, был заинтересован в метафизических авторах. Более того, он переизобретал вторую культуру как способную порождать различные параллельные ряды образов, не обязательно гомогенных [Житенев, 2011, 2021]. Здесь Кривулин находился в сложных отношениях с тыняновской концепцией поэтического языка, пытаясь превратить ее из центростремительной в центробежную [Пронин, 2023], равно демифологизируя концепции истории на основании неохайдеггериянского понимания языка [Хайрулин, 2018, 2020]. Отношения Кривулина к традиции ОПОЯЗа, подразумеваемые в аргументации этой статьи, уже не раз рассмотрены в широком культурном контексте [Марков, 2019а, б, 2021, 2022].

Особенности Седаковой как поэта, переизобретающего религиозную философию как учение о глубине образа, уже исследовались [Жулькова, 2021], в том числе как перекодирующего экзистенциализм в соответствии с концепциями посмертного существования [Спиваковский, 2021]. Проза Седаковой уже переописана также как механизм производства ценностей второй культуры, таких как движение от мифологизма к метафизике, а от метафизики — к духовному диалогу [Марков, 2020], причем создание особых режимов памяти как залог этого производства тоже рассмотрены [Даниэль, 2021].

Обзора концепции московского искусства во второй культуре Ленинграда в современной науке не найдено, что определяет новизну этой статьи. Много, что учитывалось в этой статье, возникло из устных разговоров и письменного обмена репликами с В. И. Эрлем (1947–2020) и особенно Б. В. Останиным (1946–2023), который открыл автору и технические, и культурные закономерности развития ленинградской второй культуры. Опора на эти свидетельства, вместе с близким чтением текстов, позволила вскрыть закономерности развития второй культуры и синтетические возможности там, где иначе видны только отдельные субъективные и аналитические суждения. Памяти Б. В. Останина и посвящаю эту статью.

Результаты и обсуждение

Публикация книги «Строгие мотивы» предвдвается характеристикой ленинградского канона как по сути неоклассического, отмеченного строгостью и ясностью. Именно эти черты ленинградского канона редакция находит и в публикуемой книге. Но несколькими абзацами ниже творчество Седаковой вписывается в канон условного русского космизма или неомифологического синтеза, доходящего до синкретизма: «Ее стихам свойственно метрическое разнообразие, пластическая выразительность образа, стремление к созданию синкретического эстетического эффекта, когда зрительные и слуховые образы дополняют друг друга, создавая гармоничный визуально-фонический космос» (№ 10, с. 4). Но интереснее всего характеристика московскости публикуемого автора, где как раз как московская черта указывается неомифологизм, в отличие от прямого мистического переживания и его экспликации в ленинградской второй культуре:

«И всё же Ольга Седакова — поэт московский. Может быть, поэтому наиболее уязвимым местом сборника оказывается цикл „Московские картинки“, посвященный, кстати, ленинградской поэтессе Елене Игнатовой. Это вполне „московское“ качество — плохо, смутно видеть то, что рядом, вокруг, но зато обостренно — то отдаленное в пространстве и во времени, что для дальнзоркого зрения поэта и есть „здесь“.

„Здесь“ Ольги Седаковой — это мифолого-культурная реальность, „здесь“ — это каменная антика, чьи пустынные зрачки уже наполняются слезным соком новой жизни. Это „здесь“ вырастает из малинового московского быта, оно — среди деревенских впечатлений детства и круглых переживаний столичной обыденности. Здесь: Вергилий, Овидий, Данте, Рильке, Артемида, и Афродита, Мария Египетская и Алексей человек Божий. Но хочется, чтобы здесь был Христос, и слово веры уже готово обжечь губы, и не хватает сил на это. Поэзия Ольги Седаковой — как человек, стоящий на пороге, чуткий, настроженный, готовый отступить и войти» (№ 10, с. 3).

В приведенных двух абзацах привлекает многое. Прежде всего, в этом рассуждении замечательно, что, реконструируя и одновременно представляя читателю мир книги Седаковой, автор вступительного слова приравнивает персонажей и авторов. Вергилий оказывается в одном ряду с Артемидой, а Рильке — с Алексием человеком Божиим. В то время как в самой книге как раз очень различаются план персонажа и план творчества: жанровые характеристики стихов принадлежат либо порядку новейшей поэзии (баллада), либо порядку средневековой книжности (легенда). Понятно, что Артемида и Алексий человек Божий будут представлены внутри разных жанров, тогда как обращение к мотивам Вергилия, Данте или Рильке будет обогащать лирическое высказывание, но не определять жанр напрямую. Такое смещение, когда жанрово-текстовые параметры и рельефность персонажей оказываются характеристиками единого округлого московского текста, как бы московского Пантеона, требует размышлений.

Но объяснить, почему «Московские картинки» (№ 10, с. 19–23) трактуются как спорный и уязвимый опыт поэтического высказывания, может только их цитатность. Семь стихотворений этого цикла вполне следуют семи разделам книги М. Кузмина «Александрийские песни», хотя влияние Кузмина этим не ограничивается. Уже имя Евдокии во втором стихотворении напоминает его «Комедию о Евдокии из Гелиополя». Так, первому разделу Кузмина, который содержит развернутые именованья Александрии, понята как обживание города, соответствует мораль первой «картинки»: «Ничего не случится, не бойся» — у Кузмина в эту Александрию можно всегда вернуться (что, кстати, совершенно не разделяли ленинградские деятели второй культуры, у Кривулина Александрия «за тысячи километров» и «за тысячи лет»).

Второму разделу, представляющему любовь как главную форму социального гнозиса и социальной стратификации на основе познанного, отвечает новая версия истории Евдокии, зябнувшей в Москве, но окликаемой хозяином — т. е. здесь представляется одомашненная версия обращения, внутри специфически московских социальных паттернов. Пчелиный код Кузмина третьего раздела превращается в «пчелиный труд киноивии» третьего стихотворения. «Мудрость» четвертого раздела, открытие хрупкости и уязвимости мира, переходит уже в особое отношение к подарку: «или пойти поменять?» — жизнь не просто хрупка, но хрупка, будучи дана как дар тебе в руки.

В пятом разделе у Кузмина главное — смерть Антиноя от воды, и в пятом стихотворении тоже появляется холодный двойник как отражение, утопленник, утонувшее собственное прошлое: «И поцелую холодные губы». Шестому, неофольклорному разделу, отвечает обретение себя как субъекта молитвы, наивное общение с богами у Кузмина и замешательство богов при виде дел людей здесь оказывается своеобразной афазией при начале молитвы. Наконец, седьмому разделу, где Александрия исчезает, и вместо нее появляется весь мир, не способный заменить поэту его первую любовь, соответствует седьмое стихотворение цикла, которое было исключено автором из перепечаток цикла в собраниях сочинений:

«И вот говорю,
смуглая иноземка,
всех твоих гостей
случайная гостя —
случайней румянца
на лице книгочя,
когда его дела приведут
на декабрьскую улицу.

и вот говорю,
потому, что скоро я замолчу,
и кончу, не услышав ответа,
и потому
буду считать свое слово
последним в споре.

хороши
ледяные зверинцы на окнах
и райские птицы на стеклах,
но лучше —
ты,
дохнувшая на лед и смутившаяся
подступившей молочной тьмой» (№ 10, с. 22–23).

По сути, в этом стихотворении говорится о необычном восприятии русского языка как чужого, экзотического, смугло-иноземного, чего-то вроде индийского или африканского. Такая самоэкзотизация русской культуры, частая и прославленная, кстати, в русском модерне как один из способов продвижения русской культуры («Русские сезоны» Дягилева), Седаковой чужда внутренне, хотя она не раз в лекциях по русской культуре, прочитанных в других странах, отмечала ее как источник в том числе спорных решений — но интересно, что единственную статью об этом «По русском имени» (опубликованную в журнале «Искусство кино») она тоже никогда не включала ни в одно собрание своих сочинений.

В двенадцатом номере журнала «37» была опубликована статья Елены Шварц «Горло стихий» (№ 12, с. 105–107). В интервью Валентине Полухиной, находящемся на официальном сайте поэтессы, Седакова отмечала ее как продуктивную для выработки своего творческого метода: «Мне кажется, ритмическая субстанция моих ранних стихов была более „водной“, и мало-помалу сделалась воздушнее. У Елены Шварц есть опыт в прозе „Горла стихий“, где она утверждает, что через поэта высказывает себя какая-то из стихий: скажем, через М. Кузмина — вода...». Но замечательно, как Елена Шварц реконструирует воду у Кузмина. Она исходит из физического закона преломления: воздух у Кузмина понимается тоже как вода, более легкая. Поэтому переход из воды в воздух — это не освобождение, а преломление, которое грозит своими катастрофами. Елена Шварц реконструирует общий сюжет позднего Кузмина: любовник уезжает за море навеки, но вместо него является двойник, как бы оборотень, с которым не удастся уехать на корабле, по воде, и любовник мстит гибелью. Все персонажи оказываются

сомнительными, отраженными, данными в иллюзии взбаламученной воды. Поэтому все они отвержены и все встречаются, и как люди, и как утопленники, и как рыбы, в единой завязке и развязке почти детективного сюжета.

Для Шварц явно существенна вода и как губительная стихия, уничтожающая человека, но и как спасительная стихия, спасающая образ — спасающая в том числе от его двойника. Это уже дает некоторый ключ к пониманию того, что такое московский текст. Это текст, в котором действует не вода, как стихия, реально и физически меняющая человека и память о нем и его образ, но воздух, который перенастраивает оптику и делает мифологические или литературные фигуры реальными. Тогда нет противоречия в том, чтобы ставить в один ряд авторов и их героев, например, Михаила Кузмина и его лирических двойников-мужчин, обретающих не просто самостоятельное существование внутри сюжета поэмы, но субъектность как устроители художественного мира поэта. Герой оказывается как бы оборотнем автора в том смысле, как понимала это Елена Шварц, когда, например, уже это не любовник, создающий драматическую завязку, но явившаяся система условий и условностей, некоторые режимы узнавания своего как уже обустроенного художественного мира, складываются в не менее убедительный образ бытия в современности, чем даже самый привлекательный образ уехавшего любовника.

В том же номере, в котором опубликованы «Строгие мотивы», есть и полемика Кривулина с московскими издателями книги Ю. Н. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино» [Тынянов, 1977]. Кривулин рассматривает Тынянова как человека, завершившего русскую литературу, поставившего на место прежних амбиций писателей и критиков, всё время поощрявших амбициозные притязания русской литературы, трезвый разговор о ее границах, о ее стилистических, смысловых и жизнестроительных ограничениях. Тынянов как бы создает детектив в духе поздних циклов и книг Кузмина, которые Шварц в своем докладе назвала поэмами, имея в виду единый патетический сюжет. Следует признать, что Кривулин изображает Тынянова как первого постмодерниста, хотя это слово еще не было в употреблении: «Творчество „Обереутов“ [sic!] является грандиозной пародией на литературу в целом. Точно так же научный роман Ю. Тынянова „пародирует“ литературную эволюцию, этим самым исчерпывая возможности дальнейшей литературной эволюции в России, закрывая историю отечественной словесности, как особого рода человеческой деятельности» (№ 10, с. 254). Соответственно, Кривулин не принимает разделения книги «Архаисты и новаторы» на отдельные статьи не потому, что эта книга композиционно совершенна, но потому что это как раз механизм несовершенства, механизм преломления, почти как сюжет Кузмина по Шварц.

Кривулин говорит, что часто более поздние статьи Тынянова ставил перед ранними — именно потому, что в ранних он дал по молодости более законченные концепции, которые в книге хорошо смотрятся как заключение (№ 10, с. 236). Поэтому хронологический московский подход разрушает эти законы. Кривулин говорит, что Тынянов разрушает привычное кумулятивное и плавно-прогрессивное понимание литературной эволюции в том числе самой материей своей книги. Кривулин прямо акцентирует,

что Тынянов, хотя мало пересекался с обэриутами, очень внимательно изучал Кузмина (№ 10, с. 252). В ранних статьях по сути перед нами возвращение оборотня, история того, как русская литература достигла своего предела и вернулась в качестве копии себя, некоторого подражания своим же жанрам, доходящего до пародирования. Тогда как в более поздних статьях перед нами именно уход любви, т. е. металитературный проект описания всей русской литературы как романа с открытым финалом. И это метаописание, согласно Кривулину, не получалось, и само «лежит в руинах», просто потому что сама центробежность движения, которая заинтересовала Тынянова на более поздних этапах творчества, не может быть обобщена никакими формулами. Таким образом, итоговую теоретическую книгу Тынянова следует рассматривать как роман, в духе реконструированного Шварц романа поэзии Кузмина, тогда как московские издатели превращают ее в единый «воздух», нейтральную среду познания литературы прошлого и настоящего.

Заключение

Итак, мы видим, что проект второй культуры, как он был реализован в журнале В. Кривулина, подразумевал не только новое самосознание ленинградских артистических кругов, даже самых широких. Подразумевалось и новое картографирование всей русской культуры, включая создание новой концепции московского искусства. Московское искусство понималось не просто как космистское, но как инобытие ленинградского искусства. Московское искусство благодаря своей оптической и воздушности должно было давать более мягкий переход от философских утопий к тому пониманию общего языка как созидательного и созидающего судьбы людей, которое предполагал Хайдеггер, религиозно-философски прочитанный Т. Горичевой и В. Кривулиным.

Прочтение поэзии Седаковой через ценности и сюжеты Михаила Кузмина и прочтение Тынянова через массовую детективную культуру 1920-х гг. предложено в этой статье впервые. Эти две культуры, сюжетной поэмы и расследования трикстерского поведения, при всем их различии, сходятся в едином образе литературы 1920-х гг. как экспрессионистской, имеющей в виду не просто новых субъектов, но новых организаторов художественного мира. Кузмин становится организатором того мира, в котором и возможны различные тексты, не только петербургский, но и, потенциально, московский. А Тынянов сопротивляется московскому тексту как смешивающему литературное и металитературное начало, и Кривулин здесь пытается полностью вернуть Тынянова петербургской культуре. Но и протопостмодернизм Тынянова в изображении Кривулина, который нельзя без остатка свести к петербургской металитературности, и жанровые дрейфы Седаковой между метафизической лирикой, создающей религиозно-философскую метапозицию, и адресной лирикой, имеющей в виду речь Другого, легитимируют московский текст и для ленинградской второй культуры.

Такое прочтение, признающее московский текст как смешение литературного и металитературного, как постоянный дрейф между малой поэмой и лирическим стихотворением со своим частным адресатом, многое расставило по местам: оказалось,

что московское — это вовсе не обязательно утопически-метафизическое. Скорее московское — это некоторый прибор, позволяющий перенастроить оптику и увидеть динамику в мифологическом мире, а не только в мире текущего литературного процесса, вроде того, которым занимался Тынянов. Дальнейшее смыкание московского и ленинградского самиздата тогда должно содействовать преодолению мифологизма и новому историзму и перезапуску уже большой русской литературы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Гельфонд М. М. 2013. «Я читал Боратынского»: Виктор Кривулин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1–2. С. 51–55.
- Д'Алессандро Р. 2020. Ольга Седакова и ленинградский самиздат 70-х годов // Acta samizdatica [=Записки о самиздате]. Вып. 5. С. 37–46.
- Даниэль Б. 2021. Проблема памяти в «женской» прозе Ольги Седаковой // Новый филологический вестник. № 2 (57). С. 246–263.
- Житенев А. А. 2011. Образные коды «другой культуры» в поэзии Виктора Кривулина 1970-х гг. // Полилог: электронный научный журнал. № 4. С. 15–19.
- Житенев А. А. 2021. О нескольких «эрмитажных» экфрасисах Виктора Кривулина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Том 13. № 1. С. 83–89.
- Жулькова К. А. 2021. Религиозно-философские мотивы в лирике Ольги Седаковой // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. № 2. С. 91–102.
- Луцевич Л. 2010. Ленинградский религиозно-мистический круг 1970-х годов (к проблеме культурной памяти) // Дом Бурганова. Пространство культуры. № 2. С. 68–85.
- Марков А. В. 2019а. Кинематографический смысл стихотворения В. Кривулина «На мотив Достоевского» в контексте развития достоевсковедения // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. Том 29. № 2. С. 227–233.
- Марков А. В. 2019б. Советская живопись большого стиля в неофициальной русской поэзии // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. № 4. С. 123–137.
- Марков А. В. 2020. Проблема не-лирического и не-эпического дневника: к границам жанра // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. Том 30. № 2. С. 289–295.
- Марков А. В. 2021. Кривулин и Дашевский в споре о новом Энее Бродского // Новое литературное обозрение. № 3. С. 301–308.
- Марков А. В. 2022. Об одном прототексте К. Вагинова в цикле «галерея» В. Кривулина // Слово. Текст. Контекст. № 3 (11). С. 84–94.
- Пронин М. В. 2023. О некоторых особенностях поэтического языка Леонида Аронсона и Виктора Кривулина // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 3 (2). С. 189–196.
- Спиваковский П. Е. 2021. Образы пост-смерти в поэзии Иосифа Бродского и Ольги Седаковой // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 7. С. 141–165.

- Тынянов Ю. Н. 1977. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука. 578 с.
- Хайрулин Т. П. 2018. Категория «спиритуальности» в критических статьях В. Кривулина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Том 15. № 1. С. 147–155.
- Хайрулин Т. П. 2020. «Нагрязнула зима истории...»: концепция времени в стихотворениях В. Кривулина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. Том 25. № 1. С. 58–67.

References

- Gelfond, M. M. (2013). "I read Boratynsky": Viktor Krivulin. *Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, (1-2), 51–55. [In Russian]
- D'Alessandro, R. (2020). Olga Sedakova and Leningrad samizdat of the 70s. *Acta samizdatica* [Notes on samizdat], (5), 37–46. [In Russian]
- Daniel, B. (2021). The Problem of Memory in Olga Sedakova's "Female" Prose. *Novy Filologicheskiy Vestnik*, (2), 246–263. [In Russian]
- Zhitenev, A. A. (2011). Image codes of "other culture" in the poetry of Viktor Krivulin in the 1970s. *Polylog: Electronic Scientific Journal*, (4), 15–19. [In Russian]
- Zhitenev, A. A. (2021). About several "Hermitage" ekphrasis of Viktor Krivulin. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 13(1), 83–89. [In Russian]
- Zhulkova, K. A. (2021) Religious and philosophical motifs in the lyrics of Olga Sedakova. *Social and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 7, Literary Studies: Abstract Journal*, (2), 91–102. [In Russian]
- Lutsevich, L. (2010). Leningrad religious-mystical circle of the 1970s (to the problem of cultural memory). *Burganov's House. Space of Culture*, (2), 68–85. [In Russian]
- Markov, A. V. (2019a). The cinematic meaning of V. Krivulin's poem "On the motif of Dostoevsky" in the context of the development of Dostoevsky studies. *Vestnik of Udmurt University. Series "History and Philology"*, 29(2), 227–233. [In Russian]
- Markov, A. V. (2019b). Soviet painting of big style in unofficial Russian poetry. *Vestnik RGGU Series "Philosophy. Sociology. Art History"*, (4), 123–137. [In Russian]
- Markov, A. V. (2020). The problem of non-lyrical and non-epic diary: to the boundaries of the genre. *Vestnik of Udmurt University. Series "History and Philology"*, 30(2), 289–295. [In Russian]
- Markov, A. V. (2021). Krivulin and Dashevsky in the dispute about Brodsky's new Aeneas. *New Literary Observer*, (3), 301–308. [In Russian]
- Markov, A. V. (2022). About one prototext of K. Vaginov in the cycle "gallery" by V. Krivulin. *Slovo. Text. Context*, (3), 84–94. [In Russian]
- Pronin, M. V. (2023). About some features of the poetic language of Leonid Aronzon and Viktor Krivulin. *Vestnik RGGU. Series "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies"*, (3), 189–196. [In Russian]
- Spivakovsky, P. E. (2021). Images of post-death in the poetry of Joseph Brodsky and Olga Sedakova. *Vestnik RGGU. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, (7), 141–165. [In Russian]
- Тынянов, Ю. Н. (1977). *Poetics. History of Literature. Cinema*. Nauka. [In Russian]

Khairulin, T. P. (2018). The category of “spirituality” in the critical articles of V. Krivulin. *Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature*, 15(1), 147–155. [In Russian]

Khairulin, T. P. 2020. “The winter of history has come...”: the concept of time in the poems of V. Krivulin. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies, Journalism*, 25(1), 58–67. [In Russian]

Информация об авторе

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Information about the author

Alexander V. Markov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Локус лестницы в творчестве А. П. Чехова 1890–1900-х гг.: от духовного к непристойному

Кристина Сергеевна Рассказова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: k.s.rasskazova@utmn.ru

Аннотация. Исследование направлено на изучение структуры локуса лестницы в произведениях Чехова 1890–1900-х гг., фиксацию неклассических смещений в структуре локуса, оценку их объема. В качестве исследовательской оптики выбран историко-литературный подход (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачёв). Автор продолжает изучение символического потенциала чеховского творчества, начатое в работах А. П. Чудакова, И. Н. Сухих, С. А. Комарова. В пространственном плане опирается на исследования М. О. Горячевой и Н. Е. Разумовой. Посредством метода сплошной выборки выделено 56 фрагментов из текстов писателя с 1888 по 1903 г., анализу подвергнуты 32 из них. Установлено, что при создании авторского мифа Чехов опирается на фольклорный, библейский контексты, образные знаки Ницше, Мережковского, Грибоедова, Гоголя и Достоевского и творчески переосмысляет материал источников. Выделены три индивидуально-авторских мотива, связанных с локусом лестницы: мотив стыдного и непристойного, падение с лестницы, разрыв вертикальности. Анализ структуры чеховского локуса лестницы подтверждает выводы, сделанные ранее на материале других пространственных единиц: топоса сада, леса, усадьбы, локуса скамьи. Неклассическая природа пространств в позднем творческом периоде писателя подводит к необходимости снятия установки на реалистичность чеховских текстов и свидетельствует о начале процесса модернизации в русской литературе в последнее десятилетие XIX в.

Ключевые слова: литературоведение, А. П. Чехов, пространство, локус, лестница, впечатлительность, авторский миф, аксиология

Цитирование: Рассказова К. С. 2024. Локус лестницы в творчестве А. П. Чехова 1890–1900-х гг.: от духовного к непристойному // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 71–84. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-71-84>

Поступила 21.02.2024; одобрена 23.03.2024; принята 13.05.2024

Ladder locus in Chekhov's work of 1890s–1900s: from the spiritual to the obscene

Kristina S. Rasskazova ✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: k.s.rasskazova@utmn.ru ✉

Abstract. The research focuses on studying the structure of the ladder locus in Chekhov's works of the 1890s–1900s, fixing non-classical shifts in the structure of the locus and assessing their amount. Using the historical and literary approach (M. M. Bakhtin, Yu. M. Lotman, and D. S. Likhachev), the author continues the study of the symbolic potential of Chekhov's creativity, started by A. P. Chudakov, I. N. Sukhoi, and S. A. Komarov. In spatial terms, the article relies on M. O. Goryacheva and N. E. Razumova's research. Using the continuous sampling method, 56 fragments from 1888 to 1903 were selected, 32 fragments were analyzed. The results show that when creating the author's myth, Chekhov relies on the folklore, biblical context, imagery of Nietzsche, Merezhkovsky, Griboyedov, Gogol, and Dostoevsky; he creatively rethinks the material of the sources. Three individual author's motives related to the ladder locus are identified: 1) the motive of the shameful and obscene, 2) falling down the stairs, and 3) the vertical gap. The analysis of the structure of the Chekhov ladder locus confirms the conclusions drawn earlier on the material of other spatial units: the tops of the garden, forest, manor, and the locus of the bench. The non-classical nature of spaces in the late creative period of the writer leads to the need to remove the attitude towards the realism of Chekhov's texts and indicates the beginning of the modernization process in Russian literature in the last decade of the 19th c.

Keywords: literary studies, A. P. Chekhov, space, locus, ladder, impressionability, author's myth, axiology

Citation: Rasskazova, K. S. (2024). Ladder locus in Chekhov's work 1890s–1900s: from the spiritual to the obscene. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 71–84. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-71-84>

Received Feb. 21, 2024; Reviewed Mar. 23, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

XIX и начало XX в. ознаменовались рядом открытий, изменивших представление человечества о пространстве и времени. В физико-математических науках формируются основы неевклидовой геометрии, Эйнштейн презентует специальную и общую теории относительности.

Изобретения XIX столетия оказывают влияние и на искусство. В 1839 г. Луи Дагер открывает миру дагеротипию — прототип фотографии. Художники оказываются перед новым вызовом: запечатлеть реальность в точности больше нет необходимости. Освобожденные от обязанности воспроизводить натуру, художники «обратились к сфере выражения личного, субъективного, передаче на холсте эмоций» [Мосин, 2016, с. 90].

В социальных науках также происходит переоткрытие «энергичной стороны бытия» [Меньчиков, 2015, с. 77], переход от классического к модернистскому мышлению и «переизобретение мифа» [Ямпольский, 2022, с. 32]. Шопенгауэр описывает основы авторского мифотворчества, отмечая, что для автора важно «видеть в вещах то, что природа пыталась создать, но чего не достигла вследствие междоусобной борьбы ее форм» [Шопенгауэр, 2011, с. 166].

Оказывается вовлечен в диалог о пространстве, времени, роли и силе автора в создании художественного пространства и Чехов. Писатель знакомится с философией Ницше, с его идеей вечного возвращения, дихотомией «аполлоническое»/«дионисийское» через критику Михайловского, статьи Грота и реферативную статью в «Вестнике иностранной литературы» [Кубасов, 2015, с. 159]. О необходимости перехода к новому творческому методу заявляет и еще один современник Чехова — Мережковский. В лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» он описывает три признака нового искусства: мистическое содержание, символы, расширение художественной впечатлительности.

Описанный исторический фон, а также путешествие Чехова на Сахалин через Сибирь [Анисимов, 2011], а затем обратно по морю через азиатские страны, столкновение с новой, незнакомой реальностью способствуют формированию в творчестве писателя неклассических смещений, проследить которые уже удалось на уровне жанровых рядов [Комаров, 2002, с. 4], а также крупных пространственных категорий: топосы сада, железной дороги, усадьбы, церкви, ранее проанализированные автором данной работы.

Цель этой статьи — описать структуру локуса лестницы в произведениях Чехова 1890–1900-х гг., зафиксировать модернистские смещения в структуре локуса, оценить их объем, установить источники конструирования авторского мифа. Фиксирование объема неклассических смещений в пространственных категориях Чехова также является дополнительным аргументом в пользу смещения границ начала процесса модернизации в русской литературе к 1890-м гг.

Методы

Исследование построено на сочетании семиотических и историко-литературных подходов к изучению пространственных систем. Являясь представителем семиотического направления, Ролан Барт проводит параллель между повседневными и романическими пространствами, выделяя идиоритмические скопления — «одновременно изолированные и связанные в рамках определенной структуры элементы» [Барт, 2016, с. 50]. Возникающие системы отношений между объектами в пределах одной пространственной единицы описывают и представители историко-литературного направления М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачёв. Следуя за их логикой, мы разделяем тезис

о том, что «мир художественного произведения — явление не пассивного восприятия действительности, а активного ее преобразования, иногда большего, иногда меньшего» [Лихачёв, 1979, с. 335].

При анализе пространственных единиц в текстах А. П. Чехова мы используем определения «топос» и «локус». Они заимствованы филологией из естественных наук и характеризуются разнообразием дефиниций. Выделим два значимых критерия в употреблении данных терминов. Обобщающий: топос и локус являются функциональными пространственными категориями, фиксирующими включение персонажей в конфликтную ситуацию [Лотман, 1988, с. 253]. Различающий: локус — ограниченное небольшое пространство в составе топоса — пространства открытого [Козмин, 1999; Маслова, 1999].

В ходе исследования мы не используем понятие «хронотоп» в силу его ограничивающего понимания литературы и художественного пространства как миметических категорий по отношению к реальности. Несмотря на то, что Чехов отражает и вводит в художественную плоскость «существенные моменты действительности» [Бахтин, 1975, с. 400], большая доля художественных пространств в произведениях писателя имеет онирическую, мало связанную с реальностью природу.

Чеховской топике посвящен значительный объем работ, большинство из них направлено на уточнение периодизации творчества писателя [Гитович, 2000; Бердников, 1984; Сухих, 2007], А. П. Чудаковым изучена предметно-вещная составляющая художественного чеховского пространства [Чудаков, 1986]. Непосредственно структуре чеховского топоса посвящены работы М. О. Горячевой и Н. Е. Разумовой [Горячева, 1992; Разумова, 2001]. Этими специалистами убедительно доказано ведущее значение пространственной категории в творчестве Чехова, описана его структура и способы презентации в прозе и драме, выделены пространственные доминанты в чеховском творчестве.

В работах каждого из трех обозначенных направлений мы встречаем наблюдения о символической природе чеховского топоса. Анализируя критику 60-х гг. XIX в., А. П. Чудаков отмечает, что уже тогда современники Чехова фиксировали изменения в изображении предметно-вещного мира, в частности его отказ от анализа «бесконечно малых» единиц и переход к описаниям «нежных оттенков и рассеянных подробностей» [Чудаков, 1971, с. 7]. Исследователь обращает внимание на импрессионистичность чеховских пейзажей, сравнивает поэтику писателя с бунинской или мандельштамовской. Неклассическую основу чеховского хронотопа отмечает и И. Н. Сухих: «разомкнутость и неоднородность чеховского мира принципиально противостоит замкнутости и однородности хронотопов его предшественников» [Сухих, 2007, с. 294].

Вопрос о природе чеховского словесного искусства является принципиальным и полемически острым: до начала XXI столетия его решение было разграничительным для отечественного и зарубежного чеховедения. Если западные специалисты преимущественно говорили о модернистской природе чеховских текстов, то отечественные специалисты настаивали на их неореалистической основе. Однако по мере углубления и детализации концепции переходности эпохи рубежа веков в России, выявления диалогичности философско-эстетических исканий Европы и России стали обнаруживаться принципиальные схождения, требующие определенной ревизии сложившихся подходов и оценок. Публикация

и рефлексия крупных работ славистов-чеховедов, необходимость реконструкции генезиса русского символизма, новые подходы к наследию Чехова через речевые жанры и искусство стилизации подвели к необходимости снятия предустановленности решения вопроса о реалистичности чеховских текстов. В свете этого возникла необходимость совершенствования методик анализа и накопления нового предметного массива наблюдений.

Дизайн исследования и источники чеховского мифотворчества

Лестница — архетипический межкультурный символ, нашедший отражение в шаманизме, сказочной мифопоэтике, христианской парадигме и неоднократно осмыслявшийся и переосмыслявшийся в литературе и искусстве. В произведениях А. П. Чехова объем текстовых фрагментов, содержащих упоминания лестницы, невелик, при сплошной выборке составляет 56 фрагментов с 1888 по 1903 г. Но анализу будут подвергнуты не более 32 из них.

Десять фрагментов исключены из выборки в связи с отсутствием «локусности», функциональности поля и «конфликтной ситуации, свойственной данному locus'у» [Лотман, 1988, с. 253]: «он так же, как молодые, красил купол и главы церкви без подмостков, только при помощи лестниц и веревки» [Чехов, т. 9, с. 216]; «Застучали топорами, подставили к горевшему срубу лестницу и полезли по ней сразу пять человек» [Чехов, т. 9, с. 297]. 14 текстов из выборки исключено по хронологическим соображениям, они относятся к более раннему творческому периоду писателя. При создании сплошной выборки тексты рассматриваются по томам, поэтому в начало выборки неизменно включаются произведения из более раннего творческого периода: седьмой том собрания сочинений писателя составлен из произведений 1888–1891 гг. Однако в ходе анализа мы обратимся к данным фрагментам, чтобы отследить динамику нарастания авторского подхода к конструированию локуса и уходу от христианской образности в создании данной пространственной единицы (рис. 1).

Рис. 1. Распределение текстовых фрагментов, принятых к анализу, по годам

Fig. 1. Distribution of text fragments for analysis, year by year

Лестница как символ связи неба и земли имеет глубокие корни. Мирча Элиаде в книге «Шаманизм и архаические техники экстаза» описывает подъем на дерево или по лестнице как способ инициации нового шамана в карибских и североамериканских племенах. Значение символа сохраняется и при переходе от шаманизма к политеизму: в египетской «Книге мертвых» есть выражение «Установлена для меня лестница, чтобы встретиться с богами» [Элиаде, 2015, с. 371]. Образ лестницы встречается также в митраистских мистериях, откуда, вероятно, приходит и в христианство.

Ключевой библейский образ — лестница Иакова. Лестница, по которой сходили и восходили ангелы, явилась Иакову во сне, когда тот бежал от брата Исава и направлялся в сторону Харрана: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба» [Библия, Быт. 28:12]. Иакову, наблюдающему за ангелами, является Бог и сообщает будущему библейскому патриарху, что род его распространится на все четыре стороны света, а все семьи будут благословенны. Помимо двунаправленной связи между небом и землей лестница символизирует связь с центром мира. Основанием центра признается камень, на котором засыпает Иаков. Позднее он становится основой одного из главных городов Древнего Израиля Вефиля. Образ лестницы Иакова появляется в Новом Завете. Иисус говорит своему первому последователю Нафанаилу: «Отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» [Библия, Ин. 1:51].

Лестница Иакова — символ божественной имманентности, «близости к человеческим созданиям» [Словарь библейских символов, 2005, с. 576]. В то же время, движение по лестнице двустороннее, символизирующее готовность людей принимать испытания, посылаемые богом, и стремление смертных к новой загробной жизни и воскресению. Дополнительный смысл обретает данный образ с появлением труда преподобного Иоанна Лествичника «Лествица» [Лествичник, 2013]. Используя его, христианский богослов рассказывает о ступенях добродетели, по которым должен двигаться христианин на пути к духовному преображению.

С помощью метафоры лестницы конструирует свой неомиф и Фридрих Ницше в книге «Так говорил Заратустра»: «И если не будет у тебя больше ни одной лестницы, ты должен будешь научиться взбираться на свою собственную голову: как иначе хотел бы ты подняться вверх?» [Ницше, 2007, с. 158]; «Многими путями и способами дошел я до моей истины; не по одной лестнице поднимался я на высоту, откуда мой взор устремлялся в мою даль» [Ницше, 2007, с. 200]. Заратустра отвергает концепцию аскетизма и поэтапного совершенствования на пути к богу, указывая, что источником жизни, вдохновения и радости является сама жизнь и сам человек. В то же время, ницшеанское переосмысление лестницы Иакова сохраняет значительное число черт исходного образа. Первое — вертикальность: восхождение и внутренний рост необходимы. Второе — противопоставление верхнего и нижнего миров, где мир «верхний» — мир лучший, совершенный, ассоциирующийся с раем.

В сказочной традиции образ лестницы также ассоциирован с мировым деревом, переправой в мир богов и обрядом инициации, что ожидаемо: мир сказки черпает

сюжеты из древних племенных поверий и обрядовой культуры. В сказках лестница часто ведет в мужской дом: «Это были громоздкие постройки, приспособленные для совместного житья в ней всей холостой молодежи селения» [Пропп, 2000, с. 91]. Мужской дом делался неприступным — стоял в стороне, окружался забором, окна затворялись и занавешивались так, чтобы происходящего в доме не было видно. Вход в дом осуществлялся по приставной лестнице, ведущей сразу на второй этаж. Женщины в дом не допускались, поскольку здесь хранились святыни племени. Племена в оформлении мужского дома использовали фаллические символы, которые позднее в сказочной традиции редуцируются до вытянутой формы самого дома. В сказке такое место часто возникает неожиданно, героям приходится искать способ забраться в дом, чтобы пройти, таким образом, одно из испытаний инициации.

Говоря непосредственно о Чехове, следует учитывать и его личные привязанности, одна из них — Гоголь. В письме к Суворину Чехов так высказывается о Гоголе: «Зато как непосредственен, как силен Гоголь и какой он художник! <...> Это величайший русский писатель» [Чехов, т. 3, с. 202]. Образ лестницы является одним из ведущих в произведениях классика, он используется в «Мертвых душах», «Шинели», «Майской ночи», «Сорочинской ярмарке» и других текстах. Так, в «Мертвых душах» лестница выступает и как «сюжетно-композиционный принцип построения произведения в целом и каждой части в отдельности» [Демидова, 2019], и как средство создания иерархии образов в соответствии с присущими им грехами, и как знак внутренней эволюции.

В описаниях темных чеховских лестниц, пахнущих жареным гусем и заполненных горшками и лохмотьями, можно также зафиксировать переключки с произведениями Ф. М. Достоевского: «Маленькая закоптелая дверь в конце лестницы, на самом верху, была отворена. Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной» [Достоевский, т. 6, с. 22]; «...узкая каменная лестница с высокими ступенями... засаленный фонарь в пролете; смрад, на площадках около дверей корыта» [Чехов, т. 8, с. 263].

Через Достоевского восстанавливается и еще одна текстовая переключка, с комедией Грибоедова «Горе от ума». В «Братьях Карамазовых» госпожа Хохлакова подстерегает Алёшу на лестнице: «Но я так несчастна, так несчастна! Пусть это всё пустяки, но это меня сразило. Теперь я как Фамусов в последней сцене, вы Чацкий, она Софья, и представьте, я нарочно убежала сюда на лестницу, чтобы вас встретить, а ведь и там всё роковое произошло на лестнице» [Достоевский, т. 14, с. 202]. В «Горе от ума» лестница — центральный элемент пространственной организации пьесы. Госпожа Хохлакова напоминает о финальных сценах, в которых Чацкий узнает, что Софья влюблена в Молчалина, а также о том, что она пустила слух о его безумии. На протяжении XIX в. происходит постепенное сближение героев в пространстве лестницы: у Грибоедова герои обмениваются пространственными диалогами или наблюдают друг за другом с разных уровней лестницы. У Достоевского они сталкиваются у подножия или на верхней площадке. Чехов делает структуру локуса более четкой, обозначая позиции и количество персонажей, и вводит новые, ранее не встречавшиеся эмоции и чувства.

Результаты и обсуждение

Локус лестницы в произведениях Чехова формируется на основе множества источников: мифопоэтики, христианской традиции, нищезанятости и устремленности к совершенствованию, авторских наработок Достоевского и Гоголя. Однако ни один из источников автор не выбирает как предпочтительный, он соединяет смыслы, вырабатывая особый авторский миф. Анализ фрагментов из выборки позволяет выделить следующие мотивы, связанные с локусом лестницы:

- мотив стыдного и непристойного;
- падение с лестницы;
- разрыв вертикальности.

Локус лестницы в выделенных фрагментах 1888–1891 гг. построен преимущественно на основе христианской эстетики, сохраняет вертикальность, представляет собой движение сверху вниз, связан с метафорой последовательного и кропотливого самоусовершенствования: «Если мы нашли способ взбираться на верхнюю ступень без помощи нижних, то уж вся длинная лестница, то есть вся жизнь с ее красками, звуками и мыслями, теряет для нас всякий смысл» [Чехов, т. 7, с. 111]; «Их пессимизм является к ним не извне, не случайно, а из глубины собственного мозга и уж после того, как они проштудируют всяких Гегелей и Кантов, настрадаются, наделают тьму ошибок, одним словом, когда пройдут всю лестницу от низу до верху» [Чехов, т. 7, с. 137].

Лестница как место стыдного и неприятного появляется в произведениях Чехова еще в 1888 г. в повести «Огни»: «Не спрашивая ее согласия, мешая ей говорить, я насильно потащил ее к себе в гостиницу... <...> Помню, когда мы поднимались вверх по лестнице, какая-то фигура с красным околышем удивленно поглядела на меня и поклонилась Кисочке...» [Чехов, т. 7, с. 131]. Структура «двое на лестнице + наблюдатели» повторяется у Чехова позднее неоднократно. Схожие сцены даны в рассказе «Бабе царство». Сватовство лакея Мишеньки не складывается из-за неприятных воспоминаний. Герой становится свидетелем того, как потенциальную невесту Машу на нижней площадке лестницы порывисто обнимает студент: «Мишенька, стоя наверху на лестнице, видел это и с той поры стал питать к Маше брезгливое чувство» [Чехов, т. 8, с. 277]. В «Даме с собачкой» за объяснением героев наблюдают два курящих гимназиста, но Гурова это не останавливает, он привлекает к себе Анну Сергеевну и порывисто ее целует.

Фигура наблюдателя в повести «Три года» появляется онирически — свидетелей объяснения Юлии и Лаптева на лестнице нет, но они оба, независимо друг от друга, возвращаются к событию в воспоминаниях. Лаптев покидает дом возлюбленной, «испытывая стыд, унижение человека, которым пренебрегли, который не нравится, противен, быть может, гадок, от которого бегут» [Чехов, т. 9, с. 20]. Юлия осмысливает встречу, войдя в свою комнату, и также испытывает неловкость: «Она уже не помнила, что сказала Лаптеву, но продолжала еще ощущать следы того порывистого, неприятного чувства, с каким отказала ему» [Чехов, т. 9, с. 21]. Показателен следующий абзац, когда героиня, обращаясь к образку над изголовьем кровати, говорит: «Боже мой, не входя в комнаты, прямо на лестнице» [Чехов, т. 9, с. 21]. Лестница, вопреки христианской образности,

но с наличием религиозных знаков (речевых и предметных), ассоциируется у героев с местом не приватным и непристойным.

Отметим, что наибольший объем фрагментов с топосом лестницы приходится в последнем творческом десятилетии Чехова на 1895 г. и преимущественно связан с повестью «Три года». Автор, вероятно опираясь на авторские открытия Гоголя, делает локус лестницы элементом повествовательной структуры: герои возвращаются к одной и той же точке трижды. Впервые — во время объяснения, затем — в воспоминаниях и, наконец, во время итогового визита: «Юлия вспомнила, как здесь объяснялся ей в любви Лаптев, но теперь лестница была немытая, вся в следах» [Чехов, т. 9, с. 63]. Локус лестницы отражает изменившиеся отношения героев. Несмотря на ощущение неловкости от объяснения, в нем был порыв, неожиданность и юношеская страсть. С угасанием эмоций становится неприглядным и локус, что связан со сценой.

Несколько ближе к христианской традиции и всё равно характеризующимся высоким уровнем авторской оригинальности предстает мотив падения: чеховские герои часто падают с лестниц самостоятельно или их спускают (или грозятся спустить) оттуда недоброжелатели. Данный мотив поддерживает присущую лестнице вертикальность и разнонаправленность движения, но непосредственно падение — находка авторская.

В начале последнего творческого десятилетия писателя падение с лестницы — это акт насилия: «Что-то тяжелое и громоздкое покатилося вниз по лестнице. Это художник летел кубарем вниз. Его, очевидно, вытолкали» [Чехов, т. 7, с. 213]; «даю тебе честное слово, я пойду к нему в присутствии и спущу его там с лестницы, а с тобою знаться не буду» [Чехов, т. 7, с. 411]. Позднее насилие редуцируется, становясь второстепенным в пространстве локуса, а в сцене появляются мотив стыда и фигуры наблюдателей. В рассказе «Человек в футляре» Коваленко в порыве гнева спускает Беликова с крутой лестницы. Единственное, что волнует героя после падения, — это очки и свидетельницы: «Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем» [Чехов, т. 10, с. 52].

Чехов использует данную функцию локуса как комическую в «Вишневом саде». Петя с грохотом падает с лестницы сам, падение видят Аня и Варя, они смеются. Раневская, услышав об этом, отзывается: «Какой чудак этот Петя» [Чехов, т. 13, с. 235]. Героиня отзывается так, словно падение с лестницы у Трофимова — действие сознательное. Локус лестницы и происшедшее на ней становится еще одной отсылкой к пародийно-мифологическому характеру пьесы, выдержанному в духе древнегреческой комедии.

В мифопоэтической и христианской парадигме у лестницы сохраняется устойчивое свойство — вертикальность. Лестница в небо или мужской дом в сказке обозначается как деревянная и приставная. На иконах, изображающих сон Иакова и явившуюся ему лестницу, также можно встретить лестницу каменную, прямую или изогнутую, но неизменно без пролетов. Вне зависимости от типа лестницы, приставной или каменной, движение на них двунаправленное: несколько фигур ангелов спускается, несколько в этот же момент поднимается. Причем движение задается без остановок.

Чехов отказывается от лестниц непрерывных, вводит в структуру локуса лестничные площадки, пролеты и остановки на них, разрывает цельность конструкции. В связке с разорванностью лестничной структуры возникает эстетика отвратительного: чеховские

лестницы часто грязные, темные, заваленные вещами. В создании подобных образов писатель наследует Достоевскому, но не в прерывистости. Несмотря на обилие лестниц у Достоевского, герои редко останавливаются на них, а скорее двигаются в прямом и обратном направлении: пробегают к выходу или к комнате, возвращаются назад, если услышали шум.

В произведениях Чехова остановка как часть локуса лестницы появляется в 1892 г. в «Рассказе неизвестного человека». Орлов, поцеловав жену, выходит на лестницу и останавливается на середине, раздумывая, не вернуться ли назад: «если бы сверху в это время донесся хоть один звук, то он вернулся бы. Но было тихо» [Чехов, т. 8, с. 172]. В «Бабьем царстве» лестница, освещенная засаленным фонарем, «прерывается в каждом этаже площадкою» [Чехов, т. 8, с. 263]. Структура лестницы в рассказе коррелирует с состоянием главной героини. По тяжелым и неприятным причинам Анне Акимовне и подниматься тяжело, будучи в хорошем настроении, она бежит и стучит ногами по лестнице как мальчишка. В такие моменты «Ей сильно хотелось шалить» [Чехов, т. 8, с. 288]. В повести «Моя жизнь» лестница ведет в «храм муз», что укладывается в рамки архетипа, но герой получает возможность остановиться и долго стоит на верхней площадке, не решаясь войти.

В 1898 г. Чехов обращается к сказочной образности: в башне из рассказа «У знакомых» легко узнается мужской дом. В произведении автор соединяет два мотива: стыдное и непристойное и разрыв вертикальности. Вытянутая, состоящая из нижней кирпичной части и верхней деревянной, башня стоит за забором на границе двух крупных топосов — сада и леса. Наверх ведет лестница. В сказочной традиции дом, где герой должен пройти обряд инициации, охраняют змеи или львы, в рассказе Чехова — старые кресла, которые, кажется, «ожили к ночи и кого-то подстерегали здесь в тишине» [Чехов, т. 10, с. 21]. Подгорин не проходит обряд инициации, не входит в башню, а садится на верхней площадке лестницы. Томимый скукой, стыдом и праздностью, считающий себя лучше и умнее других, он вскоре покинет Кузьминки и вернется к обычной жизни, которая на самом деле также не отличается ничем выдающимся.

И объяснения героев не происходит, хотя конфликтная ситуация «двое + наблюдатель» для локуса создана. Чехов переосмысливает свои наработки и комично представляет в роли наблюдателя собаку. Жужа чует в вечернем полумраке Подгорина, смотрит на башню и виляет хвостом, Надежда не видит Подгорина в темноте, но ждет, что он «сойдет вниз или позовет ее к себе и наконец объяснится, и оба они будут счастливы в эту тихую прекрасную ночь» [Чехов, т. 10, с. 22]. Но герой не выдает себя ни словом, ни звуком, поэтому объяснения не происходит.

Локус лестницы в произведениях Чехова 1890–1900-х гг. строится на сочетании архетипических черт лестницы сказочной, христианской, мифологической, дополняется авторскими открытиями Гоголя и Достоевского. При этом Чехов практически не использует лестницу как символ самосовершенствования и духовного роста, а напротив, делает этот локус неприятным, публичным, связанным со стыдом. Герои, нарушая порядок движения по лестнице, архетипически связывающей небо и землю, получают возможность на ней остановиться, оглядеться, засомневаться.

Заключение

Исследовательская гипотеза о том, что Чехов подходит к конструированию пространства неклассически, ранее подтверждавшаяся на материале топосов сада, усадьбы, леса, а также локусов кабинета, скамьи, подтверждается и при анализе локуса лестницы.

Локус лестницы имеет небольшой объем в творчестве Чехова 1890–1900-х гг., однако содержит значительный объем коннотаций в разрезе сказочной, христианской, нищезанской проблематики, а также диалогически связывает произведения Чехова с творчеством Достоевского, Гоголя, Грибоедова. Данные метатекстовые связи требуют дополнительного изучения и осмысления. Представляется также перспективным проследить, как созданный Чеховым локус осваивается в модернистской и постмодернистской литературе XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Анисимов К. В. 2011. Сибирско-сахалинский тревелог А. П. Чехова в истории художественного «воображения» Зауралья: между природой и обществом // Чехов и время. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 246–260.
- Барт Р. 2016. Как жить вместе. Романические симуляции некоторых пространств в повседневности. М.: Ад Маргинем. 272 с.
- Бахтин М. М. 1975. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература. 504 с.
- Бердников Г. П. 1984. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. М.: Художественная литература. 512 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Синоидальный перевод. <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 29.12.2023).
- Гитович Н. И. 1955. Летопись жизни и творчества Чехова. М.: Гослитиздат. 880 с.
- Горячева М. О. 1992. Проблема пространства в художественном мире А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Демидова Т. Э. 2019. Осмысление Н. В. Гоголем «Лествицы» И. Лествичника в поэме «Мертвые души» // Гоголевские чтения. <https://www.domgogolya.ru/science/researches/15757/> (дата обращения: 29.12.2023).
- Достоевский Ф. М. 1972–1990. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука.
- Козмин В. Ю. 1999. Локус Михайловского в поэтическом творчестве А. С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.
- Комаров С. А. 2002. А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX века: автореф. дис. ... доктора. филол. наук. Екатеринбург.
- Кубасов А. В. 2015. Фридрих Ницше в русской прозе конца века: ироники и адепты (А. П. Чехов, П. Д. Бобыкин) // Уральский филологический вестник. № 3. С. 158–174.
- Лествичник И. 2013. Лествица, возводящая на небо. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 592 с.
- Лихачёв Д. С. 1979. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука. 360 с.

- Лотман Ю. М. 1988. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение. С. 251–292.
- Маслова А. Г. 2003. Поэтика хронотопа в раннем творчестве Б. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров.
- Меньчиков Г. П. 2015. О «переоткрытии» пространства и времени и их специфике в социально-гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pereotkrytii-prostranstva-i-vremeni-i-ih-spetsifike-v-sotsialno-gumanitarnom-znanii> (дата обращения: 15.02.2024).
- Мосин И. Г. 2016. Большая иллюстрированная энциклопедия. Импрессионизм. СПб.: СЗКЭО. 320 с.
- Ницше Ф. 2007. Так говорил Заратустра // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том 4. М. 432 с.
- Пропп В. 2000. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт. 336 с.
- Разумова Н. Е. 2001. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Томский гос. ун-т. 523 с.
- Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. 2005. Словарь библейских образов. СПб.: Библия для всех. 1423 с.
- Сухих И. Н. 2007. Проблемы поэтики А. П. Чехова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 492 с.
- Чехов А. П. 1974–1983. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука.
- Чудаков А. П. 1986. Мир Чехова: возникновение и утверждение. М.: Советский писатель. 379 с.
- Чудаков А. П. 1971. Поэтика Чехова. М.: Наука. 291 с.
- Шопенгауэр А. 2011. Собрание сочинений: в 6 т. Том 1: Мир как воля и представление. М.: Республика.
- Элиаде М. 2015. Шаманизм и архаические техники экстаза. М.: Ладомир. 552 с.
- Ямпольский М. 2022. Возвращение Адама. М.: ИД Ивана Лимбаха. 416 с.

References

- Anisimov, K. (2011). A. P. Chekhov's Siberian-Sakhalin travelogue in the history of the artistic "imagination" of the Trans-Urals: between nature and society. In *Chekhov and Time* (pp. 246–260). Tomsk University Press. [In Russian].
- Barthes, R. (2016). *How to Live Together*. Ad Marginem. [In Russian].
- Bakhtin, M. (1975). *Questions of Literature and Aesthetics. Research from Different Years*. Khudozhestvennaya literatura. [In Russian].
- Berdnikov, G. (1984). A. P. Chekhov. *Ideological and Creative Pursuits*. Khudozhestvennaya literatura. [In Russian].
- Bible. *The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Synodal translation*. (n.d.). Retrieved December 29, 2023, from <https://azbyka.ru/biblia/> [In Russian].
- Gitovich, N. (1955). *Chronicle of Chekhov's Life and Work*. Goslitizdat. [In Russian].
- Goryacheva, M. (1992). *The Problem of Space in the Art World of A. P. Chekhov* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian].

- Demidova, T. (2019). N. V. Gogol's interpretation of the "ladder" by I. Lesvichnik in the *Dead Souls*. In *Gogol's Readings*. Retrieved December 29, 2023, from <https://www.domgogolya.ru/science/researches/15757/> [In Russian].
- Dostoevsky, F. (1972–1990). *The Complete Collection of Writings* (Vols. 1–30). Nauka. [In Russian].
- Kozmin, V. (1999). *Mikhailovsky's Locus in the Poetic Work of A. S. Pushkin* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian].
- Komarov, S. (2002). *A. Chekhov–V. Mayakovsky: a comedian in dialogue with Russian culture of the late XIX – first third of the XX century* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian].
- Cubasov, A. (2015). Friedrich Nietzsche in Russian prose at the end of the century: Ironists and adherents (A. P. Chekhov, P. D. Boborykin). *Ural Philological Bulletin*, (3), 158–174. [In Russian].
- Climacus, J. (2013). *The Ladder of Divine Ascent*. Izdatelstvo Sretenskogo monastyrya. [In Russian].
- Likhachev, D. (1979). *The Poetics of Ancient Russian Literature*. Nauka. [In Russian].
- Lotman, Yu. (1988). The artistic space in Gogol's prose. In *At the School of the Poetic Word: Pushkin. Lermontov* (pp. 251–292). Prosveshchenie. [In Russian].
- Maslova, A. (2003). *The Poetics of the Chronotope in the Early Works by B. Pasternak* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian].
- Menchikov, G. (2015). On the "rediscovery" of space and time and their specifics in social and humanitarian knowledge. *Scientific Notes of Kazan University*, (1). <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pereotkrytii-prostranstva-i-vremeni-i-ih-spetsifike-v-sotsialno-gumanitarnom-znanii> [In Russian].
- Mosin, I. (2016). *A Large Illustrated Encyclopedia. Impressionism*. SZKEO. [In Russian].
- Nietzsche, F. (2007). Thus Spoke Zarathustra. In F. Nietzsche, *The Complete Collection of Writings and Letters*. Vols. 1–30 (Vol. 4). [In Russian].
- Propp, V. (2000). *The Historical Roots of the Fairy Tale*. Labirint. [In Russian].
- Razumova, N. (2001). *The Work of A. P. Chekhov in the Aspect of Space*. Tomsk State University. [In Russian].
- Ryken, L., Wilhoit, J. C., & Longman III, T. (Eds.). (2005). *Dictionary of Biblical Imagery*. Bibliya dlya vsekh. [In Russian].
- Sukhih, I. (2007). *Problems of A. P. Chekhov's poetics*. Faculty of Philology of St. Petersburg State University. [In Russian].
- Chekhov, A. (1974–1983). *The Complete Collection of Writings and Letters* (Vols. 1–30). Nauka. [In Russian].
- Chudakov, A. (1986). *Chekhov's World: Emergence and Formation*. Sovetskiy pisatel. [In Russian].
- Chudakov, A. (1971). *Chekhov's Poetics*. Nauka. [In Russian].
- Schopenhauer, A. (2011). The world as will and representation. In A. Schopenhauer, *The Complete Collection of Writings*. Vol. 1. Respublika. [In Russian].
- Eliade, M. (2015). *Shamanism and Archaic Ecstasy Techniques*. Ladimir. [In Russian].
- Yampolsky, M. (2022). *The return of Adam*. ID Ivana Limbakha.

Информация об авторе

Кристина Сергеевна Рассказова, младший научный сотрудник, Центр Урбанистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
k.s.rasskazova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5240-6078>

Information about the author

Kristina S. Rasskazova, Junior Researcher, Center of Urban Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia
k.s.rasskazova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5240-6078>

Мервские ханы (по материалам XIX в.)

Сердар Джумаевич Агдаев

Институт истории и археологии АНТ, Ашхабад, Туркменистан
Контакт для переписки: serdar63atdayev@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка построения хронологии последовательного правления мервских ханов XIX в. В своей работе мы лишь слегка коснемся характера выборности ханов, т. к. сам институт этого явления очень обширен и является собою предмет особого отдельного изучения. Привлечение широкого круга источников помогло нам ясно взглянуть на особенности местного управления. На примере текинцев Мерва видно, что власть как таковая сохранялась в руках глав племенных колен. Трудные времена сплачивали местное население и требовали выдвижения единого лидера, способного объединить их, дать защиту и стабильность. XIX в. является сложным периодом в истории Мерва. В это трудное время одни правители сменяли других. Иногда власть сохранялась в руках ханов четырех текинских колен, а общее решение принималось в ходе совместных собраний — маслахатов. Выведение стройной хронологической линии, рассматривающей последовательность ханского управления, позволит реально взглянуть на прошлое туркмен и даст возможность избежать ошибочной оценки явлений и событий того времени. Мервские ханы были яркими личностями XIX в., которые своим примером и поведением внесли важный и ценный вклад в историю туркменского народа.

В качестве метода исследования был применен историко-сравнительный способ. Привлечение туркменских, персидских, хивинских, российских и европейских материалов, их сопоставление и анализ дали возможность объективно взглянуть на данное исследование и позволили воссоздать общую политическую ситуацию в регионе.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что, несмотря на частые разногласия местных правителей, сама общественно-политическая ситуация, полная сложных и драматических моментов, заставляла ханов забыть личные амбиции, требовала выдвижения общим решением единого лидера и позволяла сплотиться вокруг него.

Ключевые слова: Мерв, ханы, правители, личности, выборы, совет, маслахат, генгеш, крепости, племя

Цитирование: Атдаев С. Д. 2024. Мервские ханы (по материалам XIX в.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 85–99. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-85-99>

Поступила 16.03.2023; одобрена 24.01.2024; принята 13.05.2024

Merv khans (using the materials of the 19th c.)

Serdar J. Atdayev✉

Institute of History and Archeology of the AST, Ashgabat, Turkmenistan
Corresponding author: serdar63atdayev@gmail.com✉

Abstract. The article attempts to construct a chronology of the successive rule of the Merv khans. The authors briefly touch upon the nature of the khans' electivity, since the very institution of this phenomenon is very extensive and its study is the subject of a separate study. A wide range of sources provided a clear look at the peculiarity of local government. The example of the Teke of Merv shows that the power as such remained in the hands of the heads of the tribal tribes. Difficult times united the local population and demanded nominating a single ruler capable of leading them, providing protection and stability. 19th c. is a difficult period in the history of Merv, when one ruler succeeded another. Sometimes, the power remained in the hands of the khans of the four Teke tribes, and the general decision was made during joint meetings — maslahat. Considering the sequence of the khan's administration, a clear chronological line provides a correct look at the past of the Turkmen; in addition, it helps avoid an erroneous assessment of the phenomena and events of that time. The Merv khans personified the bright personalities of the 19th c. who, by their example and behavior, made an important and valuable contribution to the history of the Turkmen people. Using the historical-comparative method, as well as Turkmen, Persian, Khiva, Russian, and European materials, the author recreates the general political situation in the region. The given data allow us to conclude that despite the frequent disagreements of local rulers, the socio-political situation itself, full of difficult and dramatic moments, forced the khans to forget their personal ambitions, put forward a common leader and rally around him.

Keywords: Merv, khans, rulers, personalities, elections, council, maslahat, gengesh, fortresses, tribe

Citation: Atdayev, S. J. (2024). Merv khans (using the materials of the 19th c.). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 85–99. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-85-99>

Received Mar. 16, 2023; Reviewed Jan. 24, 2024; Accepted May 13, 2024

У истории сложное прошлое
Тайны жизни, покрытые мглой,
Познаются стараньем ученого
Что копает колодец иглой.

С. А.

Введение

Тема нашего исследования посвящена ханам Мерва — правителям туркменского племени теке. Данная тема является актуальной в туркменской отечественной истории, т. к. ранее не была изучена. В отечественной историографии деятельность ханов обычно связана с описанием исторических событий. Затрагиваются в основном вопросы выборности ханов [Язлыев, 1992, с. 188–194], деятельность советов-маслахатов [Карпов, 1939, с. 15] и их проведение [Ботяков, 2007, с. 135–153].

Мы в своем исследовании сделали акцент на хронологии правления ханов в Мерве. Выведение стройной линии очередности, раскрывающей последовательность ханского руководства, позволит верно взглянуть на прошлое туркмен и даст возможность избежать ошибочной оценки явлений и событий того времени.

Мерв всегда играл важную роль в истории туркменского народа, в особенности в XIX в. Это время характеризуется очень сложной обстановкой, полной трагических моментов и принятия судьбоносных решений. Исторические документы того времени дают лишь краткое упоминание местных владык, без какой-либо видимой конкретики и персонализации. В своей работе мы попытаемся лишь частично восполнить этот пробел, т. к. целью нашего исследования является построение хронологической последовательности, согласно которой один правитель сменял другого. В определенные моменты истории существовали периоды, когда власть сохранялась в руках ханов четырех текинских колен, а общее решение принималось в ходе совместных собраний — маслахатов. Привлечение туркменских, персидских, хивинских, российских и европейских материалов, их сопоставление и анализ даст возможность объективно взглянуть на данное исследование и позволит воссоздать общую политическую ситуацию в регионе.

Небольшой экскурс в историю позволит нам лучше представить картину того времени. В XVII в. текинцы, вместе с другими туркменскими племенами, проживали на окраинах Хивинского ханства, а именно в урочище Вас, с крепостью Теке-Сенгир и группой колодцев в Сакар-Чага, а также в урочище Кандум, с крепостью Кандум-гала. Однако к началу XVII в. сток вод Амударьи ослаб и уже не достигал западных окраин ханства. В легенде о текинском предводителе Кеймир-Кёре говорится, что племя теке вынуждено было покинуть эти места из-за нехватки поливной воды по каналу Дерьялык. Вода еще сохранялась в группе колодцев в местности Сакар-Чага, но этого явно не хватало. Описание колодцам Сакар-Чага было дано в августе 1873 г. тогда еще подполковником М. Д. Скобелевым. Путь экспедиции пролегал через северо-западные районы Туркменистана, от восточного берега Каспийского моря через колодцы Игды, Орта-гуйы к Ызмыкширу. М. Д. Скобелев отмечал, что, согласно расспросам местных жителей,

колодцами Сакар-Чага можно было напоить весною 500 людей, 100 лошадей и 60 верблюдов, а осенью — 600 людей, 150 лошадей и 100 верблюдов [Скобелев, 1873, с. 4].

Если говорить об урочище Сакар-Чага, то жизнь в этом районе была обозначена еще в более ранние времена. Согласно материалам Хорезмской экспедиции 1982–1983 гг., проводившей исследования курганных могильников на возвышенности Сакар-Чага (Гуйы-сай-гыр), люди проживали здесь еще в эпоху раннесакского времени, т. е. в VII–V вв. до н. э. [Яблонский, 1986, с. 47].

Решив оставить пределы Хивинского ханства, текинцы перемещаются на Балханы, а в конце XVII в. оказываются в предгорьях Копетдага. К началу XVIII в. текинцы проживали уже в окрестностях Дуруна и Нисы. Второй крупный поток переселения текинцев в южные районы Туркменистана произошел после смерти Надир-шаха (правитель Персии в 1736–1747 гг.). Альтернативный путь, по которому текинцы оказались в Южном Туркменистане, пролегал также вдоль реки Амударья [Атдаев, 2010, с. 21]. Согласно хивинским хроникам, появление текинцев в Мерве отмечено началом XIX в. [Мунис, 1938, с. 379]. Народные предания говорят о пребывании текинцев на берегах Мургаба в конце XVIII в. [Аннанепесов, 1972, с. 49]. Об этом же имеются сообщения у М. Алиханова-Аварского [Алиханов-Аварский, 1904, с. 80].

Методы

Историко-сравнительный метод, принятый нами в качестве исследования, позволяет сопоставить информацию источников XIX в., правильно оценить их и реально взглянуть на события и факты, сыгравшие ключевую роль в прошлом туркменского народа. Синхронный метод дал возможность объективно оценить характер выборности ханов и правильно описать роль советов-маслахатов, присущие всем племенам туркменского народа.

Результаты и обсуждение

Для действенного понимания исследуемой темы рассмотрим особенности выборности ханов у туркмен. В работах туркменского исследователя Г. И. Карпова мы находим описание маслахата, решавшего вопрос обороны Ахала от российского экспедиционного корпуса. Здесь говорится, что уважаемые аксакалы, ханы, ишаны и муллы сидели кругом и высказывались поочередно. Интересной деталью этого совета было то, что он проходил ночью, под ярким светом луны [Карпов, 1939, с. 15]. Это обстоятельство объяснимо. В холодные и прохладные времена года подобные собрания обычно проходили днем. Однако когда стояли жаркие дни, целесообразно было организовать такие сборища ночью, при ясной луне, в прохладе и тишине.

Согласно ранговому положению, ханы были аульные, племенные и общеплеменные. Должность хана не была наследственной. Хан избирался на определенный срок из числа деловых и проявивших себя в деле храбрых людей. Если хан не справлялся со своими обязанностями, он тотчас же отстранялся от должности [Язлыев, 1992, с. 188–189]. Совет старейшин — маслахат являлся высшим законодательным органом туркменского общества. Среди старейшин наибольшую роль играли представители крупных и сильных родов.

Голосование проходило путем поднятия пальца, где побеждал тот род, у кого больше было пальцев [Ботяков, 2007, с. 137]. Описав вкратце выборность ханов путем проведения маслахатов, приступим к непосредственному перечню поочередного правления мервских ханов и временного управления племени главами четырех текинских колен.

Мухаммед-Нияз-тархан

Согласно некоторым сведениям, текинцы появились на берегах Мургаба в конце XVIII в. [Аннанепесов, 1972, с. 49; Алиханов-Аварский, 1904, с. 80]. Первое задокументированное появление текинцев в Мерве отмечено началом XIX в. Хивинский хронист Мунис сообщает нам, что глава мервских теке Мухаммед-Нияз-тархан в 1807 г. переселяет всё прежнее население из Мерва в Мешхед. Затем он подчиняет себе Мерв, объединив вокруг себя племя багшы. Далее указывается, что в середине месяца Рамазан он посылает в сторону Хивы отряд, состоящий из джигитов колена гараахмет, который 17 числа подошел к окраине Курука, одного из селений Хазараспа [Мунис, 1938, с. 379]. В 1816 г. мервские теке вновь отправляют отряд вдоль Амударьи, который угоняет скот в районе Садвара, близ Дарган-Ата [Мунис, 1938, с. 396].

Предполагается, что к началу XIX в. в Мерв переселилась вся утамышская половина племени теке [Аннанепесов, 1972, с. 45]. Однако нельзя исключать того, что под племенем *багшы* мог пониматься род топаз, входивший в родовое объединение учруг. К примеру, А. А. Семенов, описывая мервского правителя Гаджар-хана, пишет, что хан был из колена «Отамыш, рода Багши-Топаз» [Семенов, 1909, с. 80]. В рапорте начальника Закаспийской области от 19 января 1882 г. Гаджар-хан указан как выборный глава колена Сычмаз [Присоединение Туркмении, 1960, с. 619]. В этом же контексте интересна личность Мухаммед-Нияз-тархана. С одной стороны, должностью тархана наделялись лица, освобожденные от подати или другой повинности за определенную услугу перед государями. Обычно титул тархана выдавался со стороны хивинского хана. С другой стороны, у текинцев существовало близкородственное объединение-ковум — *тархан/тарханлар*, которое входило в состав упомянутого выше рода топаз [Атаниязов, 1988, с. 111].

Ораз Яглы-хан

Второй личностью, с кем была связана власть в Мерве, считается Ораз Яглы-хан. Его предшественником был Мопак-сердар из рода перренг, родового объединения учруг. Это была та часть текинцев, которая в 1770-х гг. ушла из Хивы и поселилась в низовьях Мургаба. В 1780-х гг. они перебираются на берега Теджена. Однако притеснения персидских правителей заставляют текинцев оставить Теджен и в 1810 г., во главе с Ораз Яглы-ханом, вновь вернуться к низовьям Мургаба. Остаться там им долго не пришлось, т. к. под давлением, теперь уже хивинцев, текинцы, покинув Мерв, в 1824 г. вторично появляются на берегах Теджена. Здесь они восстанавливают оросительную сеть и плотину Гаррибент. Во главе текинцев стоит Ораз Яглы-хан из рода гараахмет, родового объединения учруг. Прибывшие возводят на правом берегу реки Теджен крепость Ораз-гала. В сочинениях хивинского историка Агехи при описании похода Алла-Кули-хана в Хорасан в 1826–1827 гг. сообщается о том, что по прибытии в Серахс к нему прибыли предводители теке Теджена. Среди них был и Ораз Яглы-сердар [Агехи, 1938а, с. 438].

В 1833 г. персидский принц Аббас-Мирза осуществляет поход на Теджен, и текинцам приходится возвратиться к низовьям Мургаба, в местечко Гара-яб [Аннанепесов, 1972, с. 47]. По данным Агехи, текинцы возвращаются в Мерв чуть раньше. Он пишет, что шахзаде Рахман-куль-тёре организывает военную кампанию на Хорасан и в марте 1828 г. прибывает в Мервскую область. Отсюда он отправил к знатым лицам мервских теке — Ораз Яглы, Чаар Яклы-баю (возможно, Яглы-бай. — С. А.) и Баба-баю — свой ярлык о повинности [Агехи, 1938а, с. 448]. По данным русского военного инженера и дипломата П. М. Лессара, Ораз-хан одно время был «ханом всего Мерва» (выделено нами. — С. А.) [Лессар, 1883, с. 63]. А. Н. Маслов, опираясь на данные Лессара, также вторит, что Ораз-хан некогда управлял в Мерве [Маслов, 1885, с. 394].

В 1840 г. часть этих текинцев возвращается к Теджену, а оттуда, с разрешения персидских властей, поселяется в Серахс. По сообщению Агехи, в 1843 г. Мухаммед Эмин-инак сделал привал в местности Гызыл-джар на берегу р. Теджен. Им навстречу прибыла делегация текинцев Серахса во главе с Ходжам-Шукурром и Ораз Яглы-ханом [Агехи, 1938б, с. 488].

Туркменские источники пишут, что Ораз-хан, покинув крепость Ораз-гала, привел текинцев из Атека в Серахс [Абду-с-Саттар казы, 1904, с. 0128]. Ораз-хан неоднократно бывал в Мешхеде и поддерживал мирные отношения с наместниками Хорасана. К тому времени Ораз Яглы-хан уже постарел. В 1853 г. текинцы Серахса создали совет — маслахат, где ханом был избран Говшут-хан. Передав власть Говшут-хану, Ораз-хан становится во главе колена утамыш [Присоединение Туркмении, 1960, с. 626]. В 1858 г. текинцам удаётся вновь, и уже окончательно, переселиться в Мерв.

Классик туркменской литературы Маметвели Кемине (1770–1840 гг.) посвятил Ораз-хану стихотворение «Оразым». Отцом Ораз-хана являлся Аннагулы Яглы-хан, который также имел прозвище-лакам *яглы*, означающее принадлежность к близкородственному объединению-ковум — *яглы*, рода гараахмет [Атаниязов, 1988, с. 140]. Сыновья Ораз-хана Сахат-Нияз-хан, Берды-Нияз-хан, Аман-Нияз-хан, а также внук Майлы-хан попеременно стояли то во главе большого колена — утамыш, то малого колена — сычмаз. По некоторым данным, последним ханом из рода гараахмет был Тёре-хан. В 1906 г. А. Самойловичем были записаны «Мервские воспоминания», где приводится рассказ утамышского старика Тёре-бая, отца Топы-бая, в усадьбе Мамед Оразова. Вполне возможно, что рассказчик Тёре-бай и был тем самым Тёре-ханом, т. к. он очень детально описывал Серахское сражение 1855 г., ярко восхваляя его участников — Сахат-Нияз-хана и Берды-Нияз-хана из рода гараахмет [Самойлович, 1909, с. 79].

Говшут-хан, 1858–1878 гг.

Следующим в перечне текинских правителей Мерва следует считать Говшут-хана (1823–1878) из колена тогтамыш. Как было указано выше, на состоявшемся в Серахсе в 1853 г. совете он избирается новым ханом теке. После переселения текинцев в Мерв он становится управителем всего региона.

По словам современников, Говшут-хан отличался практичным умом и храбростью, обладал даром полководца и дипломата. Незаурядные организаторские способности

и талант лидера помогли ему разбить хивинские войска под Серахсом в 1855 г., а позже отбить гаджарское нашествие на Мерв в 1861 г. Для соблюдения порядка в обществе Говшут-хан содержал корпус из 2 000 нукеров, которые получали определенную плату за службу [Marvin, 1883, с. 183]. Его предки обладали титулом хана в шести поколениях [Абду-с-Саттар Казы, 1914, с. 0125].

Говшут-хану принадлежит заслуга строительства крепости Говшут-хан-гала в Мерве. Крупный по размерам бастион возводился в несколько этапов. В его постройке участвовали все четыре текинских колена, каждому из которых было отведено обустройство одной из стен. По протяженности и профилю этот бастион был значительно крупнее ахалского бастиона Гёк-тепе [Чарыков, 1914, с. 504]. Внутри крепости было возведено несколько юрт, а также ряд зданий из сырцового кирпича, среди которых был и дом самого Говшут-хана [Stewarts, 1881, с. 532]. Возведение этого укрепления (тогда оно называлось просто — Мервская крепость) началось накануне вторжения персидской армии в 1861 г. [O'Donovan, 1883, с. 143]. К началу боевых действий бастион находился в зачаточном состоянии [Stewarts, 1881, с. 531]. Работы возобновились в 1868 г., сразу после завоевания царской Россией Бухары. Решив оказать помощь бухарцам, Говшут-хан даже переправляется с конным отрядом через Амударью, однако не успевает и возвращается обратно. Строительство крепости возобновляется в 1873 г. после падения Хивы. Тогда усиленно велись слухи о возможном походе российских войск на Мерв, однако похода не последовало и работы были приостановлены. В 1880–1881 гг., во время осады российскими войсками крепости Гёк-Тепе, работы по укреплению бастиона в Мерве продолжились, но вскоре остановились, т. к. российские войска в тот год на Мерв не пошли [Marvin, 1883, с. 193]. Ко времени нахождения Донована в Мерве, т. е. в 1881 г., Говшут-хан-гала напоминала огромную мощную крепость [O'Donovan, 1883, с. 143–144].

Известно, что Говшут-хан был организатором местных центров обучения — медресе и строительства плотины Говшут-бенд на Мургабе [Marvin, 1883, с. 200]. Умер Говшут-хан в 1878 г. и похоронен на кладбище Ходжа Абдулла.

Нурберды-хан, 1878–1879 гг.

Нурберды-хан (1826–1880) являлся предводителем ахалских текинцев. Родился в ауле Мехин и принадлежал к колену векиль. Согласно родословной Нурберды-хана, его предки обладали ханскими титулами в семи поколениях [Абду-с-Саттар Казы, 1914, с. 0117]. Он отличался исключительной храбростью, природным умом, боевым и политическим опытом. При переселении текинцев из Серахса в Мерв в 1858 г. Нурберды-хан оказал им определенную помощь, за что получил надел, а вскоре женился на Гюль-Джемал, будущей управительнице Мерва.

О том, что Нурберды-хан временами жил в Мерве, нам говорят российские материалы. Прожив в Мерве два года, Нурберды-хан в 1860 г. возвращается в Ахал. Каждые два-три года он попеременно жил то в Ахале, то в Мерве. На время его отсутствия в Ахале ханом утверждался его старший сын Берды-Мурад-хан [Гродеков, 1883, т. 1, с. 70]. Известно, что в 1877 г. Берды-Мурад-хан посылает письмо своему отцу Нурберды-хану

в Мерв [Гродеков, 1883, т. 1, с. 77]. В 1878 г. Нурберды-хан появляется в Ахале, а в конце того же года вновь уезжает в Мерв. В 1880 г. Нурберды-хан окончательно возвращается из Мерва в Ахал, где встречается с Дыкма-сердаром и Сопы-ханом [Гродеков, 1883, т. 2, с. 200].

О пребывании Нурберды-хана в Мерве нам сообщают также хивинские хроники. Согласно этим документам, в 1867 г. в Мерв был отправлен представитель ханства Нияз-Мухаммед-юзбаши. Ему была выдана определенная сумма на подарки для Нурберды-хана. В перечне даров упомянуты: конь, три пистолета, красный халат из верблюжьей шерсти — чекмен, пояс и нож с рукояткой из рога носорога [Брегель, 1961, с. 316]. В тетради расходов за 1873 г. указывается, что Нурберды-хану был послан один халат (чапан) и один суконный чекмен с поясом [Брегель, 1961, с. 324]. В 1872 г. хивинской канцелярией была выдана сумма на проживание (конук) 12 текинцам во главе с одним из сыновей Нурберды-хана [Брегель, 1961, с. 321]. Сообщается, что в том же году в ханство прибыла другая текинская делегация из Мерва, среди которых был брат Нурберды-хана [Брегель, 1961, с. 322]. По всей видимости, это был Ораз-Мурад Гараджа-хан. В тех же документах говорится, что Ораз-Мурад из колена векиль, рода гараджа получил от хана звание инака [Брегель, 1961, с. 341]. В «Книге рассказов о битвах текинцев» Ораз-Мурад гараджа назван «беком векилей» [Абду-с-Саггар, 1914, с. 0107–0108].

Как было отмечено выше, в отсутствие Нурберды-хана правление в Ахале осуществлял его сын Берды-Мурад-хан. Архивные данные говорят нам, что в 1875 г. он был у власти [Присоединение, 1960, с. 191]. А в документах 1875–1876 гг. уже сообщается, что Нурберды-хан вернулся в Ахал и управляет им [Куропаткин, 1879, с. 49]. В рапорте начальника Закаспийского военного отдела от 22 июня 1875 г. имеется сообщение о возвращении Нурберды-хана из Мерва в Ахал. С ним прибыл проживавший ранее в Мерве Худайберды-хан, его брат, который теперь избран ханом в Бяш-кала [Присоединение, 1960, с. 187].

В 1878 г., после смерти Говшут-хана, правителем Мерва избирается Нурберды-хан [Гродеков, 1883, т. 1, с. 70]. Современники отмечали, что Нурберды-хан пользовался огромной популярностью, хотя и не обладал железной волей, присущей его предшественнику [Marvin, 1883, с. 183]. Алиханов-Аварский дополняет, что Нурберды-хан был приглашен в Мерв не всем народом и был он «не менее популярен, чем Говшут-хан, но далеко не столь энергичный» [Алиханов, 1883, с. 15–16]. Умер Нурберды-хан в начале 1880 г. [Алиханов, 1883, с. 16] и похоронен близ села Ханкяриз, на кладбище Сейитмурад-ишана.

В свои последние годы Нурберды-хан сильно болел, и управлять в Мерве ему стало сложно. На какое-то время власть в Мерве перешла к четверем ханам. По сообщению капитана А. Быкова, в 1879 г. Нурберды-хан управляет коленом векиль, во главе колена сычмаз стоял Аман-Нияз-хан, сын Ораз-хана, у багши — Анна-Яр-хан и у колена бег — Беркели-хан, сын Утак-бая. А. Быков отмечает, что Беркели-хан был весьма молодым, тогда как остальные три хана были людьми уже пожилого возраста [Быков, 1879, с. 4]. Известно, что Беркели-хан умер в 1880 г. Тогда мервцы отправили в Ахал на помощь своим соплеменникам передовой отряд в 800 текинских и 150 сарыкских конников, под предводительством Беркели-хана [Гродеков, 1883, т. 2, с. 145–146].

Гаджар-хан, 1880–1881 гг.

По данным Марвина, после смерти Нурберды-хана в начале 1880 г. управлять в Мерве пытались Гаджар-хан (1821–1885), из рода топаз родового объединения учрут, и Баба-хан, сын Говшут-хана. Они попеременно сменяли друг друга, но дело никак не ладилось [Marvin, 1883, с. 183]. По сообщению же Донована, власть в Мерве на тот момент была сосредоточена в руках Баба-хана и Аман-Нияз-хана из рода гараахмет, родового объединения учрут [O'Donovan, 1883, с. 211]. По данным Алиханова-Аварского, после Нурберды-хана в Мерве возникли разногласия и власть через каждые несколько месяцев последовательно переходила к Баба-хану, Каджар-хану, вновь к Баба-хану и затем к Халлы-хану [Алиханов-Аварский, 1883, с. 16].

В 1880 г. был созван совет, на котором было предложено избрать ихтияром, т. е. правителем Мерва Гаджар-хана. По словам Донована, это был человек, ярко проявивший себя в ратных сражениях — *батыр адам* [O'Donovan, 1883, с. 211]. О том, что Гаджар-хан стал управителем всего Мерва в 1880 г., сообщает Н. В. Чарыков, говоря, что это был «пожилой туркмен высокого роста, с энергичным лицом, честолюбивый, богатый и храбрый» [Чарыков, 1914, с. 507]. Изображения печатей ханов и старшин Мерва можно увидеть на рис. 1.

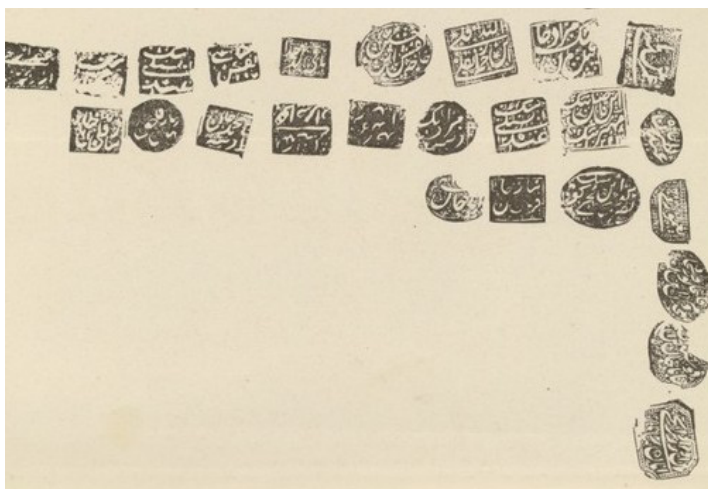

Рис. 1. Печати ханов и старшин Мерва [O'Donovan, 1883]

Fig. 1. Merv khans' and foremen's stamps [O'Donovan, 1883]

Гаджар-хан упомянут во время второй Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., когда российские войска подошли к крепости Гёк-Тепе. Он прибыл на помощь ахальским туркменам 21 декабря 1880 г., приведя с собою 2 000 джигитов. В ночь на 4 января 1881 г. в Гёк-тепе прибыла новая группа поддержки из Мерва, в составе 3 000 человек [O'Donovan, 1883, с. 206]. 4 января была произведена очередная ночная вылазка, однако она прошла с большими потерями. Только мервцы недосчитались 200–300 человек, и вместе с жителями Гяурса и Асхабада удалились. Однако сам Гаджар-хан со своей

частью мервцев остался защищать крепость Гёк–Тепе [Абаза, 1902, с. 294]. После падения крепости 12 января 1881 г. Гаджар-хан вместе с другими жителями Ахала двинулся к Мерву. По прибытии в оазис он получает письмо от М. Д. Скобелева, в котором генерал обращался к жителям Мерва о сдаче. Однако это письмо Гаджар-хан разорвал [Алиханов-Аварский, 1904, с. 99].

Гаджар-хан активно управлял Мервом и продолжил строительство крепости Говшут-хан-гала [O'Donovan, 1883, с. 143, 149, 161]. Однако в трудной ситуации, сложившейся в Мерве, ему пришлось сложить ханские полномочия, сохранив свое влияние в родовом колене сычмаз. В рапорте начальника Закаспийской области от 19 января 1882 г. Гаджар-хан указан уже как выборный глава колена Сычмаз [Присоединение Туркмении, 1960, с. 619]. В 1883 г. Махтум-Кули-хан покидает Мерв и отправляется с туркменской делегацией ко двору Александра III. Это событие вызвало недовольство среди местного населения, и тогда «весь мервский народ собрался и выбрал в ханы Гаджар-Топаз и сына Балкары-хана» [Тихомиров, 1960, с. 129].

1 января 1884 г. в Мерве на общем народном собрании — генеше было принято решение о принятии российского подданства. Однако Гаджар-хан выступил против [Прасалов, 1910, с. 12]. Ему удалось собрать четырехтысячное ополчение. За поимку хана даже объявили награду в 1 000 руб. [Алиханов-Аварский, 1904, с. 454]. 28 февраля отряд генерала Комарова достиг местности Гариб-Ата, а на следующий день в селении Абдал-Топаз столкнулся с джигитами Гаджар-хана и разбил их [Алиханов-Аварский, 1904, с. 453]. 3 марта Гаджар-хан предпринимает вторую попытку близ Говшут-хан-кала, но вновь терпит неудачу. 6 марта он был схвачен, а 28 марта отправлен в Асхабадскую тюрьму. Отсюда Гаджар-хан был этапирован в Калужскую губернию. По прибытию на место ссылки в Тарус 8 сентября 1885 г. Гаджар-хан умирает [Семенов, 1909, с. 121].

Ханы четырех текинских колен, 1881–1884 гг.

Вскоре в Мерве наступает пора, когда управление ведется четырьмя ханами. Каждое колено выбирало своего представителя: в ноябре месяце 1881 г. колено векиль избрало Махтум-Кули-хана; беги — Кара-Кули хана; в феврале 1882 г. багшы и сычмаз — Майлы-хана, советником у которого был Сары-хан из колена багшы [Marvin, 1883, с. 184–185]. Хотя в начале 1882 г. положение было иным, т. к. в рапорте начальника закаспийской области от 19 января 1882 г. говорится, что племя багши-дашяк избирает себе в ханы Ораз-Мухаммед-хана, племя сычмаз — Гаджар-хана, племя векиль — Махтумкули-хана, и племя бек намеревалось выбрать сына Беркели-хана [Присоединение Туркмении, 1960, с. 619].

Положение было очень сложным, что сказывалось на судьбе ханов. В качестве примера рассмотрим участь Майлы-хана, полное имя которого — Ораз-Нияз-Майлы-хан (1862–1896). Он был сыном Берды-Нияз-хана и внуком Ораз Яглы-хана. Архивные документы говорят нам, что летом 1881 г. в Ашхабад прибыла мервская делегация, где Майлы-хан представлял колено утамыш [Семенов, 1909, с. 53]. По сведениям М. Алиханова-Аварского, в феврале 1882 г. Майлы-хан был повторно переизбран ханом утамышей [Алиханов-Аварский, 1883, с. 16]. Согласно заметкам П. Лессара, в начале 1882 г. утамыш

выбрали себе «главою Майлы, внука Ораза (бывшего ханом над всем Мервом), сына Берды-Нияза и племянника Аман-Нияза, двух последних ханов утамышей» [Лессар, 1883, с. 63]. Из донесения начальнику штаба Закаспийской области об отношении мервцев к русскому торговому каравану от 19 февраля 1882 г. следует, что Майлы-хан был недавно выбран в ханы над родами багши и сычмаз, т. е. надо всеми утамышами [Присоединение Туркмении, 1960, с. 626]. Полковник Аминов в донесении начальника штаба Закаспийской области начальнику области об обстановке в Мерве от 23 февраля 1882 г. сообщает, что утамышы, т. е. сычмаз и дашаяк, выбрали сообща Майлы-хана, который набирает себе стражу [Присоединение Туркмении, 1960, с. 629]. П. М. Лессар отмечает, что Майлы-хан имел в своем распоряжении полицейскую стражу в количестве 100–150 нукеров, состоящих на жаловании народа [Лессар, 1883, с. 16]. Об избрании Майлы-хана главою колена утамыш сообщает также Ч. Марвин [Marvin, 1883, с. 184–185]. В октябре 1882 г. на собрании утамышцев ханом племени сычмаз повторно был избран Майлы-хан, а ханом багши — Сары-батыр [Лессар, 1883, с. 65–68]. В январе 1883 г. ханом двух отделений сычмаз и багши вновь был избран Майлы-хан.

1 января 1884 г. состоялся большой совет — генгеш мервских теке. Затем в Ашхабад для переговоров с закаспийскими властями направлены были четыре хана и 23 старейшины-кедхуды. 25 января 1884 г. эта группа прибыла в Ашхабад. В ее составе также был Майлы-хан и представлял колено сычмаз, Сары-батыр — багши, Мурад-хан — бег и Юсуп-хан — векиль [Присоединение Туркмении, 1960, с. 689].

Гюльджемал-хан, 1884...

Россия в вопросах присоединения мервского оазиса ориентировалась на родственников Нурберды-хана — его сына Махтумкули-хана и его супругу Гюльджемал-хан (1836–1825). Источники сообщают, что Махтумкули-хан считался в Мерве главным лицом и на всех собраниях занимал почетное место [Присоединение, 1960, с. 629]. Хан пользовался громадным влиянием среди местных племен [Семенов, 1909, с. 48]. Россия в делах присоединения Мерва делала ставку именно на Махтумкули-хана [Почкаев, 2021, с. 175].

Особым почетом пользовалась и Гюльджемал-хан. Она принадлежала к роду бег, происходила из знатного рода и являлась близкой родственницей Говшут-хана [O'Donovan, 1883, с. 206]. 1 января 1884 г. в Мерве был созван большой совет — генгеш, на котором решался вопрос о присоединении оазиса к Российской империи. По воспоминанию М. Алиханова-Аварского, на генгеш собралось более трехсот представителей, которых следовало принять и содержать в достатке. Тогда М. Алиханов-Аварский обратился за помощью к Гюльджемал-хан. Она приняла это предложение и организовала встречу на самом высоком уровне [Алиханов-Аварский, 1904, с. 112]. По этому случаю ханше был выдан подарок ценностью в 1 500 руб. из кабинета его императорского величества [Присоединение, 1960, с. 705].

Гюльджемал-хан в составе туркменской делегации посетила Петербург в 1909 г., в честь торжества по случаю 25-летия присоединения Мерва к России. Ей были преподнесены высочайшие награды: два массивных золотых браслета с драгоценными камнями,

золотой пояс и соболий халат, крытый золотой парчой. Кроме того, она получила пожизненную пенсию в 2 000 руб. ежегодно [Тихомиров, 1960, с. 160]. Гюльджемал-хан обладала определенной харизмой. Ее голос имел большое значение, к ее советам прислушивались все роды мервцев [Семенов, 1909, с. 48].

В рукописях корнета Ю. К. Мейера говорится, что внук ханши и сын Юсуп-хана был офицером пограничной стражи [Мейер, 1995, с. 579]. А. Самойлович, анализируя произведения туркменского поэта Кёр-Молла, упоминает о некоем Гарри-хане сыне Юсуп-хана [Самойлович, 1904, с. 220].

Заключение

Из приведенных выше примеров мы видим, что XIX в. был сложным периодом в жизни туркмен. В это трудное время на исторической арене появляются незаурядные личности, способные защитить народ и сплотить его вокруг себя. В одни периоды во главе народа могла стоять одна личность, к примеру Говшут-хан, который своей харизмой и твердостью вселял уверенность в своих соплеменников. В иные времена, когда сложно было достичь единого руководства, народом управляли четыре хана, от каждого колена племени теке. Это данность, которую следует принять, т. к. она ярко характеризует сложности прошлого туркменского народа и показывает, как и каким путем решались вопросы управления и принятия общего решения.

Мы попытались воссоздать хронологическую картину, когда одни ханы сменялись другими, когда единовластие заменялось коллективным управлением. Отсутствие до сих пор единой хронологической линии, характеризующей последовательность ханского управления, порождает досадную путаницу у исследователей туркменской истории. Это несогласие, в свою очередь, ведет к появлению ошибочного восприятия явлений и исторических событий. Проведенный нами временной экскурс по короткому, но насыщенному событиями XIX в. выявил образ ярких личностей и их неизмеримый вклад в богатое прошлое туркменского народа.

Список источников

- Абаза К. К. 1902. Завоевание Туркестана: рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 311 с.
- Абду-с-Сагтар Казы. 1914. Книга рассказов о битвах текинцев: туркменская историческая поэма XIX века. СПб.: Императорская АН. 82 с.
- Агехи. 1938а. Извлечения из «Рияз-уд-довле» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 427–476.
- Агехи. 1938б. Извлечения из «Зубдет-ут-таварихе» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 477–500.
- Алиханов-Аварский М. 1883. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб. 108 с.
- Алиханов-Аварский М. 1904. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // Вестник Европы. СПб. № 9. С. 73–125.
- Аннанпесов М. 1972. Хозяйство туркмен в 18–19 вв. Ашхабад: Ылым. 284 с.

- Атаниязов С. 1988. Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад: Ылым. 180 с.
- Атадаев С. 2010. Туркмены Хивинского ханства в XVIII в. Казань: Российский гуманитарный научный фонд. 129 с.
- Ботяков Ю. М. 2007. К вопросу о традиционной политической культуре (XIX–XX вв.) // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. Том 2. Политическая культура и политические процессы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. С. 135–153.
- Брегель Ю. Э. 1961. Хорезмские туркмены в XIX в. М.: Изд-во Вост. лит. 442 с.
- Быков А. 1879. Теке-Мерва. Ташкент. <http://www.ts.manas.edu.kg> (дата обращения: 09.01.2023).
- Гродеков Н. И. 1883. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг.: в 4 т. СПб.: Тип. В. Балашова.
- Карпов Г. И. 1939. О туркменских ханах, сардарах, аксакалах, миражах, джарчи и др. у теке Ахала. Ашхабад. 105 с. [Рукопись].
- Куропаткин А. 1879. Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В. А. Полетики. 57 с.
- Лессар П. М. 1883. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 года // СМА. Вып. VI. СПб. С. 62–82.
- Маслов А. 1885. Россия в Средней Азии. (Очерк наших новейших приобретений) // Исторический вестник. № 5. С. 372–423.
- Мейер Ю. К. 1995. Записки последнего кирасира / публ. [и вступ. ст.] А. В. Шахова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. С. 547–636. <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra6/ra6-547-.htm> (дата обращения: 15.03.2023).
- Мунис. 1938. Фирдаус-уль-Икбаль // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 355–426.
- Почекаев Р. Ю. Туркмены Ахал-Теке и Мерва в контексте отношений пограничных администраций Российской империи (1870–1880-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 171–179. <https://doi.org/10.17223/15617793/470/20>
- Прасалов В. 1910. Мургабский поход 1885 г. завершившийся боем с авганцами на Кушке 18 марта. СПб.: Военная типография. 168 с.
- Присоединение Туркмении к России. 1960. (Сборник архивных документов). Ашхабад: [Б. м.]. 824 с.
- Самойлович А. 1907. Туркменский поэт-босяк Кёр-Молла, и его песня о русских // Живая Старина. Вып. 4. СПб.: Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко). С. 215–223.
- Самойлович А. 1909. Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания // Живая Старина. Вып. 4. СПб.: Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко). С. 78–85.
- Семенов А. А. 1909. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 г.г.). По архивным данным. Ташкент: (отд. отт. из Туркестанских ведомостей. № 83–184). 122 с.
- Скобелев М. Д. 1873. От Змукшира до кол. Орта-кую. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавк. 18 с.
- Тихомиров М. Н. 1960. Присоединение Мерва к России. М.: Восточная литература. 240 с.
- Чарыков Н. В. 1914. Мирное завоевание Мерва. (Из воспоминаний о походе генерала А. В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. № 11. С. 486–518.

- Яблонский А. Т. 1986. К этногенезу населения Северной Туркмении (могилиник раннесакского времени Сакар-Чага 3) // Советская этнография. № 5. Сентябрь-октябрь. С. 45–55.
- Язлыев Ч. 1992. Туркменская сельская община. Ашхабад: Ылым. 300 с.
- Marvin C. 1883. *The Russians at Merv and Herat, and Their Power of Invading India*. London. 470 pp.
- O'Donovan E. 1883. *The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily News'*. Vol. II. New York: G. P. Putnam's Sons. 500 pp.
- Stewarts C. E. 1881. *The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers* // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series*. Vol. 3. No. 9. (Sep.). Pp. 513–546.

References

- Abaza, K. K. (1902). *The Conquest of Turkestan: Stories from Military History, Essays on the Nature, Life, and Customs of the Natives in a Public Presentation*. Tip. M. M. Stasyulevicha. [In Russian]
- Abdu-s-Sattar Kazy. (1914). *Book of Stories about the Battles of the Tekins: Turkmen Historical Poem of the 19th c.* Imperatorskaya Akademiya nauk. [In Russian]
- Ogahi. (1938a). Extracts from “Riyaz-ud-dovle.” In *Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan* (Vol. 2, pp. 427–476). Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. [In Russian]
- Ogahi. (1938b). Extracts from “Zubdet-ut-tavarihe.” In *Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan* (Vol. 2, pp. 477–500). Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. [In Russian]
- Alikhanov-Avarsky, M. (1883). *Merv Oasis and Roads Leading to It*. [In Russian]
- Alikhanov-Avarsky, M. (1904). Transcaspian memories. 1881–1885. *Bulletin of Europe*, (9), 73–125. [In Russian]
- Annapesov, M. (1972). *Economy of Turkmens in 18–19th c.* Ylym. [In Russian]
- Ataniyazov, S. (1988). *Dictionary of Turkmen Ethnonyms*. Ylym. [In Russian]
- Atdaev, S. (2010). *Turkmens of the Khiva Khanate in the 18th c.* Russian Humanitarian Science Foundation. [In Russian]
- Botyakov, Yu. M. (2007). On the question of traditional political culture (19th–20th c.). In V. V. Bocharov (Ed.), *Anthropology of Power. Reader on Political Anthropology in 2 vols. Vol. 2. Political Culture and Political Processes* (pp. 135–153). Publishing House of St. Petersburg University. [In Russian]
- Bregel, Yu. E. (1961). *Khorezm Turkmens in the 19th c.* Izdatelstvo Vostochnoy literatury. [In Russian]
- Bykov, A. (1879). *Teke-Merva*. Retrieved Jan. 1, 2023, from <http://www.ts.manas.edu.kg> [In Russian]
- Grodekov, N. I. (1883). *War in Turkmenistan. Skobelev's Campaign in 1880–1881. In 4 vols.* Typ. V. Balashova. [In Russian]
- Karpov, G. I. (1939). *About the Turkmen Khans, Sardars, Aksakals, Mirages, Jarchs, and Others near Akhal Teke*. (Manuscript) [In Russian]
- Kuropatkin, A. (1879). *Turkmenistan and Turkmens*. Tip. V. A. Poletiki. [In Russian]
- Lessar, P. M. (1883). Merv khans. The position of Merv and Atek at the end of 1882. *CMA*, (6), 62–82. [In Russian]
- Maslov, A. (1885). Russia in Central Asia (Essay on our latest acquisitions). *Historical Bulletin*, (5), 372–423. [In Russian]

- Meyer, Yu. K. (1995). Notes of the Last Cuirassier (A. V. Shakhov, Publisher, Foreword). In *Russian Archive: History of the Motherland in Evidence and Documents of the 18th–20th c.* (pp. 547–636). Studiya TRITE: Rossiyskiy Arkhiv. Retrieved Mar. 15, 2024, from <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra6/ra6-547-.htm> [In Russian]
- Muniz. (1938). Firdaus-ul-Iqbal. In *Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan*. Vol. 2. (pp. 355–426). Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. [In Russian]
- Pochekaev, R. Yu. (2021). Turkmens of Akhal-Teke and Merv in the context of relations between the border administrations of the Russian Empire (1870s–1880s). *Tomsk State University Bulletin*, (470), 171–179. <https://doi.org/10.17223/15617793/470/20> [In Russian]
- Prasalov, V. (1910). *The Murgab Campaign of 1885 Ended in a Battle with the Afghans on Kushka on March 18*. Voennaya tipografiya. [In Russian]
- Accession of Turkmenistan to Russia*. (1960). (collection of archival documents). [In Russian]
- Samoilovich, A. (1907). Turkmen tramp poet Kör-Molla, and his song about Russians. In *Zhivaya Starina* (Vol. 4, pp. 215–223). Tip. M. P. S. (T-va I. N. Kushnerev i Ko.). [In Russian]
- Samoilovich, A. (1909). From the Turkmen antiquity. II. Merv memories. In *Living Antiquity* (Vol. 4, pp. 78–85). Tip. M. P. S. (T-va I. N. Kushnerev i Ko.). [In Russian]
- Semenov, A. A. (1909). *Essays from the History of the Annexation of Free Turkmenistan (1881–1885). According to the Archival Data*. (separate report from *Turkestanskije Vedomosti*, (83–184)). [In Russian]
- Skobelev, M. D. (1873). *From Zmukshir to Kol. Orta-kuyu*. Tip. Gl. upr. namestnika Kavkaza. [In Russian]
- Tikhomirov, M. N. (1960). *Accession of Merv to Russia*. Vostochnaya literatura. [In Russian]
- Charykov, N. V. (1914). Peaceful conquest of Merv. (From the memoirs of the campaign of General A. V. Komarov in 1885). *Historical Bulletin*, (11), 486–518. [In Russian].
- Yablonsky, L. T. (Sept.–Oct. 1986). On the ethnogenesis of the population of Northern Turkmenistan (early Sakar burial ground Sakar-Chaga 3). *Soviet Ethnography*, (5), 45–55. [In Russian].
- Yazlyev, Ch. (1992). *Turkmen Rural Community*. Ylym. [In Russian]
- Marvin, C. (1883). *The Russians at Merv and Herat, and Their Power of Invading India*.
- O'Donovan, E. (1883). *The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily news'*. Vol. II. G. P. Putnam's Sons.
- Stewarts, C. E. (Sept. 1881). The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers. In *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series* (Vol. 3, no. 9, pp. 513–546).

Информация об авторе

Сердар Джумаевич Атадаев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории и археологии АНТ, Ашхабад, Туркменистан
serdar63atdayev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7509-5513>

Information about the author

Serdar J. Atdayev, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Department of Ethnography, Institute of History and Archeology of the AST, Ashgabat, Turkmenistan
serdar63atdayev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7509-5513>

К проблеме сохранения временных революционных памятников Петрограда: по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Елена Олеговна Макарова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: elenamakarovauj@gmail.com

Аннотация. Временные революционные памятники Петрограда, установленные в рамках реализации Ленинского плана монументальной пропаганды, были задуманы как один из методов агитации населения средствами искусства. Однако, спешно созданные из гипса и торжественно открытые, в скором времени объекты стали разрушаться.

Цель статьи — изучить деятельность городских властей в 1923 г. по сохранению памятников-бюстов Л. О. Бланки, Д. Гарибальди, Г. Гейне, А. И. Герцену, Н. А. Добролюбову и Т. Г. Шевченко, установленных в Петрограде.

Исследование основано на материалах дела Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, содержащего сведения о процессе проведения ремонтных работ над указанными в статье временными памятниками. Анализ данных архивных документов дает представление о существовании проблемы сохранения временных памятников, ее масштабах и возможных способах устранения.

В статье публикуются фотографии из фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.

Методология работы базируется на принципах историзма и объективности, используется метод сравнительного анализа.

Исследование показало, что в 1923 г. властями Петрограда были предприняты попытки по спасению указанных коммеморативных знаков. Итогом деятельности было продление на определенный период заведомо непродолжительного срока жизни изучаемых памятников-бюстов. Главной причиной их хрупкости являлся материал исполнения, непригодный для длительного нахождения в городском ландшафте. Проблему усугубляли климатические условия северной столицы. В дальнейшем монументы советской эпохи изготавливались из «постоянного материала».

Ключевые слова: временные памятники, Ленинский план монументальной пропаганды, монументальная скульптура, Петроград, памятники-бюсты, Л. О. Бланки, Д. Гарибальди, Г. Гейне, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко

Благодарности: автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета О. В. Трофимовой за подготовку документа к публикации.

Цитирование: Макарова Е. О. 2024. К проблеме сохранения временных революционных памятников Петрограда: по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 100–115. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-100-115>

Поступила 07.02.2024; одобрена 16.04.2024; принята 13.05.2024

Towards the problem of preserving temporary revolutionary monuments of Petrograd: the case of the Central State Archive of St. Petersburg

Elena O. Makarova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: elenamakarovauj@gmail.com

Abstract. The temporary monuments of Petrograd, installed as part of implementing Lenin's plan, were conceived as one of the methods of propaganda of the population by means of art. However, hastily created from gypsum and inaugurated, the objects soon began to crumble.

Purpose of the article: to study the activity of the city authorities in 1923 to preserve the monuments, namely, the busts of A. Blanqui, G. Garibaldi, H. Heine, A. Herzen, N. Dobrolyubov, T. Shevchenko, installed in Petrograd.

The article is based on the analysis of the file of the Central State Archive of St. Petersburg, which demonstrates the process of repair work on the temporary monuments mentioned in the article. The analysis of these archival documents gives an idea of the existence of the problem of preservation of temporary monuments, its scale and possible ways of its elimination.

The article publishes photographs from the funds of the Central State Archive of Cinema, Photographic, and Phonographic Documents of St. Petersburg.

The methodology of the work is based on the principle of historicism and objectivity, the methods of comparative analysis were used.

The research has shown that in 1923 the Petrograd authorities made attempts to save the mentioned commemorative signs. The result of the activity was the prolongation for a certain period of time of the deliberately short life of the studied monuments — busts. The main reason for the fragility of the objects was the material of construction, which was unsuitable for a long stay in the landscape of the city. The problem was aggravated by the climatic conditions of the northern capital. In the future, the monuments of the Soviet era were made of “permanent material”.

Keywords: temporary monuments, Lenin’s plan of monumental propaganda, monumental sculpture, Petrograd, monuments-busts, A. Blanqui, G. Garibaldi, H. Heine, A. Herzen, N. Dobrolybov, T. Shevchenko

Acknowledgements: the author expresses her gratitude to Dr. Sci. (Philol.), Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies at the University of Tyumen, O. V. Trofimova, for her help in preparing the paper for publication.

Citation: Makarova, E. O. (2024). Towards the problem of preserving temporary revolutionary monuments of Petrograd: the case of the Central State Archive of St. Petersburg. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 100–115. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-100-115>

Received Feb. 7, 2024; Reviewed Apr. 16, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

История изучения временных памятников и источниковая база

История создания временных революционных памятников Петрограда¹ рассмотрена в тематической литературе [Тугендхольд, 1930; Ленин, 1977], энциклопедических изданиях [Баранов и др. 1971, т. 3] и работах ученых советского периода [Гапеева, 1967; Хазанова, 1970; Пунина, Сперанская, 1978]. Однако уже в 1927 г. указывалось на неудачу опыта реализации Ленинского плана монументальной пропаганды (далее — План / Программа) в отношении установки памятников в ландшафте города² [Федоров-Давыдов, 1927, с. 192], а в 1930 г. подчеркивалось, что Программа изначально была обречена на неосуществление³ [Тугендхольд, 1930, с. 68].

В настоящее время изучение процесса реализации Плана продолжается; используются документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории [Шалаева, 2014]. Другие авторы обращаются непосредственно к теме создания, использования объектов [Крусанов, 2003; Котломанов, 2021; Карпова, 2023] и проблеме их сохранения [Кириллова, 2018; Семенцов, Сперанская, 2018]. Часть из них указывает, что материал исполнения — бетон, гипс, дерево, цемент — мог являться причиной недолговечности мемориативных знаков [Семенцов, Сперанская, 2018, с. 41; Карпова, 2023, с. 200], отмечая немаловажную

роль природно⁴-климатических условий⁵, характерных для Петрограда. Следует отметить, что автором не были обнаружены работы, посвященные изучению государственной деятельности по сохранению временных памятников, установленных на территории страны в рамках реализации Плана.

При этом в материалах дела из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб) [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46] указана информация о деятельности властей Петрограда, направленной на сохранение указанных знаков коммеморации. В документе 1923 г. рассмотрены памятники-бюсты Л. О. Бланки, Д. Гарibaldi, Г. Гейне, А. И. Герцену, Н. А. Добролюбову и Т. Г. Шевченко. Временными памятниками Петрограда, посвященными революционным деятелям, они названы в тексте самого архивного документа [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 83].

Важными источниками для изучения темы создания, использования и сохранения временных памятников, возведенных в 1918–1920 гг. на территории Советской России, является периодическая печать [В мастерских, 1918, с. 4; Памятники, 1920, с. 1] и воспоминания очевидцев [Луначарский, 1968; Ленин, 1971; Луначарский, 2019]. В частности, А. В. Луначарский подчеркивал, что указанные объекты были «очень неплохими памятниками», а бюсты А. И. Герцену, Т. Г. Шевченко и др. вполне заслуживали «быть перелитыми в бронзу» [Луначарский, 2019, с. 103, 139].

Ленинский план монументальной пропаганды

Одним из важнейших агитационных средств революции стал Ленинский план монументальной пропаганды, выдвинутый в 1918 г. Целью программы была единовременная установка в обеих столицах⁶ «хотя бы временных памятников» великим людям искусства, науки и политики [Тугендхольд, 1930, с. 67–68]. Для ее реализации «Вождь мировой революции» планировал в видных местах города разместить «выразительные надписи», важнее которых считал «памятники: бюсты или целые фигуры...» [Луначарский, 1968, с. 198]. По мнению А. В. Луначарского, «довольно удачно» План был реализован в Петрограде [Луначарский, 2019, с. 139].

Идея программы развития монументального искусства может быть связана с произведением Т. Кампанеллы «Город солнца» [Луначарский, 1968, с. 197]. В труде итальянского философа, написанном в 1602 г., стены фантастического коммунистического города были украшены фресками, возбуждающими «гражданское чувство» [Кампанелла, 1918]. При этом В. И. Ленин прежде всего делал упор на произведения скульпторов⁷ и поэтов, тем самым адаптируя замысел писателя под климатические условия Советской России [Луначарский, 1968, с. 197–200].

Декрет Совета Народных Комиссаров (далее — СНК) «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 г. [Ленин, 1977, с. 59] предусматривал снятие памятников, возведенных в свое время в честь царей и их слуг, и разработку проектов памятников Российской социалистической революции [Баранов и др., т. 3, с. 412].

Сами же бюсты-эскизы «в размере 1/5 ч натуральной величины» изготавливались из глины. Планировалось, что «Лучшие из бюстов будут отлиты из бронзы, остальные из гипса с цементом» [В мастерских, 1918, с. 4]. Ниже изображен проект временного памятника Д. Гарibaldi, изготовленный в 1918 г. (рис. 1).

Рис. 1. ЦГАКФФД СПб. Гр. 40663. Проект памятника Джузеппе Гарибальди. 1918 г. Петроград. Автор съемки Я. В. Штейнберг

Fig. 1. Central State Archive of Cinema, Photographic, and Phonographic Documents of St. Petersburg. Gr 40663. Project of the monument to Giuseppe Garibaldi. 1918. Petrograd. Photographer Ya. V. Shteinberg

В июле 1918 г. СНК принял Постановление об утверждении списка памятников великим людям [Постановление СНК, 1964, с. 118].

Позже, 2 августа 1918 г., был опубликован «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР»⁸. Стоит отметить, что в перечне не значились Л. О. Бланки и Г. Гейне. Д. Гарибальди и А. И. Герцен отнесены к категории «революционеры и общественные деятели», а Н. А. Добролюбов и Т. Г. Шевченко — «писатели и поэты» [Постановление СНК, 1964, с. 118–119].

Результаты

Изготовленные наскоро и в надежде на пересоздание в будущем [Семенцов, Сперанская, 2018, с. 40–41] «памятники-временки» стали разрушаться по прошествии нескольких лет. Поэтому уже в 1920 г. на страницах периодической печати была указана информация о назначении осмотра всех временных агитационных памятников Петрограда по причине их «ветхого» состояния [Памятники, 1920, с. 1].

Дело «Документы о снятии и установке памятников» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46], на основании которого написана экспериментальная часть статьи, датируется 1923 г. Отправной точкой среди его документов является постановление Президиума Петрогубисполкома (далее — Постановление) от 2 декабря 1922 г., в котором Петрогуботкомхозу⁹ было поручено «снять все временные и пришедшие в полуразрушенное состояние памятники, поставленные в честь революционных деятелей» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 15]. Другим подобным документом является Отношение № 4477 от 23 декабря 1922 г. (далее — Отношение) [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 2].

В январе 1923 г. Заведующий Подотделом Хозяйственных Предприятий Петрогуботкомхоза (далее — Подотдел) М. Л. Миропольский¹⁰ [Весь Петроград, 1923, с. 73], со ссылкой на Отношение, обратился к Председателю Комиссии по Градостроительству Центрального Технического Подотдела Петрогуботкомхоза (далее — Комиссия) В. А. Плансону [Весь Петроград, 1923, с. 73] с просьбой ускорить ответ «по вопросу о уборке временных памятников, пришедших в полуразрушенное состояние» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 2]. В ответном письме от 10 января указано, что представитель Комиссии по Градостроительству Центрального Технического Подотдела Петрогуботкомхоза был командирован в художественный отдел Петросовета¹¹, где Заведующий скульптурной мастерской — художник Троупянский¹² не решился без совета с секцией ИЗО Сорабиса¹³ (далее — Секция) дать ответ [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 14].

На следующий день В. А. Плансон направил в Секцию просьбу «сообщить список тех временных памятников, которые по мнению Секции настолько пострадали, что должны быть снесены» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 31].

15 января заведующий Подотделом адресовал Правлению «Ассобоза»¹⁴ задание «снести и убрать временный памятник Герцена...» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 12].

16 января — с пометкой «Срочно» — М. Л. Миропольский поставил в известность Начальника Петгубмилиции о том, что Постановлением поручено «снять все временные и пришедшие в полуразрушенное состояние памятники, поставленные в честь революционных деятелей», наряду с этим попросил уведомить сотрудников милиции

не чинить «препятствий при производстве Откомхозом указанной работы», а именно довел до сведения, что «временный памятник Герцена...» будет демонтирован 17 января 1923 г. [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 15].

17 февраля М. А. Миропольский направил Заведующим Конторой очистки¹⁵ конкретных районов¹⁶ требование «в недельный срок» сообщить в Подотдел список всех имеющихся временных памятников в честь революционных деятелей в своем районе с указанием адреса и пометкой, в каком состоянии они находятся: удовлетворительном, полуразрушенном или разрушенном [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 29].

В том же месяце Секция (со ссылкой на Отношение от 11 января 1923 г.¹⁷) обратилась в Подотдел с просьбой «дать список всех памятников с их адресами на предмет технического их осмотра...» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 32].

После получения предложения Подотдела выяснить, какие из временных полуразрушенных памятников необходимо снять, Комиссия, со ссылкой на данные Сорабиса, 2 мая 1923 г. сообщила, что «в Петрограде в настоящее время установлены временные памятники следующим лицам: Гарибальди, Бланки, Шевченко, Герцен, Гейне и Добролюбову» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 83]. По получении этих сведений Комиссией были осмотрены упомянутые коммеморативные знаки, после чего оказалось, что у всех перечисленных памятников имелись различные недостатки. В таблице, составленной на основе данных из архивных документов [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 83, 83 об., 86], указаны виды работ, которые необходимо провести для ремонта каждого памятника-бюста, а также значится общая резолюция относительно целесообразности их сохранения (таблица 1). Примечательно, что 50% объектов — временные памятники Л. О. Бланки, Д. Гарибальди и Г. Гейне — рекомендовано было демонтировать по причине «плохого состояния», последний из них, по мнению членов Комиссии, «восстановить совершенно невозможно» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 83, 83 об.].

Другим документом является смета от 11 июня, выставленная Мастерской¹⁸ Подотделу, где были перечислены виды необходимых работ и их стоимость [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 86]. В частности, на фотодокументе с изображением временного памятника Л. О. Бланки¹⁹ [Бюст Л. О.] видны дефекты, указанные в смете о том, что «отломана часть головы» и «необходимо заменить стекло». В основном ремонт бюстов заключался в «исправлении трещин» и «покраске масляной краской», пьедесталы же рекомендовано было «оштукатурить, покрыть клеевой краской и написать буквы» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 86] (таблица 1).

В результате Подотдел выставил наряд Мастерской с перечислением фронта работ: «починка пьедесталов и бюстов, окраска их в первоначальный цвет и, вообще²⁰, реставрация их согласно художественных требований» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 105].

Вероятно, что относительно бюста Г. Гейне вместо проведения ремонтных работ было принято решение о его демонтаже летом 1923 г. [МГС, 2014]. Наряду с этим в смете, выставленной Мастерской Петрогуботкомхозу, среди объектов, в отношении которых было запланировано проведение ремонтных работ, данный коммеморативный знак уже не значился наравне с демонтированным на тот момент временным памятником А. И. Герцену [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 86].

Таблица 1. Позиции властей и компетентных организаций в отношении дальнейшей судьбы временных революционных памятников-бюстов Л. О. Бланки, Д. Гарибальди, Г. Гейне, Н. А. Добролюбову, Т. Г. Шевченко
Table 1. Authorities' and competent organizations' positions regarding further status of temporary revolutionary monuments-busts of L. A. Blanqui, G. Garibaldi, H. Heine, N. A. Dobrolyubov, and T. G. Shevchenko

Наименование	Элементы объекта	Дефекты	Предписания	Целесообразность сохранения	Рекомендованные к выполнению работы
Л. О. Бланки	бюст	«Выбит глаз и сбитая часть головы»	сделать «большой» ремонт	произвести демонтаж по причине плохого состояния	1) исправить трещины; 2) покрасить черной масляной краской
	пост.	трещины	осушить ремонт		
Д. Гарибальди	бюст	«трещина в голове»	исправить	демонтировать и установить в другом месте по причине неудачного расположения	1) исправить трещины; 2) покрасить черной масляной краской
	пост.	(1)	выполнить ремонт пост. и букв		
Г. Гейне	бюст	«Совершенно разрушен. Часть головы отбита»	(1)	«восстановить совершенно невозможно. Желательно снести»	(1)
Н. А. Добролюбов	бюст	«в сравнительно хорошем состоянии»	(1)	может постоять 2–3 г. без капитального ремонта	1) исправить трещины; 2) покрасить черной масляной краской
	пост.	(1)	оштукат. раств. по желез. сетке	(1)	1) исправить штукатурку; 2) покрасить клеевой краской; 3) написать буквы
Т. Г. Шевченко	бюст	(1)	1) оштукат.; 2) «набить снятые буквы надписи»	(1)	1) исправить трещины; 2) покрасить серой масляной краской
	пост.				1) исправить штукатурку; 2) покрасить клеевой краской; 3) написать буквы

Примечание: (1) Сведения не указаны в документе.

Источник: [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 83, 83 об.; ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 86].

Note: (1) The information is not specified in the document.

Source: (Documents on the removal, n.d., f. R-3183, op. 1, d. 46, p. 83, 83 ob.; Documents on the removal, n.d., f. R-3183, op. 1, d. 46, p. 86).

Важно отметить, что постамент, на котором располагался бюст Н. А. Добролюбову, на фото 1919 г. (рис. 2) выглядел отсыревшим и разрушающимся²¹ уже через несколько месяцев после установки. В свою очередь бюст, согласно документу, в июне 1923 г. находился в относительно хорошем состоянии и мог простоять без капитального ремонта еще 2–3 г. [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 83, 83 об.].

Данный бюст наравне с временным памятником Т. Г. Шевченко подлежал ремонту, но находились они в разной степени сохранности (таблица 1). Последний объект выглядел более разрушенным, но при этом рассматривался как «подлежащий сохранению».

В связи с этим особый интерес вызывает написанный от руки комментарий Б. Калвы, который, возможно, был на момент составления документа представителем технической инспекции Петрогуботкомхоза:

«Фактически осмотрев памятники Шевченко и Добролюбова полагаю, что ремонт их, в границах указ. градостроит [...] возможен. Бюст Шевченко хотя и значительно хуже бюста Добролюбова [*зачеркн.*^{беру} состояние ^{материала}] но оснований к снятию его нет. По крайней мере это не так настоятельно в нынешних условиях. Независимо же от сего думаю что если эти памятники останутся дальше — то надо подумать о новых врем. памятниках: отремонтированные долго не простоят. Разумеется нужно компетентное пат(...)дение моих опасений. 9 мая 1923 БКалва...» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 83 об.]

Примечательно, что в словах сотрудника предпринята попытка спасения бюста Т. Г. Шевченко, поскольку чиновник понимал, что демонтаж полуразрушенных памятников в указанное время представлялся нецелесообразным. С другой стороны, их ремонт также не являлся решением проблемы.

Обсуждение результатов

В попытке спасения временных памятников по решению городских властей изначально был составлен список. Позже, согласно состоянию — удовлетворительное, разрушенное и полуразрушенное, — «памятники-временки» подразделили на несколько видов. Результаты осмотра зафиксированы в документе, датированном 2 мая 1923 г.: бюст А. И. Герцену демонтируется, а бюст Г. Гейне вообще не указан. В отношении остальных временных памятников были проведены однотипные работы (относительно бюста — исправление трещин, покраска черной (серой) масляной краской, постамента — оштукатуривание, покраска и написание букв). Стоит отметить, что работы касались прежде всего материала исполнения памятников-бюстов.

В итоге, несмотря на проведенный Мастерской ремонт [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 136, 137], объекты простояли в ландшафте города недолго. Действительно, бюсты Л. О. Бланки [Бюст Л. О.], Г. Гейне, Д. Гарибальди [Гарибальди Д.] и А. И. Герцену украшали ландшафт Петрограда до 1923 г. Среди них ремонтные работы Мастерской были проведены только в отношении бюстов Л. О. Бланки и Д. Гарибальди [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 86], поскольку временный памятник А. И. Герцену был демонтирован еще в январе, а бюст Г. Гейне — летом 1923 г.

Рис. 2. ЦГАКФФД СПб. Др. 9588. Памятник писателю Н. А. Добролюбову (скульптор К. Зале) у Тучкова моста. 1919 г. Петроград. Автор съемки Я. В. Штейнберг

Fig. 2. Central State Archive of Cinema, Photographic, and Phonographic Documents of St. Petersburg. Dr. 9588. Monument to writer N. Dobrolyubov (sculpted by K. Zale) at Tuchkov Bridge. 1919. Petrograd. Photographer Ya. V. Shteinberg

Примечательно, что временные памятники Л. О. Бланки²² и Д. Гарибальди после ремонта существовали в городской среде максимум несколько месяцев.

Следует подчеркнуть, что бюст Н. А. Добролюбову, установленный первым среди исследуемых объектов, простоял после ремонта лишь до сентября 1924 г. [Семенцов, Сперанская, 2018, с. 39; МГС, 2023].

Отмеченные мероприятия на несколько лет «продлили жизнь» лишь временному памятнику Т. Г. Шевченко, который размещался в культурном ландшафте города после проведения ремонтных работ до 1925 г.²³ [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-229, оп. 1-2, д. 366]. Последний памятник-бюст, по одной из версий, «из-за порчи материала под открытым небом» планировалось заменить бронзовым вариантом [Taras Shevchenko...].

В общем, указанные памятники-бюсты просуществовали в городской среде от 4 (бюст А. И. Герцену)²⁴ до 7 лет (бюст Т. Г. Шевченко).

Заключение

Временные памятники, установленные в крупных городах Советской России в рамках реализации Ленинского плана монументальной пропаганды, «по самой хрупкости материала» нуждались в работах, направленных на их сохранение. При этом объекты, существовавшие в суровых климатических условиях северной столицы, включая масштабное наводнение, подвергались разрушению в большей степени.

Проведенное исследование, основанное на изучении архивных документов, продемонстрировало, что в 1923 г. по инициативе властей Петрограда была организована деятельность по сохранению временных революционных памятников. Реставрационные работы были проведены по отношению к 4 коммеморативным знакам и на некоторый срок продлили существование объектов в культурном ландшафте города. Данные выводы конкретизируют результаты исследователей, обращавшихся к изучению процесса сохранения временных памятников, установленных в рамках реализации Ленинского плана монументальной пропаганды.

Примечания

1. Под словосочетанием «временные революционные памятники Петрограда» (далее — объекты / временные памятники / бюсты / коммеморативные знаки / памятники-бюсты) автором рассматриваются такие виды коммеморации, как погрудные бюсты, расположенные на высоких пьедесталах, установленные в 1918–1919 гг. в честь революционных деятелей (иначе — революционные, агитационные [Крусанов, 2003, с. 65]) в рамках реализации Ленинского плана монументальной пропаганды и не сохранившиеся до наших дней.
2. По мнению А. А. Федорова-Давыдова, причиной «краха» Плана явилось несоответствие «... скульптурной формы методам современной политической агитации» [Федоров-Давыдов, 1927, с. 189].
3. Автор указывает следующие причины невыполнения Плана: непродолжительный срок для его реализации, недостаточное количество «сильных» скульпторов, монументальных знаний и навыков [Тугендхольд, 1930, с. 68].

4. Учеными отмечено, что бюст А. Н. Радищеву был разрушен во время шторма в декабре 1919 г. [Кириллова, 2018, с. 120], а временный памятник Н. А. Добролюбову — наводнения 1924 г. [Крусанов, 2003, с. 663].
5. Например, в качестве причины краткосрочности существования памятника А. И. Герцену указаны «невские ветры и сырость» [Гапеева, 1967, с. 51].
6. Реализация Плана изначально предполагалась только в городах [Шалаева, 2014, с. 33]. Наряду с Петроградом и Москвой коммеморативные знаки планировалось поставить в «... Киеве и др. крупнейших городах Российской Федерации» [Семенов, Сперанская, 2018, с. 40–41].
7. Исследователи подчеркивают, что План «...предусматривал пропаганду идей коммунизма средствами искусства, а прежде всего скульптуры» [Искусство стран..., 1971, т. 3, с. 411]. Сама же скульптура «... была провозглашена делом общественно-государственной важности» [Тугендхольд, 1930, с. 67].
8. А. В. Луначарский данный перечень определял как «пестрый список пятидесяти героев» [В. И. Ленин, 1971, с. 82], современные же исследователи отмечают, что во время реализации Плана существовала необходимость разъяснения причастности биографий мемориализируемых особ к революционной деятельности [Шалаева, 2014, с. 34].
9. Петрогуботкомхоз — Петроградский Губернский Отдел Коммунального Хозяйства [Весь Петроград, 1923, с. 72]. Отделу подчинялись все предприятия городского благоустройства, включая ремонтно-строительные. Численность сотрудников и рабочих Петрогуботкомхоза на 1 января 1923 г. составляла 11 890 человек [Кириллова, 2013, с. 203].
10. М. Л. Миропольский занимал указанную должность с сентября 1922 г. [Кириллова, 2015, с. 105] до июня 1923 г. [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 2, 29, 57, 87]. В 1922–1924 гг. в Подотделе числилось 858 сотрудников [Кириллова, 2015, с. 26].
11. Петросовет — Петроградский Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов [Весь Петроград, 1923, с. 1].
12. Я. А. Троупянский — скульптор, ученик неаполитанской Академии художеств, Высшего художественного училища при Академии художеств в Петербурге, автор работ в области монументальной скульптуры, декоративного оформления зданий, расположенных в Петербурге, Одессе, Киеве и Харькове [Силина, 2014, с. 255].
13. Сорабис — Всероссийский союз работников искусств [Весь Петроград, 1923, с. 3а].
14. Ассобоз — городской ассенизационный обоз, входил в состав Подотдела [Весь Петроград, 1923, с. 73] и занимался очисткой города от мусора и нечистот [Кириллова, 2015, с. 26].
15. Возможно, имеется в виду Управление по очистке, входившее в состав Подотдела [Весь Петроград, 1923, с. 73] и отвечающее за уборку мест общественного пользования — площадей, мостов, набережных и др. [Кириллова, 2015, с. 105].
16. В архивном документе указаны следующие районы: 1-й и 2-й городской, Василеостровский, Володарский, Московско-Нарвский и Петроградско-Выборгский [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 29, 29 об.].
17. Отношение № 181, заключающееся в предоставлении списка «... временных полуразрушенных памятников, поставленных в честь революционных деятелей на предмет их сношения» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 32].
18. В 1918 г. декретом СНК Академия художеств как академическое Собрание была упразднена, а в ее стенах учреждались Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские (до 1919 г.) [Искусство стран..., 1971, т. 3, с. 757–758]. Ранее отмечалось,

что во время исследуемого хронологического периода произошла чистка Академии художеств и превращение ее в Свободные государственные мастерские [Тугендхольд, 1930, с. 19]. Ремонт же изучаемых объектов был проведен в 1923 г. на базе «Формовской Мастерской Академии Художеств» [ЦГА СПб, ф. Р-3183, оп. 1, д. 46, л. 136].

19. Ориентировочно сделанного до проведения ремонтных работ в июле 1923 г.
20. Запаятые, поставленные до и после слова «вообще», отмечены карандашом.
21. На фото видно, что на постаменте отслаивалась штукатурка (рис. 2).
22. Отмечается, что знак коммеморации существовал в ландшафте города до лета 1923 г. [Гапеева, 1967, с. 50].
23. По другим данным, объект простоял до 1923 г. [Гапеева, 1967, с. 50].
24. По сведениям сотрудников Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, объект находился в ландшафте города 3 г. и 11 месяцев [Правительство Санкт-Петербурга].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Баранов Н. В., Веймарн Б. В., Виппер Б. Р., Иогансон Б. В., Кантор А. М., Лебедев В. А., Полевой В. М., Синюков В. Д., Фёдоров-Давыдов А. А. (ред.). 1971. Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 3. 768 с.
- Бюст Л. О. Бланки у Балтийского вокзала // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12213302> (дата обращения: 17.11.2023).
- В мастерских скульпторов. 1918 // Новая петроградская газета. № 168. 9 августа. С. 4.
- Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1923 г. Петроград: Отд. упр. Петрогубисполкома. 1231 с.
- Гапеева В. 1967. Монументальная пропаганда в Петрограде // Искусство. № 11. С. 48–51.
- Гарibaldi Д., памятник // Санкт-Петербург. Энциклопедия. <http://encspb.ru/object/2805469968?dv=2853872334&lc=ru> (дата обращения: 09.12.2023).
- Зильберштейн И. С., Соловьев А. А. (ред.). 1971. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. Литературное наследство. Т. 80. М.: Наука. 766 с.
- Кампанелла Т. 1918. Государство Солнца (Civitas Solis) / пер. с лат. А. Г. Генкеля. 2-е изд. Пг.: Изд-во Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 66 с.
- Карпова Е. К. 2023. Женские образы в монументальной скульптуре Петербурга: памятник Софье Перовской работы Орландо Гризелли // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Женская вселенная русского искусства». СПб. С. 198–207.
- Кириллова Е. А. 2013. Социальный отбор времен НЭПа: критерии, механизмы, курьезы (по материалам комиссии по «чистке» личного состава Отдела коммунального хозяйства Петрогубисполкома 1923 г.) // Новейшая история России. № 2. С. 202–211.
- Кириллова Е. А. 2015. Городское хозяйство в период становления нэпа 1921–1925 гг. (по материалам Петрограда — Ленинграда): дис. ... канд. ист. наук. СПб. 224 с.
- Кириллова Е. А. 2018. Радищева снесло штормом: в 1918 г. в Петрограде большевики начали менять старые памятники на новые // Родина. № 1. С. 120–121.

- Котломанов А. О. 2021. «Ленинский план монументальной пропаганды» — феномен государственного паблик-арта // Terra artis. Искусство и дизайн. № 4. С. 62–76.
- Крусанов А. В. 2003. Русский авангард 1907–1932 (исторический обзор): в 3 т. Т. 2. Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. М.: Новое Литературное Обозрение. 808 с.
- Ленин В. И. В. И. Ленин и изобразительное искусство. Документы, письма, воспоминания / сост., вступ. статья и ком. В. В. Шлеев; худ. В. М. Савченко. 1977. М.: Изобразительное искусство. 550 с.
- Луначарский А. В. 1968. Ленин о монументальной пропаганде // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия. С. 197–200.
- Луначарский А. В. 2019. Об искусстве: в 2 т. Т. 2. Русское советское искусство. М.; Берлин: Директ-Медиа. 304 с.
- Музей Городской Скульптуры. 2014. Утерянные памятники Петербурга // ВКОНТАКТЕ. https://vk.com/wall-33280494_2012 (дата обращения: 17.11.2023).
- Музей Городской Скульптуры. 2023. Выставка «Просим снять» в окнах «Невского, 19» // ВКОНТАКТЕ. https://vk.com/wall-33280494_8826 (дата обращения: 11.12.2023).
- Памятники. 1920 // Жизнь искусства. № 646/648 (31 дек. — 2 янв.). С. 1.
- Постановление СНК об утверждении списка памятников великим людям. 30 июля 1918 г. 1964 // Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат. С. 118–119.
- Правительство Санкт-Петербурга. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию. Часть 2. <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/populyarizaciya/iz-arhivnogo-sobraniya-kgiop/v-oznamenovanie-velikogo-perevorota-preobrazivshego-grossiyu-chast-2/> (дата обращения: 09.12.2023).
- Пунина И. Н., Сперанская В. С. 1978. К 60-летию ленинского плана монументальной пропаганды. Первые памятники Октября // Строительство и архитектура Ленинграда. № 4. С. 20–23.
- Семенцов С. В., Сперанская В. С. 2018. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестник гражданских инженеров «Архитектура, градостроительство, дизайн». № 2 (67). С. 37–47.
- Силина М. М. 2014. История и идеология: монументально-декоративный рельеф 1920–1930-х годов в СССР. М.: БуксМАрт. 352 с.
- Тугендхольд Я. А. 1930. Искусство октябрьской эпохи. Л.: Academia. 198 с.
- Федоров-Давыдов А. А. 1927. Скульптура // Печать и революция: журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Кн. 7. С. 183–201.
- Хазанова В. Э. 1970. Советская архитектура первых лет Октября. М.: Наука. 216 с.
- ЦГА СПб. Документы о снятии и установке памятников // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-3183. Оп. 1. Д. 46. Л. 2, 12, 14, 15, 29, 29 об., 31, 32, 57, 83, 83 об., 86, 87, 105, 136, 137.
- ЦГАЛИ СПб. Документы о воссоздании в Ленинграде памятника Т. Г. Шевченко, сооруженного и открытого 11 ноября 1918 года и разрушенного в 1925 году // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-229. Оп. 1-2. Д. 366.

- Шалаева Н. В. 2014. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918–1921 годы // Вестник Челябинского государственного университета. № 8 (337). С. 30–35.
- Taras Shevchenko spb old monument 1918–1926. https://en.wikipedia.org/wiki/File:Taras_Shevchenko_spb_old_monument_1918-1926.jpg (дата обращения: 17.11.2023).

References

- Baranov, N. V., Veymarn, B. V., Vipper, B. R., Ioganson, B. V., Kantor, A. M., Lebedev, V. A., Polevoy, V. M., Sinyukov, V. D., & Fedorov-Davydov, A. A. (Eds.). (1971). *Art of Countries and Peoples of the World. Concise Art Encyclopedia*. (Vol. 3). Sovetskaya entsiklopediya. [In Russian]
- Gosudarstvenniy katalog Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii. (n.d.). *Bust of A. Blanqui near the Baltic railway station*. Retrieved Nov. 17, 2023, from <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12213302> [In Russian]
- In the sculptors' studios. (1918). *Novaya petrogradskaya gazeta*, (168), 4. [In Russian]
- All Petrograd: Address and Reference Book of Petrograd for 1923*. (1923). Otd. upr. Petrogubispolkoma. [In Russian]
- Gapeeva, V. (1967). Monumental propaganda in Petrograd *Iskusstvo*, (11), 48–51. [In Russian]
- Garibaldi G., monument. (n.d.). *Sankt-Peterburg. Entsiklopediya*. Retrieved Nov. 27, 2023, from <http://encspb.ru/object/2805469968?dv=2853872334&lc=ru> [In Russian]
- Zilbershteyn, I. S., & Solovyov, A. A. (Eds.). (1971). *V. I. Lenin and A. V. Lunacharsky. Correspondence, Reports, Documents*. Nauka. [In Russian]
- Kampanella, T. (1918). *Sunshine State (Civitas Solis)*. Izdatelstvo Petrogradskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov. [In Russian]
- Karpova, E. K. (2023). Female Images in Monumental Sculpture in St. Petersburg: Monument to Sofia Perovskaya by Orlando Griselli. In *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Zhenskaya vseennaya russkogo iskusstva"* (pp. 198–207). [In Russian]
- Kirillova, E. A. (2013). Social selection during the NEP: criteria, mechanisms, curiosities (based on the materials of the commission for "purging" the personnel of the Department of Public Utilities of the Petrogubispolkom in 1923). *Noveyshaya istoriya Rossii*, (2), 202–211. [In Russian]
- Kirillova, E. A. (2015). *Urban economy in the Formation Period of the NEP in 1921–1925 (the case of Petrograd–Leningrad)*. [Cand. Sci. (Hist.) dissertation, St. Petersburg University]. [In Russian]
- Kirillova, E. A. (2018). Radishchev was blown away by a storm: in 1918 in Petrograd, the Bolsheviks began replacing old monuments with new ones. *Rodina*, (1), 120–121. [In Russian]
- Kotlomanov, A. O. (2021). "Lenin's Plan of Monumental Propaganda" — a phenomenon of state public art. *Iskusstvo i dizayn*, (4), 62–76. [In Russian]
- Krusanov, A. V. (2003). *Russian Avant-Garde 1907–1932 (historical review)*. In 3 vols. Vol. 2. *Futurist Revolution (1917–1921)* (part 1). Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian]
- Lenin, V. I. (1977). *V. I. Lenin and Fine Arts. Documents, Letters, Memoirs*. Izobrazitelnoye iskusstvo. [In Russian]
- Lunacharskiy, A. V. (1968). *Lenin on Monumental Propaganda*. Sovetskaya Rossiya. [In Russian]
- Lunacharskiy, A. V. (2019). *About Art* (Vol. 2). Direkt-Media. [In Russian]
- Muzey gorodskoy kultury. (2014). Lost monuments of St. Petersburg. *VKONTAKTE*. Retrieved Nov. 17, 2023, from https://vk.com/wall-33280494_2012 [In Russian]

- Muzej gorodskoy kultury. (2023). Exhibition “Please Take It Off” in the windows of “Nevsky, 19”. VKONTAKTE. Retrieved Nov. 17, 2023, from https://vk.com/wall-33280494_8826 [In Russian]
- Monuments. (1920). *Zhizn' iskusstva*, (646/648), 1. [In Russian]
- On the approval of the list of monuments to great people, SNK Resolution, July 30, 1918. (1964). In *Decrees of Soviet Power. Vol. 3. July 11–Nov. 9, 1918* (pp. 118–119). Politizdat. [In Russian]
- Government of St. Petersburg. Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments. (n.d.). In *commemoration of the great coup that transformed Russia. Part 2*. Retrieved Jan. 18, 2024, from <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/populyarizaciya/iz-arhivnogo-sobraniya-kgiop/v-oznamenovanie-velikogo-perevorota-preobrazivshego-rossiyuchast-2/> [In Russian]
- Punina, I. N., & Speranskaja, V. S. (1978). To the 60th anniversary of Lenin's plan of monumental propaganda. The first monuments of October. *Stroitelstvo i arkhitektura Leningrada*, (4), 20–23. [In Russian]
- Sementsov, S. V., & Speranskaya, V. S. (2018). Lenin's Plan of Monumental Propaganda and the Traditions of Imperial Capital Culture. *Arhitektura, gradostroitelstvo, dizayn*, 2(67), 37–47. [In Russian]
- Silina, M. M. (2014). *History and Ideology: Monumental and Decorative Relief of the 1920s–1930s in the USSR*. BuksMArt. [In Russian]
- Tugendhold, Ya. A. (1930). *The Art of the October Era*. Akademiya. [In Russian]
- Fedorov-Davydov, A. A. (1927). Sculpture. *Pechat i revoljutsiya: zhurnal literatury, iskusstva, kritiki i bibliografii*, (7), 183–201. [In Russian]
- Khazanova, V. E. (1970). *Soviet Architecture of the First Years of the October Revolution*. Nauka. [In Russian]
- Documents on the removal and installation of monuments*. (n.d.). Central State Archive of St. Petersburg, f. r-3183, op. 1, d. 46, l. 2, 12, 14, 15, 29, 29 ob., 31, 32, 57, 83, 83 ob., 86, 87, 105, 136, 137 [In Russian]
- Documents on the restoration in Leningrad of the monument to T. G. Shevchenko, erected and opened on Nov. 14, 1918 and destroyed in 1925*. (n.d.). St. Petersburg Literature and Arts Archive, f. r-229, op. 1–2, d. 366. [In Russian]
- Shalaeva, N. V. (2014). Plan of Soviet monumental propaganda: problems of realization. 1918–1921. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (8), 30–35. [In Russian]
- Taras Shevchenko spb old monument 1918–1926*. (n.d.). Retrieved Nov. 17, 2023, from https://en.wikipedia.org/wiki/File:Taras_Shevchenko_spb_old_monument_1918-1926.jpg [In Russian]

Информация об авторе

Елена Олеговна Макарова, аспирант кафедры истории, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
elenamakarovauj@gmail.com

Information about the author

Elena O. Makarova, Post-Graduate Student, Department of History, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
elenamakarovauj@gmail.com

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные исследования. Humanitates
2024. Том 10. № 2 (38)

Редактор	<i>Д. В. Лангавая</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>Т. П. Сербин</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Дата выхода в свет 18.07.2024
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 10,15 усл. печ. л., 8,12 уч.-изд. л.
Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 152